

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

94

ПАМЯТНИКИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

94

ПАМЯТНИКИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*.
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

Е. А. Векилова, Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Е. И. Крупнов,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Т. Г. Оболдува (отв. секретарь),
Д. Б. Шелов и секретари секторов ИА АН СССР

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

А. П. СМЕРНОВ

НЕКОТОРЫЕ НЕРЕШЕННЫЕ ЗАДАЧИ АРХЕОЛОГИИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

За последние годы советские археологи добились больших успехов в изучении раннего железного века, имевшего большое значение в развитии человеческой культуры. Ранний железный век — время больших этнических передвижений, инфильтрации плёмен, появления общих культурных элементов на огромных пространствах Евразии, время огромных сдвигов в социальных отношениях, формирования классового общества.

На всем протяжении Средиземноморья и Черноморского побережья в это время возникают греческие колонии, оказавшие большое влияние на общественное устройство населения близлежащих областей. К этому времени относится возникновение и развитие скифской державы, сыгравшей в истории нашей страны и Востока значительную роль.

Советские археологи внесли большой вклад в изучение экономики скифов — проблема, почти не вызывавшая ранее интереса археологов и историков¹. Много внимания за советский период было уделено изучению поселений, которые давали возможность разрешить вопрос об уровне развития производительных сил. В этом отношении очень важны раскопки таких памятников, как Каменское городище² и Неаполя Скифского³, раскрывшего перед нами своеобразную культуру позднего скифского города. Разработка этого материала позволила поставить и разрешить проблему общественных отношений не по отдельным, иногда случайным высказываниям древних авторов, но на основе большого, хорошо документированного археологического материала. Большое внимание уделено взаимосвязям с античным миром, с Востоком, раскрытым на обширном материале. Совершенно новыми страницами истории древнего мира стали исследования Северного Кавказа, подчеркнувшие большую роль скифов в культурной и этнической жизни края⁴. Много внимания уделено вопросам этнической карты Скифии и сопредельных районов. Здесь изучались не только сведения античных авторов, но и богатейший археологический материал. Памятники предшествующего времени обогатили наши знания и позволили по-новому поставить проблему происхождения скифов.

Особенно много сделано в области изучения периферии Скифии. Открыты новые культуры — милоградская, юхновская и другие соответствующи-

¹ С. А. Семенов-Зусер. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947, стр. 124 и сл.; Н. Н. Погребова. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР. 1962. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1952, стр. 3; «История скотоводства в Северном Причерноморье». МИА, № 53, 1960.

² Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. М., 1954.

³ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 16; его же. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.

⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

шие отдельным племенным союзам или крупным племенам, упоминаемым Геродотом. Получен большой материал, характеризующий тесные культурные связи скифов не только с ближайшими соседями, но и с населением дальних территорий. Материалы систематических раскопок на землях савроматов внесли ясность в племенной состав и позволили разделить памятники по отдельным хронологическим этапам. Вместе с тем они позволяют говорить об общности с рядом культурных элементов, известных в Средней Азии. Интересны исследования в Казахстане, где раскрыты памятники сакской культуры. Раскопки в Сибири, на Алтае обогатили наши музеи своеобразными памятниками, тесно связанными со скифской культурой. За советский период систематические работы велись в Средней Азии. Больших успехов добились археологи в северной части Восточной Европы и Азии, начиная от Прибалтики, где особое внимание было уделено памятникам раннего железного века, и кончая Дальним Востоком, где открыты памятники новых культур. Ценный материал получен в Приуралье, где прослежены истоки ананьинской культуры и ее локальные варианты. Получен новый материал, подчеркнувший значение сибирского компонента в формировании ананьинской культуры, уточнены границы финно-угорского мира. Углубились и наши знания по соседним, более западным областям городецкой и дяковской культур, приписываемых финно-угорскому миру. Здесь уточнены даты, выявлены локальные варианты культур, определена роль скифо-сарматского влияния на их сложение. Прослежена культурная и этническая инфильтрация. Принципиально новый материал дали работы на территории Коми АССР и Большеземельской тундры. Заслуживает внимания факт хорошо установленного влияния скифо-сарматского мира на всю территорию севера Восточной Европы. Это влияние не ограничилось появлением в этих далеких землях скифских и сарматских вещей, здесь возникли и местные подражания. Археологи достаточно хорошо выявили в основных чертах экономику этих племен.

Несмотря на большие успехи, нет оснований полагать, что темы по истории древнего населения нашей страны в эпоху железа исчерпаны. Проведенные исследования позволяют поставить многие вопросы, разрешение которых возможно будет только при дальнейшем усовершенствовании археологической методики.

Наиболее важной остается скифская проблема. Скифы давно привлекали внимание историков, крупных ученых, справедливо считавших скифскую проблему одной из основных в древней истории Европы.

К сожалению, до последнего времени по многим основным вопросам скифской истории еще нет единой точки зрения. Остается нерешенным вопрос о социальном строе у скифов, нельзя считать решенной проблему их происхождения, неясны основы скифской культуры. Сессия по изучению скифо-сарматской археологии, проведенная в Москве в 1952 г., подвела итоги проделанной большой работы и наметила пути дальнейших исследований. Эта сессия подчеркнула принятое в науке положение об этническом и культурном своеобразии скифских степных племен и их отличие от населения лесостепи. Несомненно правильное по существу положение привело на практике к сужению скифской проблематики рамками одной степной части Северного Причерноморья и создало определенные трудности в разрешении отдельных проблем, в первую очередь происхождения скифов, их культуры и так называемого звериного стиля. Существующие теории происхождения скифов не устраняют противоречия, создаваемые археологическим материалом, не объясняют исходных элементов блестящей скифской культуры.

Наиболее широким признанием пользуется в настоящее время точка зрения о генетической связи племен срубной культуры и скифов⁵. Это положение основано, главным образом, на идентичности некоторых типов

⁵ Ряд исследователей приписывает срубную культуру киммерийцам.

срубной и скифской керамики и некоторых форм оружия. Однако эта гипотеза не объясняет многих различий между срубной и скифской культурами, например в погребальном обряде, на что в свое время обратил внимание А. А. Спицын⁶. Эти различия могли бы получить объяснение в резких изменениях в социальном строе, возникновении классового общества. Однако никто из сторонников теории классового общества у скифов не относит возникновение государства к столь раннему времени, к VII в. до н. э. Различие наблюдается и в области скотоводства. Как показали исследования В. И. Цалкина, породы скота эпохи поздней бронзы резко отличаются от пород, известных для эпохи раннего железа. Появление в Северном Причерноморье комолого и короткоголового скота связано с появлением на этой территории скифских племен, которые привели с собой свои стада⁷. Эти данные находятся в резком противоречии с положением о сходстве срубной и скифской керамики и требуют объяснения. В большинстве работ, вышедших за последнее время, положение, выдвинутое В. И. Цалкиным, просто забывается или игнорируется, а оно с несомненностью свидетельствует о резком различии между срубной и скифской культурами.

Сходство керамики срубной и скифской еще не может служить основанием для утверждений генетической связи между этими племенами. Сходство керамических форм и других категорий вещей может возникнуть в результате этнической и культурной ассимиляции. Пришельцы-скифы могли воспринять у местных срубных племен формы керамики и техники керамического дела и развить ее в дальнейшем.

Точно так же вопрос о сложении скифского звериного стиля едва ли может найти удовлетворительное объяснение в материале срубной культуры. Проблема происхождения скифов еще не решена и требует привлечения материала с широких пространств Евразии⁸. Это особенно важно при учете данных Геродота о приходе скифов из Азии. В свете сравнительного азиатского и закавказского материалов, может быть, с привлечением новых данных возможно решение вопроса о генезисе звериного стиля. Положительного отношения заслуживает точка зрения М. И. Артамонова, сопоставившего памятники восточного и скифского искусства и указавшего на близость северо-иранского искусства VII—VI вв. до н. э. искусству скифов⁹. Однако проблема происхождения скифов и их культуры не может быть успешно разрешена без учета местного материала. Это вызывает необходимость изучения этнографической карты Северного Причерноморья и его периферии не только эпохи раннего железа, но и конца периода бронзы. Во всяком случае, материал второй половины II тысячелетия до н. э. должен быть мобилизован для разрешения поставленной проблемы. Работы, которые ведутся в этом направлении по изучению территории Молдавии, правобережья Днестра, южной Белоруссии и Днепровского левобережья (милоградской, бондарихинской и юхновской культур), Донецкой территории, Поволжья и Северного Кавказа, дали значительный материал, позволяющий проследить генезис культур раннего железного века и выявить специфику местных культур скифского времени.

Естественно, не может быть отброшена и культура савроматов, про которых Геродот говорил, что их язык близок скифскому, а также саков и массагетов. Заслуживает внимания сходство многих изображений, выполненных в зверином стиле, и относимых к искусству саков и скифов. Без привлечения материалов с широкой территории (включая Алтай I тысячелетия до н. э.) трудно рассчитывать на правильное разрешение истории звериного стиля. Нас не должны смущать столь далекие аналогии. Работы

⁶ А. А. Спицын. Курганы скифов пахарей. ИАК, вып. 65. Пг., 1918, стр. 65.

⁷ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 53, 1960, стр. 35.

⁸ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 204—205.

⁹ Краткое резюме доклада М. И. Артамонова. См. СА, 1962, № 1, стр. 343—344.

С. И. Руденко, С. В. Киселева, Сальмони¹⁰ по истории звериного стиля, привлечение ими далеких аналогий, в частности интересное сравнение сибирского грифона с античным, не оставляют сомнения в каких-то общих компонентах, сложившихся на широкой территории.

По-видимому, ограничение исследования по вопросу происхождения скифов небольшими замкнутыми территориями, попытки на ограниченной территории разрешить вопросы формирования скифов и их культуры привели к тому, что мы все еще далеки от решения этих проблем.

Спорным остается положение о формировании зарубинецкой культуры на основе скифской. Резкое различие в погребальных обрядах делает этот тезис неприемлемым.

Не совсем благополучно обстоит дело и с вопросом о сложении культур за пределами скифского мира. Если десяток лет назад казался ясным вопрос о генезисе ананьинской культуры, то после работ О. Н. Бадера на верхней Каме и открытия там новых ананьинских и предананьинских памятников встал вопрос о первоначальной родине этой культуры и последующем ее распространении на Нижнюю Каму и Среднюю Волгу.

Несогласованность взглядов в данном случае объясняется различным подходом к материалу, различными методическими приемами анализа вещей, которые определяют и различное понимание исторического процесса. Взгляды, сложившиеся в эпоху господства учения Н. Я. Марра о языке, привели к тому, что археологи невольно пытаются на ограниченной территории найти генетическую зависимость между предшествующими и последующими культурами, забывая о том, что сходство форм вещей и, в частности керамики, может наблюдаться и при внедрении нового населения и при культурной ассимиляции.

Ананьинская культура охватывает большую территорию Прикамья и Среднего Поволжья и на всем этом пространстве она неодинакова. Это положение доказано многими исследователями. Локальные варианты этой культуры включают один общий компонент, которым, по-видимому, была абашевская культура, распространенная также на безграничных пространствах Приуралья и Поволжья. Если сравнить керамику ананьинскую с абашевской, то среди последней найдем общие формы, наиболее близкие друг другу. Едва ли можно говорить о сходстве материала эпохи поздней бронзы на Средней Каме с ананьинским.

За последнее время при решении вопроса о генезисе культур все больше и больше привлекается антропологический материал. Однако нельзя не заметить, что делается это не всегда последовательно. Нередко культуры, выделенные по археологическим данным, сравниваются с культурами, установленными на основе чаще всего небольшого, антропологического материала. В этом случае археологи забывают положение антропологии, что для более или менее обоснованных выводов необходимы большие краниологические серии. Выводы, построенные на анализе отдельных черепов, таят возможность грубых ошибок.

Так обстоит дело, в частности, при решении вопроса о происхождении ананьинской культуры. Здесь едва ли можно опираться на антропологический материал, как на решающий. Наличие монголоидного компонента не дает оснований выводить эту культуру из Сибири¹¹. Сибирский компонент в свое время установлен и по археологическим источникам. Однако при наличии других элементов это не давало основания выводить ананьинскую культуру (в целом) из Азии. Как можно судить по археологическому материалу, процесс формирования ананьинской культуры, отражающей

¹⁰ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. Л., 1952, стр. 208 и сл.; С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1949, стр. 145 и сл.; Salmöni S v n o. Sibirien art. Paris, 1933.

¹¹ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 93.

языковое и этническое единство на огромной территории, был весьма сложен и охватил самые разнообразные компоненты (срубный, абашевский и сибирский).

Большим тормозом в работе археологов можно считать несогласованность терминологии. Это, в частности, относится к понятию культура. Разные исследователи употребляют этот термин различно, что приводит к значительной путанице¹². В отдельных случаях при выделении «культур» учитывается, помимо основного археологического, и антропологический материал, хотя последний едва ли может быть решающим. Он, как и языковой, должен привлекаться только для проверки выводов, полученных при анализе вещественного материала. Образцом анализа археологического материала все еще остаются работы В. А. Городцова, который дал деление культур бронзового века, пользующееся признанием до настоящего времени. Таковы работы и А. А. Спицына, отметившего племенные особенности славян, С. А. Теплоухова, выделившего культуры Минусинской котловины, М. П. Грязнова, А. П. Окладникова и др. К сожалению, за последнее время не все исследователи придерживаются единого принципа систематики, и культуры выделяются не по основным признакам, а по частным. В одних случаях учитывается погребальный обряд, в других — керамика, в третьих — тип жилищ. Иногда же вопрос решается на основе общего впечатления без достаточной аргументации. Таков конгломерат культур, выделенных за последние годы для Приуралья¹³.

В настоящее время наметилась тенденция пересмотреть сложившиеся взгляды на дьяковскую культуру. Работы В. А. Городцова позволили установить ее датировку от V в. до н. э. до V в. н. э. Эти даты шли вразрез с хронологической шкалой, разработанной ранее А. А. Спицыным. Раскопки, проведенные за последнее десятилетие, заставили пересмотреть хронологию, разработанную этими исследователями. Продолжая традиции А. А. Спицына, Е. И. Горюнова пересмотрела деление дьяковской культуры на стадии и выделила ряд локальных вариантов: Московскую, Владимиро-Суздальскую, Ярославскую группы. Е. И. Горюнова связывает дьяковскую культуру с мерей, на что обращали внимание и прежние исследователи. Недостаток этой, несомненно, очень ценной работы — выборочное привлечение сравнительного материала и чрезмерное увлечение восточным угорским элементом. Это привело к появлению спорных, иногда малообоснованных дат и недооценке западных элементов. Более правильную позицию занимает П. Н. Третьяков. В его работе¹⁴ приведены убедительные доказательства, показывающие, что население Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки в течение многих веков находилось в тесном контакте с населением Верхнего Поднепровья и верховьев Оки — населением, судя по всему, индоевропейским — протославянским или балтославянским. Балтийский этнический элемент на этой территории отмечает В. В. Седов¹⁵. Нельзя не заметить, что исследования последних лет поставили под сомнение некоторые признаки дьяковской культуры. Грузики дьякова типа, считавшиеся до последнего времени характерным и для этой культуры, теперь некоторыми исследователями не учитываются в качестве основного признака. И эти исследователи склонны приписывать большее значение сетчатой посуде, но как показывают многие наблюдения, она известна на весьма широкой территории, появляется в половине второго тысячелетия до н. э., т. е. задолго до сложения дьяковской культуры, и позднее II—III в. н. э. не

¹² В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала. — Сб. «Вопросы археологии Урала», вып. 1, 1961, стр. 24; В. А. Оборин. Некоторые итоги и задачи изучения железного века верхнего и среднего Прикамья. Там же, стр. 53.

¹³ В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала, стр. 38.

¹⁴ П. Н. Третьяков. Об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в 1 тысячелетии н. э. СА, 1957, № 2, стр. 76—77.

¹⁵ В. В. Седов. Следы восточно-балтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, № 2, стр. 103.

встречается, исчезая значительно ранее конца существования дьяковских памятников.

Вопросы, которые стоят перед исследователями дьяковской культуры, следующие: установление даты, выделение локальных вариантов, определение признаков, характерных для культуры в целом и для ее локальных вариантов. Немаловажно установление этнической принадлежности культуры в целом и этнических отдельных компонентов, в том числе древнеславянского, который довольно рано распространился на этой территории.

Огромный пробел в археологии Восточной Европы — это нерешенность проблемы истории древних славян, проблемы, тесно связанной с изучением «полей погребальных урн». Пожалуй, ни в одном разделе археологии своеобразная вольность в толковании материала не играет такой роли, как при решении этой проблемы. Так, например, исследователи, признающие за обрядом погребения этнический признак и видящие в носителях зарубинецкой культуры древних славян, при наличии того же обряда захоронения в черняховской культуре отрицают начисто ее славянскую принадлежность. Нельзя приписывать черняховскую культуру одним славянам. Это культура многих племен, входивших в состав царства Германариха. Об ее смешанном этническом составе свидетельствуют различные обряды захоронения. Однако есть основание говорить о преобладающем славянском компоненте, во всяком случае для Поднепровья. Судя по широкому распространению обряда погребения, характерного для полей погребальных урн, эта культура охватывала значительную территорию Средней Европы, начиная с позднего бронзового века. Разрешение проблемы этногенеза славян возможно только при постановке исследований, включающих всю Среднюю Европу и Приднепровье с культурами типа белгородской и чернолесской, которые с большой долей вероятности могут быть приписаны праславянам¹⁶.

Зияющий пробел в археологии Восточной Европы связан с вопросами истории гуннов. Если исторически гунны изучены в достаточной степени, если в восточной Сибири они выделены археологически, то значительно хуже дело обстоит в западной Азии, на территории Средней Азии и совершенно неудовлетворительно в Восточной Европе. А между тем гунны сыграли в политической жизни Европы огромную роль. Несомненно, они содействовали большим передвижениям населения. Есть основания полагать, что наиболее ранние трупосожжения в Окских могильниках связаны с населением, ушедшим из полосы лесостепи под влиянием гуннского нашествия. Без разрешения гуннской проблемы нельзя решить вопрос об этнической принадлежности древних болгар, известных византийским авторам и которых многие исследователи связывают с гуннами. Сюда же относится проблема чуваш, которые, по мнению некоторых исследователей, появились в Европе вместе с гуннскими полчищами.

Несмотря на большое значение гуннов в истории нашей страны, несмотря на то, что великое переселение народов открывает новую эру в истории человечества, о европейских гуннах мы почти ничего не знаем. Попытки исследователей найти гуннов в поздних сарматских памятниках представляют, по-видимому, правильный путь. Некоторые наблюдения, основанные на сходстве стиливых особенностей азиатских и европейских изделий, могут привести к разрешению проблемы. Для решения этого вопроса необходимо привлечь также материал речных погребений, которые относятся не к готскому, а к гуннскому времени.

Таковы некоторые неотложные задачи археологии раннего железного века.

---

¹⁶ А. И. Тереножкин. Позднескифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 228.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ(Милоградская культура)¹

В течение последних лет в южной Белоруссии продолжалось исследование памятников раннего железного века, начатое Славянской экспедицией ИИМК АН СССР в 1951 г. Изучение этого периода здесь чрезвычайно важно для правильного понимания этногенеза древних восточнославянских и балтийских племен. Своеобразие памятников южной Белоруссии, отмеченное еще А. Н. Лявданским² и выявленное особенно четко при раскопках, позволило нам отнести их к особой археологической культуре, названной милоградской³. Настоящая работа в основном построена на исследованиях автора с привлечением данных из раскопок П. Н. Третьякова на Чаплинском и Моховском II городищах и материалов белорусских археологов. Раскопками исследовано около 20 памятников⁴.

Широкие разведочные работы, проведенные по всем основным рекам юго-восточной Белоруссии (Днепр, Припять, Сож, Березина, Птичь, Ипуть, Проня и т. д.), позволяют более точно очертить границы распространения памятников милоградской культуры в Белоруссии: с запада на восток — от устья Горыни до среднего течения Ипути, с севера на юг — от городов Слуцк, Жлобин, Чечерск до Припяти, где памятники этого типа уходят за пределы изучаемой территории, занимая обширные пространства Киевского Полесья и Волины (рис. 1). В настоящее время в Южной Белоруссии зарегистрировано более 150 памятников милоградской культуры. Можно с уверенностью сказать, что на этой территории в раннем железном веке (до II—I вв. до н. э.) жило только население, оставившее памятники милоградской культуры, никаких других синхронных им до прихода зарубинецких племен здесь не встречено⁵.

Милоградские памятники представлены укрепленными и неукрепленными поселениями, грунтовыми и курганными могильниками, расположенными главным образом по берегам рек. Больше всего известно городищ. Неукрепленные поселения обычно сопровождают городища, относясь или к начальным этапам жизни на них или, наоборот, к заключительным; лишь

¹ Доклад на заседании сектора скифо-сарматской археологии 22 декабря 1961 г.

² А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. Сообщения ГАИМК, № 7—8, 1932, стр. 54—61.

³ О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 28—39.

⁴ Вскрытая площадь на милоградских памятниках Белоруссии составляет не менее 12 тыс. кв. м, из них более 10 тыс. кв. м исследовано автором.

⁵ Близ устья Припяти известна скифская курганная группа — у с. Ладыжичи Комаринского района Гомельской области. См. В. Б. Антонович. Древности юго-западного края. Раскопки в стране древлян. МАР, № 11. СПб., 1893, стр. 22.

в южных и западных районах Белоруссии селища не связаны с городищами «культуры штрихованной керамики», неизвестно ни одного случая существования неукрепленного поселения независимо от городища. И мысовые и болотные городища милоградской культуры довольно часто состоят из нескольких укреплений, причем внутренние площадки обычно использовались более интенсивно, а на внешних культурный слой, как правило, выражен слабо и нет следов построек.

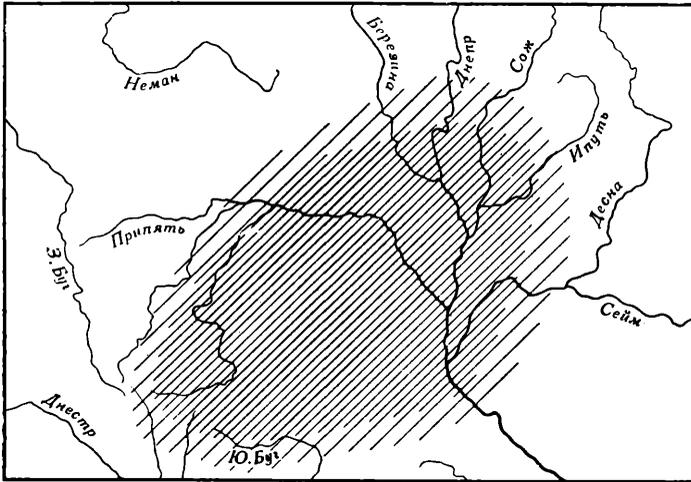

Рис. 1. Карта распространения памятников милоградской культуры

Жилища — небольшие, площадью от 10 до 50 м², рассчитанные на одну семью, слегка углублены в материк (0,15—0,5 м), но известна и одна землянка. Форма жилищ разнообразна: прямоугольные, квадратные, круглые, овальные; во всех раскопанных до сих пор жилищах по одной из стен или в углу есть выступ⁶. Характерно это и для некоторых подсобных построек. Вдоль стен расположены ямки от столбов и кольев, свидетельствующие о плетневой конструкции стен, однако нет никаких следов глиняной обмазки, характерной для построек смежных культур и зарубинецких на этой же территории. В центре жилища⁷ обычно бывает яма от столба или, если жилище больших размеров, двух столбов. В удлиненных постройках ямы от столбов расположены по продольной оси сооружения. Яма центрального столба обычно встречается и в хозяйственных постройках.

Остановимся кратко на характеристике основных категорий находок. Орудия труда представлены железными серпами, проушными топорами и теслообразными мотыжками, ножами с горбатой спинкой, долотообразными изделиями, шильями и т. д. Особо следует отметить клад железных земледельческих орудий на городище в д. Горошков. Обнаружены зернотерки, каменные песты, сверленные топоры, топоры с заплечиками, без проуха; кремневые клиновидные топоры, каменные рубилообразные орудия (по-видимому, употреблявшиеся для дробления руды) и некоторые другие изделия из камня и кремня. Предметов из кости чрезвычайно мало, что резко отличает милоградские памятники от их соседей в лесной полосе. В основном это проколки; есть рукоятки для металлических орудий. С металлургическим производством связаны находки тиглей, льячек и литейных форм.

⁶ О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии..., рис. 7, стр. 32.

⁷ Там же, стр. 30. В тексте автором допущена ошибка. Вместо «в конце жилища» читай «в центре жилища».

Предметы вооружения представлены прежде всего наконечниками стрел. Наряду с бронзовыми, южных типов, население широко пользовалось местными железными наконечниками, характерными для милоградской культуры⁸: плоскими, листовидной, треугольной или ромбической формы, без черешка. Найден железный дротик латенского типа. Отметим также случайную находку скифского железного акинака. Боевым орудием могли служить и топоры.

Чрезвычайно многообразны всевозможные украшения и предметы, связанные с одеждой. Особенно часто встречаются браслеты, булавки, всевозможные подвески и колечки. Кроме многочисленных находок отдельных вещей, украшения не раз встречены в комплексах кладов⁹. Браслеты разнообразных типов. Они делались из бронзы и железа, из серебра. Сечение стержня плоское или округленное, концы замкнутые и разомкнутые, иногда заходящие друг на друга. Распространена орнаментация зубчиками, встречается ложная зернь. Среди браслетов преобладают носимые на запястье, однако попадаются также наплечные или ножные. Есть пластинчатый спиральный браслет и браслеты (и гривны?) из перевитой проволоки и т. д. Особенно интересен обломок полого выпуклого бронзового браслета, наружную поверхность которого составляют отдельные спаянные друг с другом восьмеркообразные спирали. Аналогии основным типам браслетов уводят нас далеко на запад, в то же время находки литейных форм свидетельствуют о местном производстве этих украшений.

Несколькими типами на милоградских памятниках представлены булавки — бронзовые и железные: 1) гвоздевидные с широкой шляпкой; 2) с расплюснутым концом, завернутым в маленькую петлю; 3) с головкой в виде петли, оканчивающейся S-овидным завитком (этот тип наиболее распространен); 4) с навершием в виде биконической шишечки; 5) с навершием в виде пластины, закрученной в несколько оборотов вокруг стержня; 6) без навершия, с отверстием в верхней, орнаментированной части стержня.

Среди украшений отметим также ранне-, средне- и позднелатенские фибулы, браслетообразные, трапециевидные и треугольные подвески, спиральные, конические и полушарные серьги, колечки с выступами, всевозможные бляхи с ушками с обратной стороны, застежки для пояса, колокольчики и т. п. Найдена железная бритва, близкая латенским. Уникальна для нашей территории железная плетеная цепь от уздечного набора, которой были обмотаны вещи в кладе земледельческих орудий¹⁰. Часты находки бус, обычно из стекловидной пасты. Чаше других встречаются синие глазчатые, южного происхождения. Западные и южные влияния в типах украшений (так же как и в других категориях металлических находок) чувствуются очень сильно, менее заметны влияния северные и балтийские.

Как очень своеобразную черту милоградских памятников Белоруссии отметим большое количество глиняных фигурок животных (как правило — коня). Возможно, фигурки эти наряду с многочисленными подвесками из клыков животных, из просверленных астрагалов и рыбных позвонков, а также с просверленными гальками следует относить к культовым предметам. С этой точки зрения можно рассматривать, по-видимому, и многие глиняные «пряслица» (грузики), набор которых в милоградских памятниках чрезвычайно ярок и своеобразен. Их характеризуют большое количество форм и самые различные приемы орнаментации. Кроме обычных

⁸ Они известны также на близких милоградским памятниках подгорцевского типа на Киевщине. См. В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 201—203, рис. 15.

⁹ О. Н. Мельниковская. Клад латенского времени из юго-восточной Белоруссии. Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 149—154, табл. 1.

¹⁰ K. Tackenberg. Die Kultur der frühen Eisenzeit (750 vor Christi Geburt bis Christi Geburt) in Mittel- und Westhannover. Die Urnenfriedhöfe in Niedersachsen. Hg. C. Schuchardt. Bd. I. Hf. 3—4, S. 49, Tf. 10, 2, 3.

биконических, шаровидных и прочих, распространены всевозможные фигурные, среди которых особо многочисленна группа грузиков в форме сосудов; много также крестовидных, с тремя выступами, просверленных черепков и т. д. Как исключение был найден грузик «дьякова» типа. Некоторые очень архаичны по форме и орнаменту. Встречаются грузики в форме сосудов ранних милоградских типов, представленных только в памятниках на территории Украины, и которым нет пока аналогий в белорусской, более поздней керамике. Есть грузики, копирующие форму и орнаментацию сосудов высоцкой культуры. Орнамент на большом числе милоградских грузиков находит многочисленные аналогии в орнаментации сосудов тшцинецко - комаровского круга памятников, а также предшествующей им культуры шнуровой керамики. Что же касается назначения, то можно с определенностью утверждать, что, судя по целому ряду признаков, они никак не могли служить пряслицами или грузиками для ткацкого станка. Некоторые из них были без отверстий, так что в применении к ним сам термин «грузик» — условен. Многие из них покрыты знаками, которые обычно связываются с солярным и астральным культами.

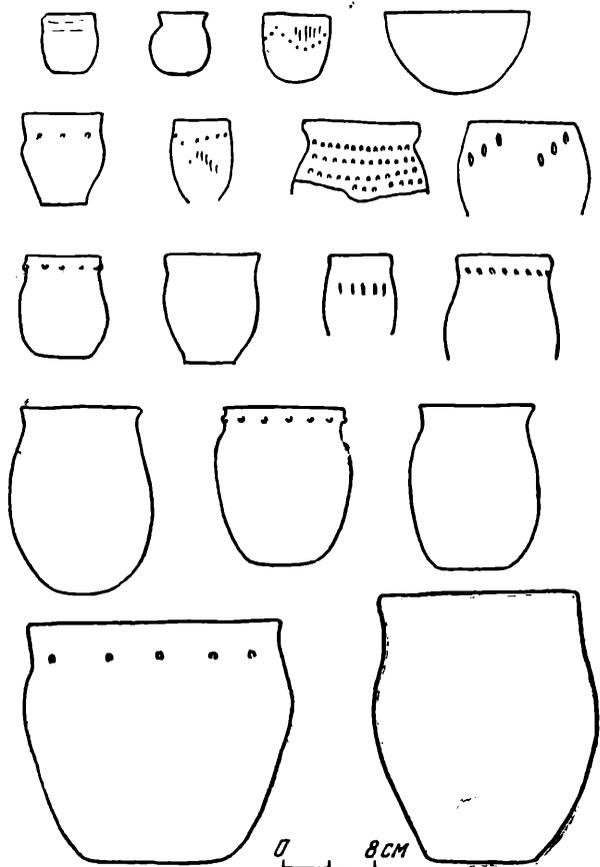

Рис. 2. Образцы ранних милоградских сосудов из Белоруссии

Огромное количество керамики, собранной при раскопках, позволяет реконструировать основные типы сосудов. Наиболее распространенными были яйцевидные или шаровидные горшки и глубокие миски или чаши. Сосуды можно разделить на три группы: удлиненные (высота превышает диаметр), округлые (высота примерно равна диаметру), уплощенные (высота меньше диаметра). Каждая группа делится на две подгруппы: сосуды с венчиком; без венчика, с прямым или загнутым внутрь краем. Немногочисленные сосуды с плоским или уплощенным дном хорошо укладываются в рамки этой же классификации. За пределами ее оказываются только несколько единичных сосудов, не типичных для милоградской культуры в целом. Классификация керамики отражает и хронологию памятников. Ранние этапы милоградской культуры в Белоруссии характеризуются удлиненными яйцевидными и тюльпановидными формами сосудов (рис. 2). К этому же времени относятся и сосуды с плоским и уплощенным дном, исчезающие позже, когда формы становятся более округлыми. В орнаментации керамики, весьма разнообразной на ранних этапах (один из характерных признаков — так называемый жемчужный орнамент),

Огромное количество керамики, собранной при раскопках, позволяет реконструировать основные типы сосудов. Наиболее распространенными были яйцевидные или шаровидные горшки и глубокие миски или чаши. Сосуды можно разделить на три группы: удлиненные (высота превышает диаметр), округлые (высота примерно равна диаметру), уплощенные (высота меньше диаметра). Каждая группа делится на две подгруппы: сосуды с венчиком; без венчика, с прямым или загнутым внутрь краем. Немногочисленные сосуды с плоским или уплощенным дном хорошо укладываются в рамки этой же классификации. За пределами ее оказываются только несколько единичных сосудов, не типичных для милоградской культуры в целом. Классификация керамики отражает и хронологию памятников. Ранние этапы милоградской культуры в Белоруссии характеризуются удлиненными яйцевидными и тюльпановидными формами сосудов (рис. 2). К этому же времени относятся и сосуды с плоским и уплощенным дном, исчезающие позже, когда формы становятся более округлыми. В орнаментации керамики, весьма разнообразной на ранних этапах (один из характерных признаков — так называемый жемчужный орнамент),

постепенно намечается тенденция к упрощению. На поздних этапах посуда часто вовсе не орнаментировалась. Лощение не характерно, хотя на ранних этапах встречаются обломки с хорошо заглаженной поверхностью.

Новым для милоградской культуры было открытие в 1954—1955 гг. и исследование могильников. Раскопки велись на четырех безкурганых могильниках: при городищах в деревнях Горошков¹¹, Мохов (Моховское I), Чаплин и Асаревичи¹². Грунтовые могильники обычно расположены за валами (Чаплин, Асаревичи) или непосредственно в пределах укреплений (Мохов I, Горошков). Погребения, оставленные жителями Моховского I городища, одного из самых ранних памятников этой культуры в Белоруссии, обнаружены на площадке городища, рядом с жилищем. В Горошкове они находились на внешней площадке, продолжаясь и за пределами наружной линии укреплений. Милоградские могильники — это поля погребений с трупосожжениями без урн, совершенными на стороне. Ямы преимущественно круглые, изредка овальные или удлиненные. Преобладающая ориентировка северо-восток — юго-запад с отклонениями. На жилой части площадки городища в Горошкове обнаружены два погребения с трупоположением: одно головой на северо-восток, другое на запад; скелеты лежали вытянуто, на спине. На могильниках следов трупоположений не обнаружено. Есть случаи положения в могилу, вместе с сожженными костями, необожженных обломков черепа человека¹³. Костных остатков в погребениях обычно очень немного, они тщательно очищены от углей погребального костра. Поэтому могилы иногда прослеживаются с большим трудом. Часть погребений сопровождается инвентарем: черепками разбитых сосудов, глиняными грузиками, бронзовыми и железными вещами. В 1961 г. на Моховском I городище нами было раскопано захоронение с разбитыми литейными формами. С определенными элементами обряда связано положение в могилу камней, куска кремня или кремневого орудия, охры, зубов жертвенных животных (крупный рогатый скот, изредка — овца, свинья). На могильниках вскрыты ямы с остатками тризны и жертвоприношений, не содержащие следов погребений, но тесно связанные с ними. Частичные погребения животных встречены нами и на жилой части площадки городища в Горошкове. Для ранних этапов милоградской культуры очевидно были характерны и трупоположения. Об этом свидетельствует единственный пока курганный могильник у дер. Дубовой (Столинского района Брестской области), исследованный Ю. В. Кухаренко¹⁴.

Не останавливаясь на характеристике хозяйственно-экономического уклада в целом, повторим только высказанное нами ранее¹⁵ утверждение о ведущей роли у милоградских племен земледелия, о чем можно судить по многочисленным находкам серпов, зернотерок и других орудий труда древних земледельцев. В этом отношении важен упомянутый выше клад железных земледельческих орудий с Горошковского городища. Связь всех вещей клада с земледелием подтверждается работой Б. А. Шрамко, где разбирается вопрос о назначении двухсторонних пальштабовидных секирок, аналогичных найденной нами¹⁶. Употребление этих орудий в качестве мотыжек доказано Б. А. Шрамко достаточно хорошо. Убедительными представляются нам и его доводы в пользу пашенного земледелия в лесостепи.

¹¹ О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии. СА, 1962, № 1, стр. 163—172.

¹² Деревни Мохов и Чаплин — Лоевский район, Асаревичи — Комаринский район Гомельской области.

¹³ О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры..., стр. 166.

¹⁴ Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1961, стр. 21—24, табл. 1—4.

¹⁵ О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии..., стр. 36.

¹⁶ Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, № 1, стр. 86—87.

Мы считаем также возможным проникновение пашенного земледелия в милоградскую среду на север от Припяти. Об этом как будто бы свидетельствует и развитая форма серпа, общая с формами из южных лесостепных и степных районов. Форма эта сохранилась без существенных изменений не только в памятниках зарубинецкой культуры, но и в середине и второй половине I тысячелетия н. э. — в памятниках типа Колочинского I городища¹⁷. находка уздечного набора в составе клада земледельческих орудий, очевидно, указывает на использование лошади в хозяйстве.

Из явлений, как-то отражающих общественный строй, характеризующийся разложением родовых отношений, отметим погребения со специализированным инвентарем и наличие кладов земледельческих орудий, что свидетельствует о разделении труда внутри родовой общины. Интересен также факт погребения, по-видимому, неравноправного члена рода, в канаве, входящей в систему оборонительных сооружений в Горошкове. Есть основания предполагать человеческие жертвоприношения, а возможно и культовую антропофагию.

Для хронологии памятников милоградской культуры большое значение имеют находки многочисленных металлических вещей, обнаруженных в жилищах, в составе кладов и в погребениях. Наибольшее количество их приходится на период с IV по III—II вв. до н. э. (в частности, три комплекса кладов)¹⁸. К этому же времени относится и большая часть других датированных находок: все наконечники стрел скифских типов, обломки бортика и двухствольной ручки эллинистических амфор, раннелатенские фибулы и т. д. Меньшим числом представлены вещи, относящиеся к более раннему времени: отдельные булавы ранних типов, может быть — ажурная бляха гальштатского облика с городища в дер. Вылево на р. Ипути и некоторые другие вещи. К поздним этапам относятся средне- и позднелатенские фибулы, браслетообразные височные подвески, прорезные колокольчики и др. Раскопки на разновременных памятниках позволили проследить сочетание датированных находок с определенными керамическими комплексами. Относительную хронологию помогает определить сопоставление материалов с предшествующими и последующими периодами. Все это делает возможным наметить деление памятников на отдельные этапы. Наиболее четко выделяются пока ранний и поздний комплексы благодаря исследованию ранних, однослойных памятников, материал с которых связан с предшествующим милоградским, и памятников поздних, время которых определяется включением зарубинецких материалов. В целом хронологические границы памятников милоградской культуры в Белоруссии определяются временем с конца VI в. до н. э. по I в. н. э.

Вопросы хронологии милоградской культуры и проблема происхождения ее не могут решаться только на изучавшихся нами белорусских материалах, поскольку значительная часть территории, занятой милоградскими памятниками, относится к Украине. Из исследований украинских археологов следует, что памятники милоградского и подгорцевского типа известны на Киевщине и Черниговщине, располагаясь по Днепру и Нижней Десне, доходят на юг по Днепру до р. Стугны¹⁹, занимают лесостепные области Вольни примерно до 50° северной широты (города Бердичев, Ржищев)²⁰,

¹⁷ Э. А. Симонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963.

¹⁸ Дата четвертого клада неопределима, так как находки (железные браслеты) испорчены огнем.

¹⁹ В. Н. Даниленко. Указ. соч.; его же. Дослідження пам'яток підгірського та бобриського типів на Київщині в 1950 р. АП УРСР, т. VI. Київ, 1956, стр. 5—20.

²⁰ В. К. Гончаров. Лука-Райковецкая. МИА, № 108, 1963 г.; А. П. Савчук. Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине. КСИА АН УССР, вып. 1. Киев, 1952, стр. 56—58; А. И. Тереножкин. Отчеты о разведочных работах на Вольни в 1959—1960 гг. Научный архив ИА АН УССР.

известны по рекам Ужу, Тетереву, до его верховьев²¹, выходят на Южный Буг²² и занимают верховья Горыни²³, приближаясь к областям, занятым памятниками высоцкой культуры. Западная граница проходит, по-видимому, где-то на восток от верховьев Припяти, смыкаясь с лужицкой территорией. Ранние милоградские памятники эпохи бронзы отмечены на р. Стыри под Луцком²⁴.

Милоградские памятники на территории Украины изучены пока еще слабо. Их отличает большая разнохарактерность по сравнению с северными территориями, а хронологически они в основном относятся к более ранним периодам. Кроме того, в южных районах они характеризуются смешением с другими синхронными им культурами: белогрудовской, чернолесской, скифской лесостепной.

Рассмотрим прежде всего памятники Восточной Волины, относящиеся к концу эпохи бронзы и к раннему железному веку. Это — неукрепленные поселения, курганные и бескурганные могильники с трупосожжениями и труположениями, исследовавшиеся С. С. Гамченко, И. Ф. Левицким, Е. Ф. Лагодовской, Е. В. Махно и др. Своеобразная керамика с круглыми или уплощенными днищами, известная главным образом по материалам могильников, по своим формам и орнаменту аналогична ранним милоградским сосудам Белоруссии, характеризую ранние этапы развития культуры. Близок и обряд погребения, как в курганах с труположениями, так и в могильниках с сожжениями, как правило, также связанных на Житомирщине с курганными насыпями. Характерны небольшие скопления костей под насыпями, сопровождаемые находками разбитых или целых милоградских сосудов²⁵, изредка бронзовых украшений, близких или аналогичных белорусским, пряслиц с выступами ранних милоградских типов, костей тех же, что и в белорусских могильниках, видов жертвенных животных (бык, свинья). Есть случаи положения в погребения необожженных костей черепа человека. Сближают житомирские захоронения с белорусскими и каменные обкладки или положение в могилы камней и находки в отдельных случаях кусочков охры. Наши исследования в Белоруссии позволяют по сходству обряда, типов инвентаря и пр. отнести погребальные памятники Житомирщины к периоду, хронологически предшествующему милоградской культуре в Белоруссии.

Однако некоторые элементы погребального обряда в курганах Восточной Волины не находят пока аналогий в северных, более поздних материалах, сближаясь с предшествующими памятниками Волины эпохи бронзы.

Памятники подгорцевского типа Северной Киевщины и части Черниговщины²⁶ изучены слабо. Близкие белорусским по ряду признаков, они возможно, аналогичны раннемиллоградским Белоруссии, хотя подгорцевская керамика очень осложнена влияниями лесостепных культур скифского круга. В настоящее время, судя по данным В. Н. Даниленко, подгорцевские

²¹ С. С. Гамченко. Пятилетие археологических исследований на Волины (1919—1923 гг.). Научный архив ИА АН УССР, ф. 3, р. 1, № 24; И. Ф. Левицкий. Археологічні дослідні в районі: Народичі — ст. Шарко — Уманці — Булев — Селець — Болотниця Коростеньської округи року 1925; Архив Житомирского краеведческого музея, № 54—58; Е. В. Махно. Два памятники бронзової доби в басейні р. Тетерева (Житомирська експедиція 1945 г.). АП УРСР, т. II. Київ, 1949, стр. 207, рис. 1—3.

²² О. Ф. Лагодовська, Р. 1. Виезжев, Ф. Б. Копилов. Кургани скифського часу с Курилівці. АП УРСР, т. VI. Київ, 1956, стр. 17—20.

²³ І. К. Свешніков. Звіт про роботу Ровенської археологічної експедиції 1958 р. Архив Львовского института общественных наук; А. И. Тереножкин. Указ. соч.; В. И. Канивец. Отчет Волинской экспедиции за 1952 г. Научный архив ИА АН УССР.

²⁴ І. К. Свешніков. Указ. соч.

²⁵ Иногда сосуды служили погребальными урнами.

²⁶ В. Н. Даниленко. Указ. соч.; Д. И. Блифельд. Древнейшее славянское поселение на Черниговщине. КСИА АН УССР, вып. 1. Киев, 1952, стр. 53—55; Фонды Сосницкого краеведческого музея. Керамика с поселения в урочище Круг близ с. Долинского.

памятники следует рассматривать как весьма своеобразный локальный вариант милоградской культуры с существенными чертами отличия их от остальных милоградских памятников на территории Украины и Белоруссии.

Еще менее изучены милоградские памятники на территории юго-западной Волини и по течению Горыни. Для поздней бронзы и раннего железного века здесь известен по разведочным работам А. И. Тереножкина, И. К. Свешникова и В. И. Канивца ряд поселений и отдельные разрушенные погребения. Милоградские памятники, обнаруженные А. И. Тереножкиным в верховьях Горыни, южнее г. Ровно, синхронны раннескифским, белгородским и комаровским; вещи из разрушенного погребения с трупосожжением из с. Корост Степаньского района Ровенской области, исследованные В. И. Канивцом, относятся, по-видимому, к V—IV вв. до н. э. Более поздние находки здесь пока, так же как и на Восточной Волини, неизвестны.

Вопрос о происхождении милоградской культуры, безусловно, одно из важных звеньев в решении общей проблемы происхождения восточнославянских племен. В настоящее время наиболее убедительные материалы по этому вопросу связаны с Западной Волинью. Мы имеем в виду открытые И. К. Свешниковым в последние годы в Ровенском районе новые группы памятников эпохи бронзы, которые, по предварительным данным, можно отнести к раннему варианту милоградской культуры²⁷, а также упомянутые выше материалы разведок А. И. Тереножкина и В. И. Канивца, Поселения и могильники этого типа характеризуются не только связями с более поздними милоградскими памятниками, но и включают отдельные элементы тщиинецко-комаровского круга культур. Ранние милоградские сосуды в юго-западных областях, по данным И. К. Свешникова, тюльпановидных и округлых форм; в глиняном тексте примесь пережженного кремня; характер поверхности общий с комаровскими сосудами. Предположения о генетической преемственности между памятниками подгорцевско-милоградского и тщиинецко-комаровского типов в литературе уже высказывались В. Н. Даниленко²⁸, затем В. Д. Рыбаловой²⁹ и С. С. Березанской (сопоставляющей материалы раннего железного века Киевщины с лебедовской группой эпохи бронзы)³⁰. С нашей точки зрения связь тщиинецко-комаровских и милоградских памятников может быть определено прослежена в целом ряде элементов материальной культуры, в частности по формам некоторых сосудов и грузиков (рис. 3 и 4). Не менее важна преемственность в орнаментации керамики, что особенно наглядно заметно на грузиках (рис. 4). Есть важные общие моменты и в погребальном обряде. Всех этих данных, естественно, недостаточно для решения вопроса о характере связей, хотя в целом нам представляется бесспорным, что культура милоградская возросла на основе одного из вариантов тщиинецко-комаровской культуры. Связь с памятниками висоцкой культуры также не раз прослежена нами в ранних милоградских памятниках (в основном по близости некоторых форм сосудов и отдельных типов вещей).

Характерная черта памятников милоградской культуры на территории Украины — это тесные связи их с предшествующими на той же территории (чего мы пока не знаем в Белоруссии) и отсутствие материалов, относящихся к поздним этапам развития. Пока, по имеющимся у нас данным,

²⁷ И. К. Свешников. Указ. соч. Благодарю И. К. Свешникова за любезное разрешение ознакомиться с его работами.

²⁸ В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в Южной части Полесья УССР, стр. 207.

²⁹ В. Д. Рыбалова. К вопросу о сложении культур эпохи бронзы в лесостепной полосе Правобережной Украины. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 223.

³⁰ С. С. Березанська. Деякі нові дані про епоху бронзи в північній частині Середнього Подніпряв'я. Археологія, т. XII. Київ, 1961, стр. 116—118.

основные материалы, найденные южнее Припяти, датируются временем с эпохи бронзы до V—IV вв. до н. э., в то время как памятники севернее Припяти относятся главным образом к последующему периоду, и датирующие материалы здесь связаны со временем, начиная с V в. до н. э. Естественно

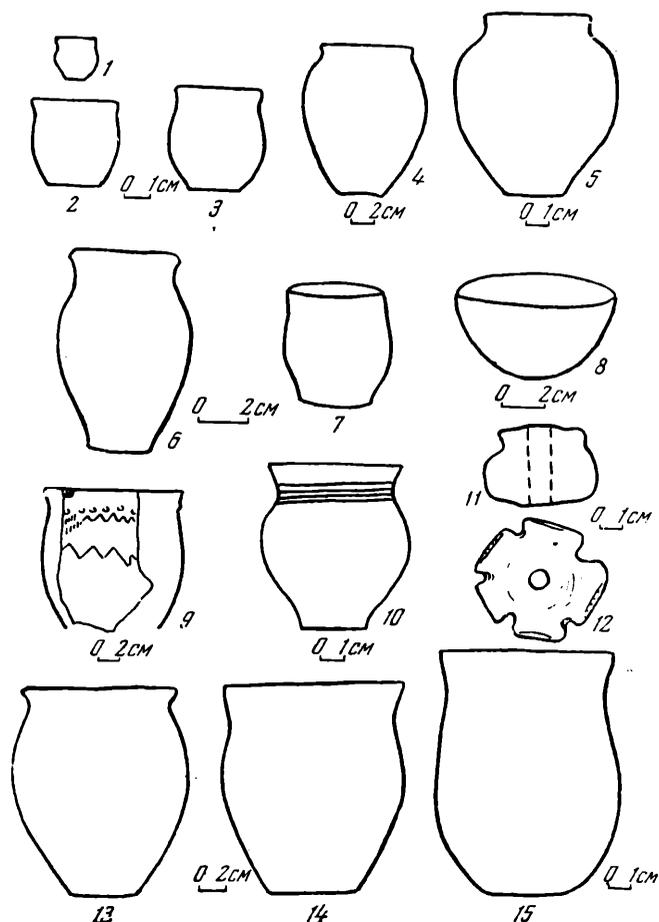

Рис. 3. Формы комаровско-тищинецких сосудов и грузиков, аналогичные или близкие милоградским

1—5 — поселение Моства на Житомирщине (раскопки И. Ф. Левицкого); 6—8 — Войцеховский могильник на Житомирщине (раскопки Е. Ф. Лаговойской); 9 — поселение Мошны на Киевщине (раскопки В. А. Ильинской); 10 — поселение у с. Городище (И. К. Свешников); 11 — могильник в Комарове, курган 50 (И. К. Свешников); 12 — поселение у с. Свята (разведки А. И. Тереножкина); 13 — курган у с. Стопчатово (И. К. Свешников); 14 — могильник в с. Комарове, курган 23 (И. К. Свешников); 15 — курган у с. Тенетник (И. К. Свешников)

предположить связанное с натиском западных и южных племен постепенное продвижение групп населения, примерно в V до н. э., с Воыни в северное Полесье, а также, по-видимому, на Днепр, в пределы северных районов современной Киевщины и части Черниговщины. Представляется вполне логичным сопоставление указанных явлений со сведениями Геродота³¹ о передвижении невров. Нам кажется возможным связывать памятники милоградской культуры с неврами. Воынь относили к неврам и ранее, однако с археологическими материалами это обычно не связывалось. О при-

³¹ Геродот IV, 105.

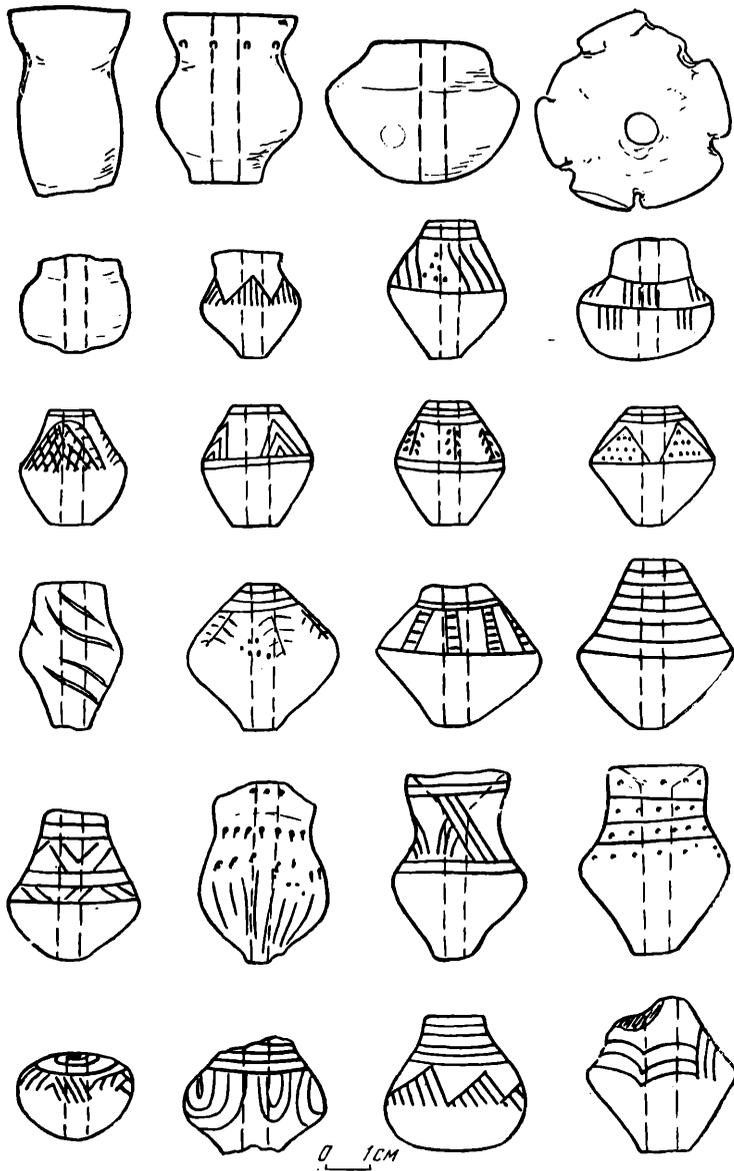

Рис. 4. Грузики с милоградских памятников Белоруссии

надлежности неврам памятников милоградской культуры свидетельствует территория их распространения, хронология (на разных участках), связь истоков этой культуры с юго-западными районами, а также многие другие моменты, например общеизвестный факт пережитков волчьего культа в белорусском фольклоре.

Решение вопроса об этническом определении населения на основе археологических материалов не может быть окончательным. Лингвистические данные позволяют рассматривать территорию культуры как прародину восточных славян³².

Прямое отношение к решению вопроса об этносе имеет проблема происхождения зарубинецкой культуры. На части рассматриваемой террито-

³² Ф. П. Ф и л и н. Образование языка восточных славян. М., 1962, стр. 147.

рии эти памятники перекрывают материалы милоградского-подгорцевского типа или сопутствуют им. В археологической литературе высказывалась точка зрения о генетической преемственности между памятниками подгорцевского и милоградского типа и зарубинецкими³³. Однако анализ довольно обширных материалов (по памятникам Белоруссии) не подтверждает ее. Поздние этапы существования милоградских памятников в Белоруссии совпадают с зарубинецким периодом. Прослежены признаки сосуществования тех и других в одних комплексах вещей обеих культур, в том числе милоградских с относительно поздними зарубинецкими, датирующимися I в. н. э.³⁴ Некоторые общие элементы в керамике объясняются длительным контактом населения. При сосуществовании носителей этих культур, иногда на одном поселении, относящиеся к нему могильники бывают особыми для каждой культуры со свойственными ей элементами обряда и инвентарем. В то же время в обрядах есть и важные общие моменты — сожжение без урн, сочетание близких форм ям (круглые и удлиненные). Не может не обратить внимание также совпадение части территории милоградской культуры с территорией распространения зарубинецкой. Однако материалы Белоруссии позволяют нам пока говорить только о проникновении зарубинецкого населения на Верхний Днепр. По-видимому, оно было постепенным, медленным, вследствие чего оно не могло противостоять местным влияниям. Безусловно, даже к концу зарубинецкой поры нельзя говорить о полной ассимиляции местных племен пришлым населением.

Неясным остается вопрос о дальнейших судьбах милоградского населения в Белоруссии. Памятники милоградской культуры позже I в. н. э. здесь пока неизвестны. Несколько позже на этой территории появляются памятники типа Колочинского I городища³⁵, материалы которых иногда встречаются в том или ином количестве в верхних слоях милоградских городищ и которые типологически сближаются некоторыми авторами с памятниками типа Корчак, по вопросу о происхождении которых мнения исследователей расходятся. К нашей теме имеет отношение гипотеза, высказанная В. П. Петровым³⁶ о местной основе памятников типа Корчак на Житомирщине. Им также обращено внимание на близость погребального обряда в милоградских курганах Житомирщины и курганах типа Корчак. Корчакские погребения рассматриваются как позднейшая модификация милоградских. Действительно, близость в погребальном обряде тех и других обращает на себя внимание. Можно также вспомнить данные о поселениях типа Корчак, в частности о типичных для них домах с выступом по одной из стен³⁷, что служит одним из устойчивых признаков жилищ милоградской культуры. Обращает внимание и совпадение значительной части территории распространения милоградской культуры и памятников типа Корчак (по данным П. Н. Третьякова)³⁸. Однако хронологический разрыв настолько велик, что мы не решаемся, не имея данных о промежуточных звеньях, решительно присоединиться к приведенному выше мнению.

³³ В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века..., стр. 208; Л. Д. П о б о л ь. Поселение и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине (автореферат кандидатской диссертации). М., 1960, стр. 17, 19.

³⁴ О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии (по материалам раскопок Милоградского городища). СА, 1963, № 1, стр. 32—41.

³⁵ Э. А. С ы м о н о в и ч. Городище Колочин I в Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 77, стр. 70—76.

³⁶ В. П. П е т р о в. Памятники типа Корчак. МИА, № 108, 1963.

³⁷ Ю. В. К у х а р е н к о. Средневековые памятники Полесья. М., 1961, табл. 5, II и табл. 11, II.

³⁸ П. Н. Т р е т ь я к о в. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. М., 1958, стр. 10, рис. 2.

Д. А. МАЧИНСКИЙ

О ХРОНОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ВЕЩЕЙ ЗАРУБИНЕЦКОЙ И ОДНОВРЕМЕННЫХ ЕЙ КУЛЬТУР

Проблема зарубинецкой культуры и сходных с нею групп — одна из самых сложных в истории железного века Европейской части СССР. Нельзя считать решенным вопрос о происхождении этой культуры, плохо исследованы поздние фазы ее развития, по-разному рассматриваются вопросы взаимоотношений различных групп носителей этой культуры между собой и об их отношении к другим группам. Как нам кажется, приступать к решению этих вопросов можно только после того как будет установлена наиболее точная при современном состоянии наших знаний датировка отдельных памятников этой культуры.

В этой статье мы рассматриваем некоторые типы вещей, часто встречающихся на интересующих нас могильниках и поселениях и, исходя из времени бытования тех же или сходных с ними типов на территориях, лежащих за пределами распространения этих памятников (в Чехословакии, Германии, Польше и в других местах), пытаемся определить время бытования их на нашей территории. В первую очередь остановимся на фибулах. Сводная статья по фибулам зарубинецкой культуры принадлежит А. К. Амброзу¹. Однако многие положения этой работы сейчас устарели. Вопросы хронологии фибул затронуты и в работах Ю. В. Кухаренко², однако и его даты отдельных типов, по нашему мнению, не всегда верны, а иногда недостаточно обоснованы. Кроме того, в последних работах Ю. В. Кухаренко содержится различные датировки одних и тех же типов вещей. Поэтому мы считаем необходимым вернуться вновь к датировке фибул зарубинецкой культуры.

При установлении времени бытования той или другой группы вещей мы берем за основу даты, базирующиеся преимущественно на анализе погребальных комплексов. Данные о находке вещей на поселениях нами почти не привлекаются, так как для установления абсолютной даты той или другой вещи они дают меньше, нежели погребальные комплексы, а зачастую, при многослойности поселений, только запутывают вопрос.

Прежде чем переходить к датировке отдельных типов фибул, надо остановиться на нескольких вопросах более общего характера.

1) На современном этапе изучения латенских памятников уже недопустимо говорить о ранне-, средне- и позднелатенских фибулах, связывая их соответственно с ранним, средним и поздним латеном. Подобная периоди-

¹ А. К. Амброз. Фибулы зарубинецкой культуры. МИА, № 70, 1959, стр. 184—190.

² Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник. МИА, № 70, 1959, стр. 157—163; его же. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1959, № 1, стр. 31—35; его же. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, № 1, стр. 293—297.

зация уже устарела и известно, что некоторые типы «среднелатенских» фибул бытуют позднее некоторых типов «позднелатенских». Можно говорить лишь о фибулах ранне-, средне- и позднелатенской конструкции. Применительно к фибулам среднелатенской конструкции, наиболее часто встречающихся на интересующих нас памятниках, лучше употреблять название «фибулы соединенной конструкции»³, так как термин «среднелатенские» для некоторых исследователей связан с определенным хронологическим периодом⁴.

2) Надо отметить тот факт, что на территории Среднего Поднепровья, Советской и Румынской Молдавии, в Украинском Полесье и Северном Причерноморье до сих пор, насколько нам известно, не встречены фибулы «с большой шаровидной пяткой»⁵, т. е. исходного типа, из которого развились фибулы «соединенной» конструкции. Кроме того, на Среднем Днепре и в Причерноморье отсутствуют также ранние, расчлененные фибулы соединенной (среднелатенской) конструкции. Таким образом, становится очевидным, что фибулы соединенной конструкции, характерные для зарубинецкой культуры и памятников типа Поянешти-Лукашевка, не могли развиться сами ни в Среднем Поднепровье, ни на Северном Побережье Черного моря, а проникли в эти районы из других областей, где могут быть прослежены все этапы возникновения и развития таких фибул.

3) При установлении нижней хронологической границы бытования того или другого типа фибул на нашей территории мы будем опираться в основном на дату его появления на той территории, где он впервые возник; при установлении же верхней границы мы будем обращать особое внимание на время бытования этого типа в областях, удаленных от места его возникновения.

4) В данной работе устанавливается хронология основных типов фибул интересующего нас периода в целом. Мы не ставим себе задачу определить время бытования отдельных разновидностей одного и того же типа.

Перейдем к рассмотрению отдельных типов фибул (рис. 5).

I. Расчлененные фибулы соединенной конструкции, имеющие на ножке и спинке шарики, встречаются в памятниках Полесской группы зарубинецкой культуры (могильник у с. Велемичи) и в могильнике Поянешти в Румынской Молдавии (8 экз.). Р. Вулпе и Ю. В. Кухаренко относят эти фибулы ко II в. до н. э.⁶ Как установил Я. Филип, этот тип возникает на территории Чехословакии около середины II в. до н. э. и получает широкое распространение во второй половине II в. до н. э. В самом конце II в. до н. э. и на рубеже II—I вв. до н. э. появляются необычайно длинные фибулы этого типа (15—18 см)⁷. На территории Северной Германии и Польши расчлененные фибулы соединенной конструкции встречаются на рубеже II—I вв. до н. э. и в самом начале I в. до н. э.⁸ Таким образом, на нашей территории эти фибулы могли бытовать во второй половине II в. до н. э.— начале I в. до н. э.

³ Термин «фибула соединенной конструкции» — буквальный перевод термина Я. Филипа «spora spojené konstrukce» (J. Filip. Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956).

⁴ В. П. Петров. Зарубинецко-корчуватівська культура Середнього Подніпров'я і синхронні культури суміжних територій. Археологія, т. XII. Київ, 1961, стр. 57.

⁵ Мы заимствуем название этого типа фибул из русского резюме той же работы Я. Филипа (J. Filip. Указ. соч., стр. 483).

⁶ Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, № 1, стр. 294; R. Vulpe. Săpăturile dela Poieniști din 1949. Materiale arheol. privind. Istoria Veche a R. P. R. I, București, 1953, p. 213—506.

⁷ J. Filip. Указ. соч., стр. 112, 484.

⁸ R. Haschmann. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. 41. Bericht der Römisch — Germanischen Kommission 1960. Berlin, 1960, с р. 231—258, Tafel I; D. Bohnsack. Die Burgunden in Ostdeutschland und Polen während des letzten Jahrhunderts v. Chr. Leipzig, 1938, стр. 8—23, рис. 2, т. 1, 3 и 5; Z. Woźniak. Chronologia celtyckich cmentarzysk w Polsce. WA T. XXVI, zes. 3—4, стр. 137, tabela 7.

II. Время возникновения гладких фибул составной конструкции особенно важно. Эти фибулы встречаются на всех сколько-нибудь полно раскопанных могильниках зарубинецкой культуры и группы Поянешти-Лукашевка. А. К. Амброз, В. П. Петров, Ю. В. Кухаренко (кроме последней

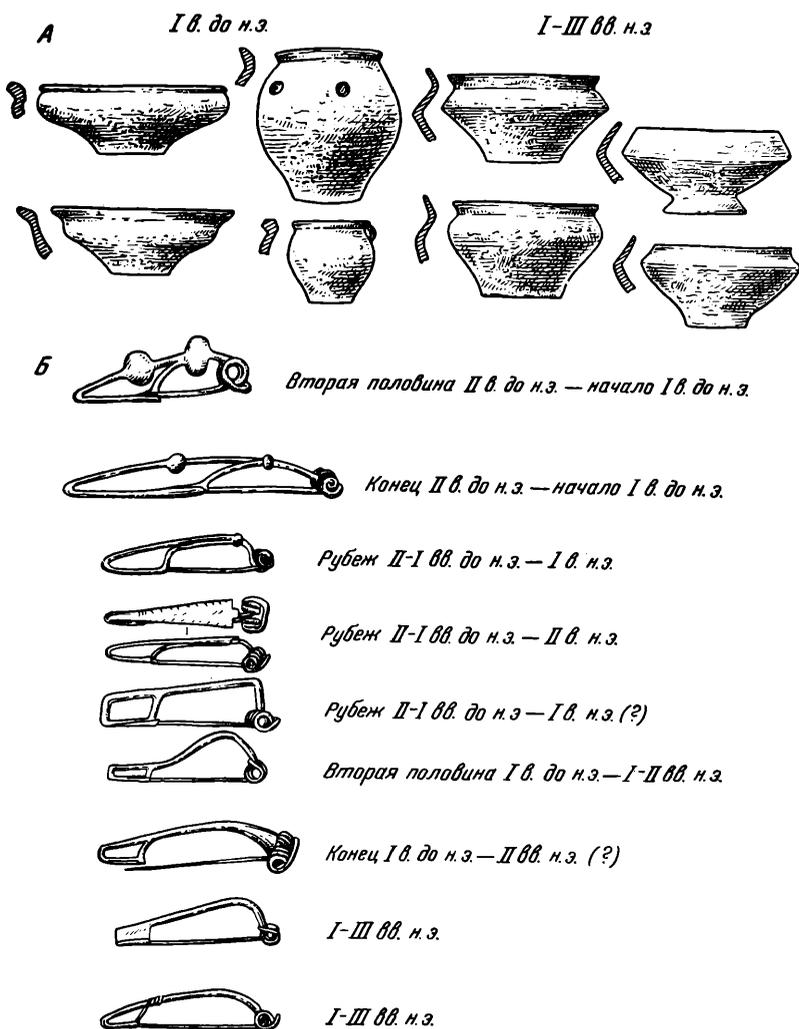

Рис. 5. А. Некоторые датированные формы лощеных сосудов с территории Польши. Б. Различные типы фибул и время их бытования на территории СССР

его работы) и многие другие советские исследователи относят время бытования этих фибул к II—I вв. до н. э. В фундаментальной работе, на основании анализа огромного количества могильных комплексов, Я. Филип приходит к выводу, что длинные гладкие фибулы (15—18 см) появляются впервые на территории Чехословакии в самом конце II в. до н. э. Все остальные разновидности гладких, более коротких фибул этого типа появляются не ранее рубежа II—I вв. до н. э. и получают широкое распространение в первой половине I в. до н. э., хотя встречаются и позднее⁹. Р. Хахманн в обобщающей работе по позднему латену приходит к выводу, что

⁹ J. Filip. Указ. соч., стр. 112, 220—221, 484.

гладкие фибулы появляются впервые на территории «Средней Европы» (т. е. в пределах Чехословакии, Польши, Германии) и возникновение их основных разновидностей надо относить к последним двум десятилетиям II в. до н. э. или же к рубежу II—I вв. до н. э. Только гладкие фибулы соединенной конструкции (группы А, по Костшевскому), с низкой слабо выгнутой спинкой, плавно, без резких перегибов переходящей в ножку, загнутую назад и прикрепленную к середине спинки, относятся, по мнению Р. Хахманна ко второй половине II в. до н. э.¹⁰ Надо отметить, что среди встреченных на нашей территории фибул неизвестно ни одной из группы А, а к гладким длинным фибулам близки по своим размерам лишь две — из могильника у с. Велемичи¹¹. На территории Средней Германии гладкие фибулы соединенной конструкции появляются не ранее рубежа II—I вв. до н. э.¹², на территории Польши они датируются не ранее I в. до н. э.¹³ Таким образом, появление гладких коротких фибул соединенной конструкции на территории Украинского Полесья, Молдавии, на Среднем Днепре и в Северном Причерноморье не может относиться ко времени ранее рубежа II—I вв. до н. э. Однако в нашей научной литературе бытует широко распространенное мнение, что гладкие короткие провололочные фибулы соединенной конструкции появляются в Причерноморье еще во II в. до н. э.¹⁴ Это мнение прочно вошло в литературу и на основании его многие исследователи относят дату появления зарубинецких и близких им памятников к рубежу III—II вв. до н. э.¹⁵ Против столь ранней датировки выступил в последней работе Ю. В. Кухаренко¹⁶. Однако он, утверждая, что на Среднем Днепре эти фибулы бытуют не ранее I в. до н. э., не пытается опровергнуть установленной им же (как и другими исследователями) даты появления таких фибул в Причерноморье — II в. до н. э. Он объясняет, по-видимому, эту дату тем, что фибулы из Причерноморья (в том числе и из Марицынского могильника) относятся к более ранним вариантам¹⁷. Однако это неверно. Причерноморские гладкие фибулы соединенной конструкции принадлежат к той же группе, что и среднеднепровские. Таким образом, и после статьи Ю. В. Кухаренко принятая в нашей литературе датировка этих фибул — II в. до н. э. — осталась в силе.

Итак, в результате различных датировок гладких коротких фибул соединенной конструкции, принятых у нас и на Западе, мы стоим перед дилеммой: так как более раннее возникновение фибулы этого типа в Северном Причерноморье по сравнению со Средней Европой исключается, то либо не верна вся западная хронология, основанная на тщательном анализе многих тысяч находок, либо же не верна датировка нескольких могильных комплексов на юге нашей страны, в которых встречены фибулы этого типа. Попытаемся внимательно рассмотреть те из этих комплексов, которые достаточно хорошо опубликованы, и выяснить, действительно ли их даты противоречат датам, принятым в западной литературе для фибул интересующего нас типа.

В погребениях Мавзолея Неаполя Скифского встречена целая провололочная фибула соединенной конструкции и, по-видимому, несколько обломков таких же фибул. Подробное рассмотрение комплекса находок и страти-

¹⁰ R. Nachmann. Указ. соч., стр. 258, табл. 1.

¹¹ Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей..., стр. 36—37, рис. 1, 6, 7.

¹² R. Nachmann. Указ. соч., стр. 258, табл. 1.

¹³ J. Kostrzewski. Die Ostgermanische Kultur in Spätlatenzeit, t. I. Leipzig, 1919, стр. 16—19.

¹⁴ А. К. Амброз. Указ. соч.; Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей..., стр. 36—38; В. П. Петров. Указ. соч.; Н. Н. Погребова. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского. МИА, № 96, 1961, стр. 158.

¹⁵ В. П. Петров. Указ. соч., стр. 57.

¹⁶ Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры..., стр. 293—297.

¹⁷ Там же, стр. 294—295.

графические наблюдения позволили Н. Н. Погребовой датировать самые ранние погребения Мавзолея временем не ранее рубежа II—I вв. до н. э. или началом I в. до н. э.¹⁸ В Ольвии, в склепе № 67 (раскопки 1901 г.) была встречена гладкая фибула соединенной конструкции¹⁹. Вместе с ней, кроме других вещей, найдены две монеты города Амиса, на основании которых погребение относят к II—I вв. до н. э.²⁰ Однако датировать комплекс можно точнее. Одна из монет, описанная Фармаковским, с эгидой на лицевой стороне и Никой на оборотной может быть абсолютно точно, по классификации Зографа и Имхоф-Блумера отнесена к IV группе монет г. Амиса, датируемых 105—90 гг. до н. э.²¹ Погребение же можно датировать, таким образом, временем не ранее рубежа II—I вв. до н. э., скорее же первой половиной I в. до н. э.

В погребении № 10, вскрытом Фармаковским в 1903 г., найдены вместе с гладкой фибулой соединенной конструкции золотая серьга с подвеской в виде палицы Геракла, эллинистический лагинос с остроруберным корпусом, белым покрытием и полосами черного и коричневого лака по ребру, краснолаковая чашечка и другие предметы²². Фармаковский датировал погребение I в. до н. э., А. К. Амброз относит его ко II или II—I вв. до н. э., Ю. В. Кухаренко датирует его II — началом I в. до н. э.²³ Серьга с подвеской в виде палицы Геракла, украшенная вставным камнем (альмандином) и со вставкой из стекла в нижней части подвески, относится к широко распространенным в Северном Причерноморье в последнем веке до н. э. и в первые века н. э. типам вещей, украшенных главным образом вставными камнями и вставками из стекла. В обобщающей работе Ф. Маршала две подобные золотые серьги датируются I в. до н. э.—III в. н. э.²⁴ Эллинистические лагиносы, как отмечает Леру, начали изготавливаться в конце III в. до н. э. и были еще в широком употреблении в середине I в. до н. э.²⁵ Четыре лагиносы с остроруберным корпусом, два из которых с белым покрытием и полосами черной, коричневой и красной краски, обнаружены Томпсоном при раскопках в Афинах, в комплексе, хорошо датированном рубежом II—I вв. до н. э. и началом I в. н. э.²⁶ Наконец, краснолаковая чашечка никоим образом не может быть отнесена ко времени ранее I в. до н. э.²⁷ Таким образом, разбираемый комплекс должен быть отнесен ко времени не ранее рубежа II—I вв. до н. э.

В кургане № 51, у хутора Марицыгна, вместе с гладкой фибулой соединенной конструкции были найдены: амфора с двухствольными ручками, канфаровидный сосуд с характерными ленточными ушками, покрытый красновато-коричневым лаком и белой росписью и балъзамарий²⁸. Фибула, вероятно всего, может быть отнесена к группе В (по Костшевскому) гладких фибул соединенной конструкции и датирует весь комплекс временем не

¹⁸ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 158, 178, рис. 24, 11.

¹⁹ ИАК, вып. 8. СПб., 1903, стр. 63, 85—86, 103; А. И. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, VIII, стр. 78, табл. 1, 6.

²⁰ Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей..., стр. 33; А. И. Фурманська. Указ. соч., стр. 78.

²¹ А. Н. Зограф. Находки понтийских монет митридатовского времени в Ольвии. Ольвия, т. I. Киев, 1940, стр. 294—295.

²² ИАК, вып. 13, стр. 154; А. И. Фурманська. Указ. соч., стр. 78, табл. 1, 7; А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 187.

²³ А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 187; Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей..., стр. 37.

²⁴ F. H. Marshall. Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman. London, 1911, стр. 284, pl. LII, 2412, 2417.

²⁵ L. Gouh. Lagynos. Recherches sur la Céramique et l'Art Ornamental Hellénistiques Paris. 1913, стр. 101.

²⁶ H. A. Thompson. Two centuries of Hellenistic Pottery. «Hesperia», vol. III, Nr. 4, 1934, стр. 392—394, 403—405, fig. 92.

²⁷ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—40 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 289—290.

²⁸ M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson. Praehistorische Zeitschrift, T. V, 1913, стр. 66—68, 110—111, рис. 73—74.

ранее рубежа II—I вв. до н. э. Попытаемся выяснить, действительно ли даты, принимаемые в литературе для других вещей этого комплекса, противоречат подобной датировке погребения. Начнем с амфоры, так как на ее датировке в большой степени основывается отнесение погребения ко II в. до н. э.²⁹ Эта амфора — очень редкого типа, и в определении ее между различными исследователями существуют разногласия. В. П. Петров, В. А. Ильинская, Ю. В. Кухаренко относят марицынскую амфору к косским и рассматривают ее как предмет, датирующий данное погребение, а такой специалист, как И. Б. Зеест, относит эту амфору к очень редкому позднему типу родосских амфор, причем, как можно понять из текста, единственное основание для датировки подобных амфор — это находка в разбираемом погребении Марицынского могильника. В тексте И. Б. Зеест датирует эти амфоры концом III—II вв. до н. э.³⁰, а на таблице, помещенной в конце книги, — III—I вв. до н. э.³¹ Как нам сообщила Е. И. Леви, подобные амфоры встречаются в Ольвии в слоях I в. до н. э. — I в. н. э. Найденный в этом же погребении канфарообразный сосуд также относится к очень редким типам. Установить его точную дату нам не удалось, но, по видимому, он датируется II—I вв. до н. э.³² Веретенообразные бальзамарии, подобные найденному в погребении, встречаются в Северном Причерноморье чаще всего в комплексах II—I вв. до н. э., отдельные же экземпляры — и в I в. н. э.³³ Несколько таких бальзамариев найдено в погребениях Мавзолея Неаполя Скифского, датированных I в. до н. э. Таким образом, мы видим, что весь комплекс предметов из Марицынского погребения отнюдь не противоречит дате, устанавливаемой на основании определения фибулы, — не ранее рубежа II—I вв. до н. э.

К сожалению, мы не знаем, к какому типу «среднелатенских» фибул относится найденная Б. Н. Граковым фибула в кургане № 1 около акрополя Каменского городища³⁴. Если она относится к одному из ранних типов, то предлагаемая Б. Н. Граковым дата — II в. до н. э. вполне приемлема. Не знаем мы, относилась ли к рассматриваемому нами типу и фибула из погребения № 40 Ольвийского некрополя (раскопки Б. В. Фармаковского, 1896 г.), найденная вместе с чернолаковым блюдечком³⁵. Автор раскопок датирует погребение первыми веками н. э.³⁶ Если же в обоих случаях были действительно найдены гладкие короткие фибулы соединенной конструкции, то и тогда находка вместе с ними поздней чернолаковой керамики не исключает датировку и этих погребений временем не ранее рубежа II—I вв. до н. э. Поздняя чернолаковая керамика изредка встречается в комплексах рубежа II—I вв. до н. э. и I в. до н. э.³⁷ Таким образом, из четырех разобранных нами комплексов, в которых интересующие нас фибулы встречены вместе с античными вещами, три полностью подтверждают установленную для этих фибул в Центральной Европе дату и один не противоречит ей. Основываясь на всей совокупности привлеченных данных, мы приходим к выводу, что появление на интересующей нас территории гладких коротких фибул соединенной (среднелатенской) конструкции относится ко времени не ранее рубежа II—I вв. до н. э.

²⁹ В. П. Петров. Зарубинецкий могильник. МИА, № 70, 1959, стр. 46; Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей..., стр. 32.

³⁰ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 104.

³¹ Там же, стр. 134, табл. XXIV, 50, 50а.

³² Эта дата была названа нам Т. Н. Книпович.

³³ И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, № 57, 1956, стр. 113, рис. 3, 9.

³⁴ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 111—112, рис. 13, 2; 21, 11; 21, 9 и др.

³⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 201. Там же были найдены обломок амфоры редкого типа и обломки поздних чернолаковых сосудов.

³⁶ ОАК за 1896 г., стр. 203.

³⁷ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 112, рис. 30, 6; Н. А. Томпсон. Указ. соч., стр. 392—394, рис. 82—86, 116.

Верхняя хронологическая граница этих фибул устанавливается относительно просто. Даже на территории Чехословакии известны случаи бытования фибул соединенной конструкции в первые века н. э.³⁸ В Польше и Альпийской области они также встречаются в I в. н. э.³⁹ В Восточной Польше, в Подляшье они бытуют в I в. н. э. Примером служит погребение у с. Дрохичин, на берегу Западного Буга. В этом погребении (яма XXV) найдены вместе две гладкие фибулы соединенной конструкции и сильно профилированная фибула I в. н. э.⁴⁰ Таким образом, время бытования гладких коротких фибул соединенной конструкции для нашей территории определяется рубежом II—I вв. до н. э.—I в. н. э. включительно.

III. Время бытования так называемой зарубинецкой фибулы соединенной (среднелатенской) конструкции определяется А. К. Амброзом как первая половина II в. до н. э.—I в. н. э. включительно⁴¹. Подобные фибулы были дважды встречены в хорошо датированных комплексах — в Мавзолее Неаполя Скифского (не ранее рубежа II—I вв. до н. э.)⁴² и в одном погребении могильника у с. Гриневици Великие, хорошо датированном глазчатой фибулой II в. н. э.⁴³ Фибула из могильника у с. Воронино, которую А. К. Амброс рассматривает как самую раннюю «зарубинецкую»⁴⁴ фибулу, по некоторым своим особенностям (маленький ромбовидный щиток, бусина на ножке) не может быть отнесена к группе зарубинецких. Типологически ее можно датировать самым концом II в. до н. э.—началом I в. н. э. находка «зарубинецкой» фибулы на селище у с. Лукашевка, датированном автором раскопок II—I вв. до н. э.⁴⁵, не может служить достаточным основанием для отнесения подобных фибул ко времени ранее рубежа II—I вв. до н. э. Итак, время бытования «зарубинецких» фибул определяется нами как рубеж II—I вв. до н. э.—II в. н. э. включительно.

IV. Все позднелатенские фибулы с рамчатым приемником обычно рассматриваются в нашей литературе как единая группа. А. К. Амброс датирует их I в. до н. э.⁴⁶, Ю. В. Кухаренко — второй половиной I в. до н. э.—I в. н. э.⁴⁷ Однако необходимо выделить среди них две разновидности: а) Фибулы «со ступенчатой спинкой», представляющие собой по форме прямоугольную рамку, встречаются на могильниках типа Поянешти — Лукашевка. В Германии они бытуют на рубеже II—I вв. до н. э. и в начале I в. до н. э.⁴⁸, а на нашей территории возможно могут встречаться и позднее, так как обломок похожей на них фибулы найден в Колоколинине в погребении I в. н. э.⁴⁹ б) Фибулы с высокой, плавно изогнутой спинкой найдены на зарубинецких могильниках Полесской группы и на Чаплинском могильнике. Подобные фибулы распространены на территории Польши и Чехословакии во второй половине I в. до н. э.—I в. н. э.⁵⁰ В это (или более позднее время) бытуют они и на нашей территории.

³⁸ J. Eisner. *Slovensko v pravěku*. Bratislava, 1933, стр. 175, t. LXI, 13.

³⁹ J. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 16—19, рис. 2—5; G. Ulbert. *Die römischen Donau—Kastelle Auslingen und Burghöfe*. Berlin, 1959, стр. 64.

⁴⁰ Z. Szmit. *Cmentarz latensko-rzymski «Kozarówka» w Drohiczyne nad Bugiem*. WA, t. VIII, zes. 2—4, стр. 152—175.

⁴¹ А. К. Амброс. Указ. соч., стр. 188.

⁴² Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 158, 178.

⁴³ Z. Szmit. *Sprawozdanie z poszukiwan archeologicznych w Hryniewiczach Wielkich*. WA, VII, 1922, стр. 111—120; А. К. Амброс. Указ. соч., стр. 188.

⁴⁴ А. К. Амброс. Указ. соч., стр. 189, рис. 1.

⁴⁵ Г. Б. Федоров. *Население прутско-днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.* МИА, № 89, 1960, стр. 19, 246, рис. 5.

⁴⁶ А. К. Амброс. Указ. соч., стр. 189.

⁴⁷ Ю. В. Кухаренко. *Распространение латенских вещей...*, стр. 34—35.

⁴⁸ R. Nachmann. Указ. соч., табл. I, стр. 258.

⁴⁹ Ю. В. Кухаренко. *Распространение латенских вещей...*, стр. 34—35.

⁵⁰ J. Filip. Указ. соч., стр. 113; J. Eisner. Указ. соч., стр. 208—209, табл. LXX; S. Nosek. *Materiały do badań nad Historią starożytną i wczesnosredniowieczną międzyrzecza Wisły i Bugu*. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F.*, vol. VII, 1957, стр. 317, 319.

V. «Наухеймские» фибулы относятся обычно ко второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э.⁵¹ Однако на отдаленных от Центральной Европы территориях они встречаются во II в. н. э.⁵²

VI. Позднелатенские фибулы с пластинчатым приемником относятся к самому концу I в. до н. э. — I и II вв. н. э. Однако в Восточно-Мазурской группе Восточно-Прусской культуры позднелатенские фибулы этого и других типов бытуют вплоть до III—IV вв. н. э.⁵³ Время их бытования на интересующей нас территории может быть определено вероятнее всего как I—III вв. н. э.

VII. Фибулы с подвязанной ножкой появляются в Северном Причерноморье в самом конце I в. до н. э. или на рубеже н. э. Иногда ранние типы их встречаются в более поздних комплексах. Так, в одном погребении сарматского могильника у с. Ново-Филипповка фибула с подвязанной ножкой очень раннего типа, восходящего к рубежу н. э., на основании зеркальца-подвески с тамгообразным узором датируется II—III вв. н. э.⁵⁴ В пшеворской культуре фибулы подвязного типа впервые появляются в III в. н. э.⁵⁵ На зарубинецких памятниках они бытуют, по-видимому, в I—III в. н. э.

Таким образом, мы уточнили время бытования нескольких типов фибул на территориях, смежных с территорией зарубинецкой культуры и группы Поянешти-Лукашевка. При этом следует отметить, что верхняя хронологическая граница бытования этих фибул на территории собственно зарубинецкой культуры, в силу ее отдаленности от Центрально-Европейских областей, определяется лишь весьма приблизительно. Поэтому очень важно выделить на памятниках зарубинецкой культуры какие-нибудь другие группы вещей, встречающихся и за пределами ее распространения, при помощи которых можно было бы проверять и уточнять даты, устанавливаемые на основании фибул.

Уже неоднократно отмечалось сходство между зарубинецкой культурой и группой памятников типа Поянешти-Лукашевка, с одной стороны, и пшеворской и оксивской культурами — с другой, в частности, сходство комплексов керамики. Надо отметить, что комплекс лощеной керамики двух последних культур четко делится на две хронологические группы. Для I в. до н. э. характерно господство форм сосудов с великолепным черным лощением, плавным изгибом тулова, утолщенным, часто подгранным венчиком⁵⁶. Особо надо отметить низкие, широкие миски с утолщенным, часто подгранным краем, находящие себе близкое соответствие в некоторых типах мисок зарубинецкой культуры и группы Поянешти-Лукашевка. Изредка у этих мисок отмечается на тулове слабо выраженное ребро. Характерны для этого времени и небольшие кружки с ушком, а также (в пределах оксивской культуры) урны с округлым туловом, украшенным тремя-четырьмя налепами разной формы, с отогнутым под углом 45° венчиком⁵⁷, находящие также некоторые аналогии среди сосудов зарубинецкой культуры. На рубеже н. э. комплекс керамики пшеворской и оксивской культур резко ме-

⁵¹ Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей..., стр. 34—35; Р. Хахманн в указанной работе предлагает датировать «наухеймские» фибулы — 70 г. до н. э. — рубежом н. э.

⁵² И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. «Труды Саратовского музея краеведения», 1, Саратов, 1959, стр. 33.

⁵³ K. Enger und W. la Baume. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preusslande. Königsberg, 1937, стр. 149.

⁵⁴ М. В. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сборник «Вопросы скифо-сарматской археологии», АН СССР, 1952, стр. 240.

⁵⁵ I. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa-Wrocław, 1955, стр. 250—251, рис. 736—737.

⁵⁶ J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach; K. Tackenberg. Die Wandalen in Niederschlesien. Berlin, 1925, стр. 76; R. Nachmann. Указ. соч. Abb. 1, 2, 19—21, 37, Taf. 15, 16, 17, 18.

⁵⁷ D. Bohnsack. Die Burgunden in Ostdeutschland...

няется. Исчезает утолщенный и подгранный край, перестают встречаться сосуды типа кружек, ухудшается качество лощения, тулово сосудов приобретает характерную «острореберность»⁵⁸. Одним из ведущих типов этого времени были острореберные миски нескольких разновидностей, хорошо представленные и на зарубинецких памятниках. Изредка встречаются и миски с плавным изгибом тулова, но у них отсутствует теперь утолщенный край, да и пропорции их другие. Отмеченная выше смена комплексов керамики происходит на рубеже н. э. на территории от Эльбы и Силезии на западе до бассейнов Западного Буга и Днестра на востоке и рассматривается как надежный критерий при определении хронологии памятника. Думается, что отмеченную нами смену форм сосудов надо принимать во внимание и при датировке памятников нашей территории.

На основе установленной хронологии фибул и некоторых форм сосудов следует попытаться пересмотреть датировку памятников зарубинецкой культуры, типа Поянешти-Лукашевка и сходных с ними и разбить их на хронологические группы, что, в свою очередь, повлечет и решение некоторых других вопросов.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Д. А. МАЧИНСКОГО

Статья Д. А. Мачинского — часть доклада на тему «К вопросу о датировке памятников зарубинецкой культуры», который заслушан на заседании Славяно-русской группы ЛОИА 17 декабря 1961 г.

П. Н. Третьяков признал, что предложенные в докладе датировки не вызывают возражений и указал, что надо обратить внимание на данные, говорящие о том, что в бассейне Десны зарубинецкая культура существовала еще в IV в. н. э. Он советовал также обратить внимание на лощеную керамику из Сахновки, отличающуюся высоким качеством выделки, — возможно, это наиболее древняя керамика зарубинецкого типа на Днестре.

Л. Д. Поболь (Минск) выступил с возражениями, утверждая, что при современном уровне знаний еще нельзя точно датировать памятники зарубинецкой культуры, поэтому могут существовать различные датировки одних и тех же типов вещей и памятников.

М. А. Тиханова указала на то, что предложенные в докладе датировки обоснованы вполне убедительно, хотя и отличаются от принятых в нашей литературе.

---

⁵⁸ J. Kostrzewski. Указ. соч.; K. Tackenberg. Указ. соч.

И. С. КАМЕНЕЦКИЙ

СВЕТЛОГЛИНЯНЫЕ АМФОРЫ
С НИЖНЕ-ГНИЛОВСКОГО ГОРОДИЩА¹

Небольшие раскопки, проведенные экспедицией Таганрогского краеведческого музея на Нижне-Гниловском городище, расположенном на окраине г. Ростова-на-Дону², дали интересные археологические материалы. Изучение найденной здесь краснолаковой керамики позволило датировать отдельные слои, относящиеся к римскому времени, которые достигают на этом участке толщины 4,7 м.

Условные штыки	1—6 (0—1,1 м)	— III в. н. э.
»	» 7—13 (1,1—2,4 м)	— II в. н. э.
»	» 14—15 (2,4—2,7 м)	— вторая половина I в. н. э.
»	» 16—18 (2,7—3,5 м)	— вторая треть I в. н. э.
»	» 19—21 (3,5—4,2 м)	— первая треть I в. н. э.
»	» 22—24 (4,2—4,7 м)	— рубеж н. э.

При раскопках с одного квадрата (5 × 5) были собраны для подсчета венчики, ручки и донца всех сосудов, в результате чего оказалось возможным выяснить процентное соотношение различных групп керамики. На долю амфор приходится, в зависимости от слоя, 55—64%; по характеру глины выделяется несколько групп амфор: светлоглиняные, буроглиняные³, боспорские и сиреневоглиняные. Кроме указанных, попадались единичные фрагменты амфор из иной глиняной массы, которые не могут быть пока четко выделены. На всем протяжении существования Нижне-Гниловского городища светлоглиняные амфоры резко преобладают (см. табл. 1). Та же примерно картина была и на других одновременных городищах в низовьях Дона, поэтому изучение группы светлоглиняных амфор особенно важно для датировок и выяснения характера и роли импорта.

Глина амфор этой группы легко поддается определению. Светлая, она довольно сильно варьирует по оттенкам: от совсем белой до оранжевой и почти красной. Иногда встречаются фрагменты серого цвета. Эти вариации — результат обжига, что отчетливо видно на некоторых сосудах с неравномерной окраской поверхности. Структура крупнозернистая, плотность небольшая. Попадаются черепки, глина которых настолько слаба, что

¹ Доклад на объединенном заседании Секторов античной и скифо-сарматской археологии 30/1 1961.

² И. С. Каменецкий. Нижне-Гниловское городище (раскопки 1954 и 1955 гг.). «Краеведческие записки» Таганрогского краеведческого музея, вып. 1, 1957. Статья содержит предварительные данные, которые в части датировок после изучения материала уточнены.

³ И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, рис. 7.

Соотношение различных групп амфор Нижне-Гниловского городища по слоям *

Слой	Всего фрагментов амфор	Светлоглиняных	Буроглиняных	Красноглиняных (боспорских)	Сиреневоглиняных	Прочих
III в. н. э.	41	39	—	2	—	—
		95	—	5	—	—
II в. н. э.	118	83—99	0—9	1—17	0—9	0—9
		90	2	16	4	6
		76	2	13	3	5
I в. н. э.	165	67—83	0—7	8—21	1—9	2—11
		126	4	23	3	9
		76	2	14	2	5
Рубеж н. э.	22	66—81	1—7	9—22	0,4—6	3—11
		18	—	1	—	3
		82	—	4	—	13
		59—95	0—15	0,1—23	0—15	3—35

* Верхняя цифра означает число фрагментов, средняя — процент, нижняя — доверительные интервалы, вычисленные по таблице, представленной в работе: И. В. Дуни-Барковский, Н. В. Смирнов. Теория вероятности в математической статистике и в технике (общая часть). М., 1955, стр. 520, табл. XIX.

пачкает. Крупнозернистость в известной мере объясняется очень большим числом разнообразных примесей; в основе — крупный песок, состоящий из окатанных зерен различного цвета: белых, сероватых и коричневых. Кроме песка, довольно многочисленны черные блестящие частицы, идентичные примеси к глине синопских эллинистических амфор. Частицы эти, как правило, хорошо заметны на поверхности и хуже видны в изломе. Изредка в глине попадаются крупные красные кусочки толченой керамики. Из этой глины изготовлялись амфоры различных по форме и размерам типов; из них наиболее известны амфоры с двуствольными ручками и узкогорлые с профилированными ручками. Наряду с ними, но в меньшем числе, встречаются и другие типы амфор, а также некоторые типы кувшинов. На Нижне-Гниловском городище встречены фрагменты трех типов светлоглиняных амфор (табл. 2).

Узкогорлые с профилированными ручками амфоры решительно преобладают, составляя абсолютное большинство во всех слоях (см. табл. 2). Найденные фрагменты позволяют не только восстановить общие особенности, достаточно хорошо известные по целым экземплярам из других раскопок, но и проследить развитие этого типа на протяжении I—III вв. н. э., выделив три хронологических варианта (рис. 6).

(А) Ранние амфоры — сравнительно крупных размеров; тулово яйцеобразное, стройных очертаний. Ножка широкая, на кольцевом поддоне, который снаружи выделен перегибом. Дно у некоторых экземпляров настолько широкое, что они могут стоять. Такие были найдены в Танаисе. Дно у нижегниловских более узкое, но все же достаточно четко выраженное. Горло высокое, цилиндрическое, обычно несколько шире, чем у позднейших. По краю венчика проходит валик, наиболее широкая часть которого находится сверху, образуя плоский или округлый край. Ручки массивные, более уплощенные и широкое, чем у позднейших, профилировка их четче и симметричнее. Этот вариант датируется I в. н. э.

(Б) У относящихся ко второму варианту амфор — вытянутое узкое тулово, часто желобчатое, с почти прямолинейно расширяющимися стенками. Дно настолько сужено, что сосуды уже с полным правом можно назвать остродонными. Однако все детали кольцевого поддона сохраняются. Ножка

Таблица 2

Распределение фрагментов светлоглиняных амфор Нижне-Гниловского городища по глубине залегания

Датировки	Штыки	Глубина, в м	Амфоры с профилированными ручками						Амфоры с двухствольными ручками	Амфоры с желобком под венчиком	Прочие
			венчики		ножки			ручки			
			А	С	А	В	С				
III в. н. э.	1	0—1,1						3			
	2		1				3	2			
	3						1	3			
	4		2				1	1			
	5		9				4	5	1		
	6		1				3				
II в. н. э.	7	1,1— 2,4		1			1	1			
	8		1		1		1				
	9		1				5	1	1		
	10		2	6			3	9	2		
	11		2	1		1	1	14			
	12		2	1	1	4	1	13	2		
	13		1	1	1			7	2		
Вторая половина I в. н. э.	14	2,4—	2	1		2		5			
	15	2,7	1				5				
Вторая треть I в. н. э.	16	2,7— 3,5	1	2	1	1	2	7	1		
	17		5	13	1	2	22	1			
	18		2		2		8		3		
Первая треть I в. н. э.	19	3,5— 4,2	3					12			
	20		1		3		11				
	21		1		1		14				
Рубеж н. э.	22	4,2— 4,7	2		1			7	1		
	23				13	1	2				
	24				1		1		1		

несколько расширяется книзу, но с внешней стороны ничем не выделена. Верхняя часть амфор этого варианта не ясна. Предположительно с ними связывается горло, еще более вытянутое и суженное, образующее в средней части, чуть ниже ручек, характерное расширение. Валик по краю наиболее расширен в своей средней части, сам край закруглен. Не исключено, что валик может быть такой же, как у предыдущего типа и у последующего. Ручки становятся уже и толще, приобретая отдаленно ромбовидное сечение, профилировка менее выражена и валики обычно сдвинуты к краю. Этот вариант датируется второй третью I в. н. э.—серединой II в. н. э.

С. Третий вариант хорошо знаком по публикации Т. Н. Книпович⁴. Амфоры становятся меньше, тулово приобретает раздутые формы, сохраняя суженную ножку. Весьма характерны желобки на тулове. От варианта В ножки легко отличаются по углу расхождения стенок. Горло сравнительно

⁴ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 73.

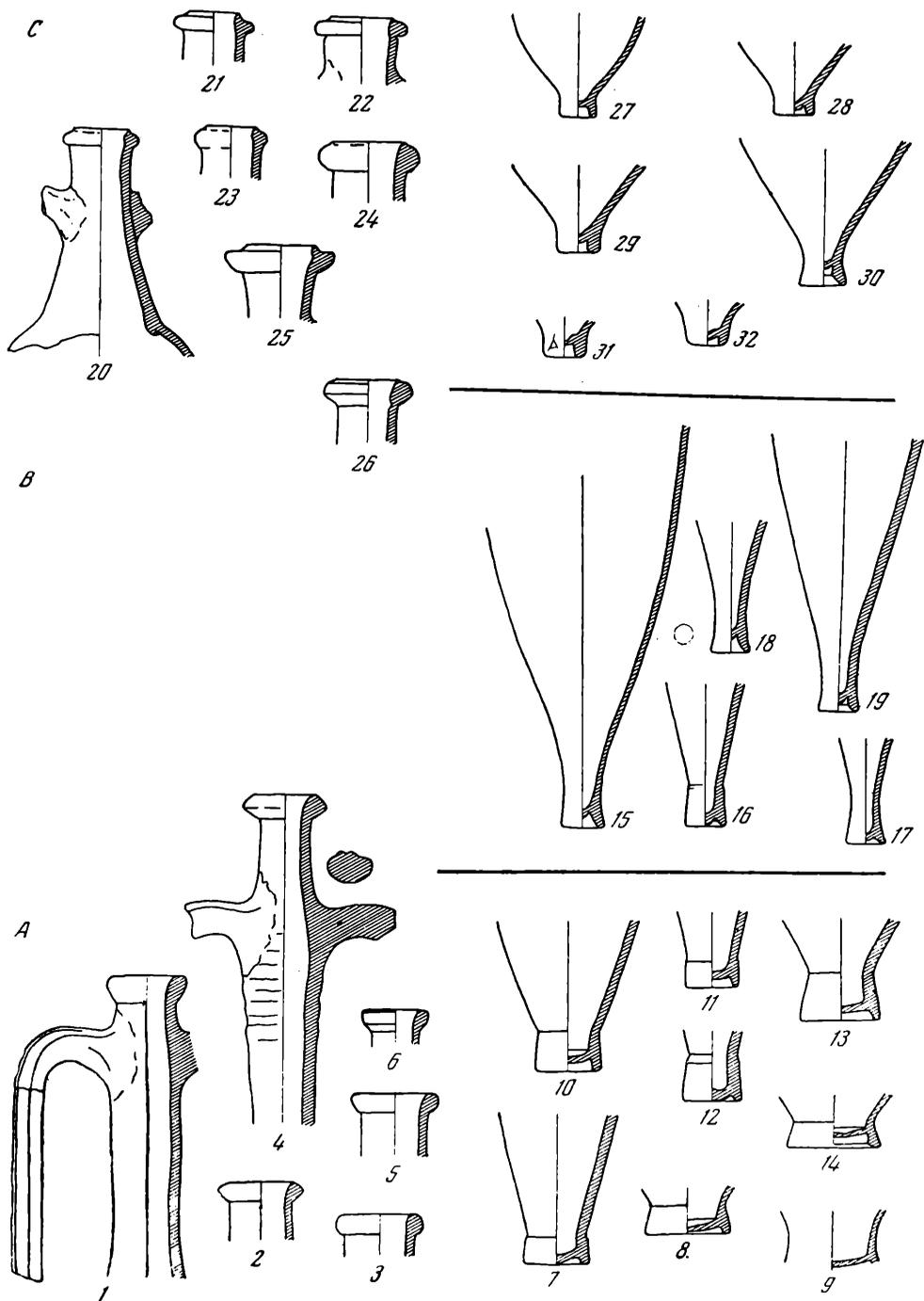

Рис. 6. Светлоглиняные амфоры с профилированными ручками

1—14 (раздел А) — ранние амфоры I в. н. э.; 15—19 (раздел Б) — амфоры второй трети I в. — середина II в. н. э.; 20—32 (раздел С) — амфоры II—III вв. н. э.

короткое, расширяется книзу. Край образует характернейшее заострение, как бы продолжение внутренней стороны стенки, валик чаще всего округлых очертаний. Ручки аналогичны предыдущему типу. Насколько мне известно, только на амфорах этого варианта встречаются изредка клейма, заключенные в прямоугольную рамочку. На этих же сосудах чаще всего

бывают надписи красной краской. Клейма располагаются на нижней части горла, надписи там же или на плечиках⁵. Этот вариант датируется, по-видимому, II—III вв. н. э.

Датировки вариантов находят свое обоснование в таблице 2, которая выразительно иллюстрирует приведенную выше хронологию и не нуждается в специальных пояснениях. Отметим только, что ножка амфоры варианта В с глубины 4,2—4,7 м (штык 23) найдена, по-видимому, в перемещенном состоянии. Возможно, что это относится и к некоторым другим фрагментам (например, ножки амфор варианта С с глубины 2,7—2,9 м — штык 16), но утверждать с уверенностью нет оснований: слишком близко они располагаются к основной массе находок.

Амфоры с двустольными ручками. Форма этого типа хорошо известна по находкам в Танаисе (целый сосуд и несколько фрагментированных)⁶. Они крупных размеров; тулово высокое, приблизительно цилиндрическое,⁷ внизу сужающееся на конус и оканчивающееся «желудеобразной» ножкой. Плечики отделены от тулова резким перегибом. Горло высокое, не очень широкое; в нижней части его — уступчик, по краю округлый валик. Иногда уступчик отсутствует; горло несколько раздуто и имеет «боченкообразные» очертания⁷. Ручки двустольные с резким перегибом сверху. В Танаисе, в слое I в. н. э., они попадают в большом количестве; это — одна из ведущих форм. В значительном числе найдены они и на городищах римского времени, обнаруженных Н. В. Анфимовым по течению р. Кирпили⁸. Найдены они и на Нижне-Гниловском городище, но число их очень мало⁹.

Амфоры с желобком под венчиком. Известные фрагменты из той же глины, но принадлежащие типу, который не может быть описан полностью; целые сосуды мне неизвестны. Найдены 5 фрагментов венчиков широкогорлых амфор (диаметр устья 9—11 см) с закругленным или слабо заостренным краем, нависающим валиком по краю и широким желобком под ним, образованным изгибом стенки горла. Сверху желобок ограничен валиком, внизу, как правило, он оканчивается четким перегибом к стенкам цилиндрического горла (рис. 7, 1—3). Один фрагмент, найденный на глубине около 0,9 м (штык 5), отличается более толстыми стенками и отсутствием желобка. Можно думать, что это пример вырождения типа: ниже нависающего валика у него бороздка, которая, по-видимому, обозначает нижнюю границу желобка (рис. 7, 4). Обломок найден в слое III в. н. э., что подтверждает вывод о деградации типа. Остальные фрагменты по условиям находки (штыки 9, 10, 16) могут быть датированы приблизительно временем от середины I до середины II в. н. э. Ручки у амфор этого типа крепились на горле чуть ниже желобка, о чем свидетельствуют находки в Танаисе. Форма ручек определена предположительно. Так как форма ручек первых двух типов светлоглиняных амфор нам известна, то легко прийти к выводу, что линзовидно-овальные ручки (третья разновидность светлоглиняных ручек) должны относиться к описываемому типу амфор. Четыре фрагмента их обнаружены в 12 (2 экз.), 13 и 17 штыках. Как видим, совпадает и слой. Уверенно можно относить к данному типу сосудов

⁵ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 75.

✓ ⁶ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961. Целая амфора найдена в погребении № 45 (стр. 17, табл. 15, 4). Амфоры с отбитыми горлами использованы в погребениях № 56 и 59 (стр. 27—28). В Таганрогском музее хранится амфора с двустольными ручками и отбитым горлом, происходящая, вероятно, из Танаиса.

⁷ В качестве примера сошлемся на горло, найденное на городище «Чумяный редант». Хранится в Краснодарском музее — КМ-845 А 50/3.

✓ ⁸ Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья (сообщение о новых материалах). КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, рис. 22 — 1. Амфора из могильника № 1 у ст. Ново-Джералиевской — переиздана И. Б. Зеев с указанием, что она происходит с городища «Чумяный редант». См. И. Б. Зеев ст. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, рис. 6, стр. 114.

⁹ На квадратах 1 и 2 по два фрагмента ручек.

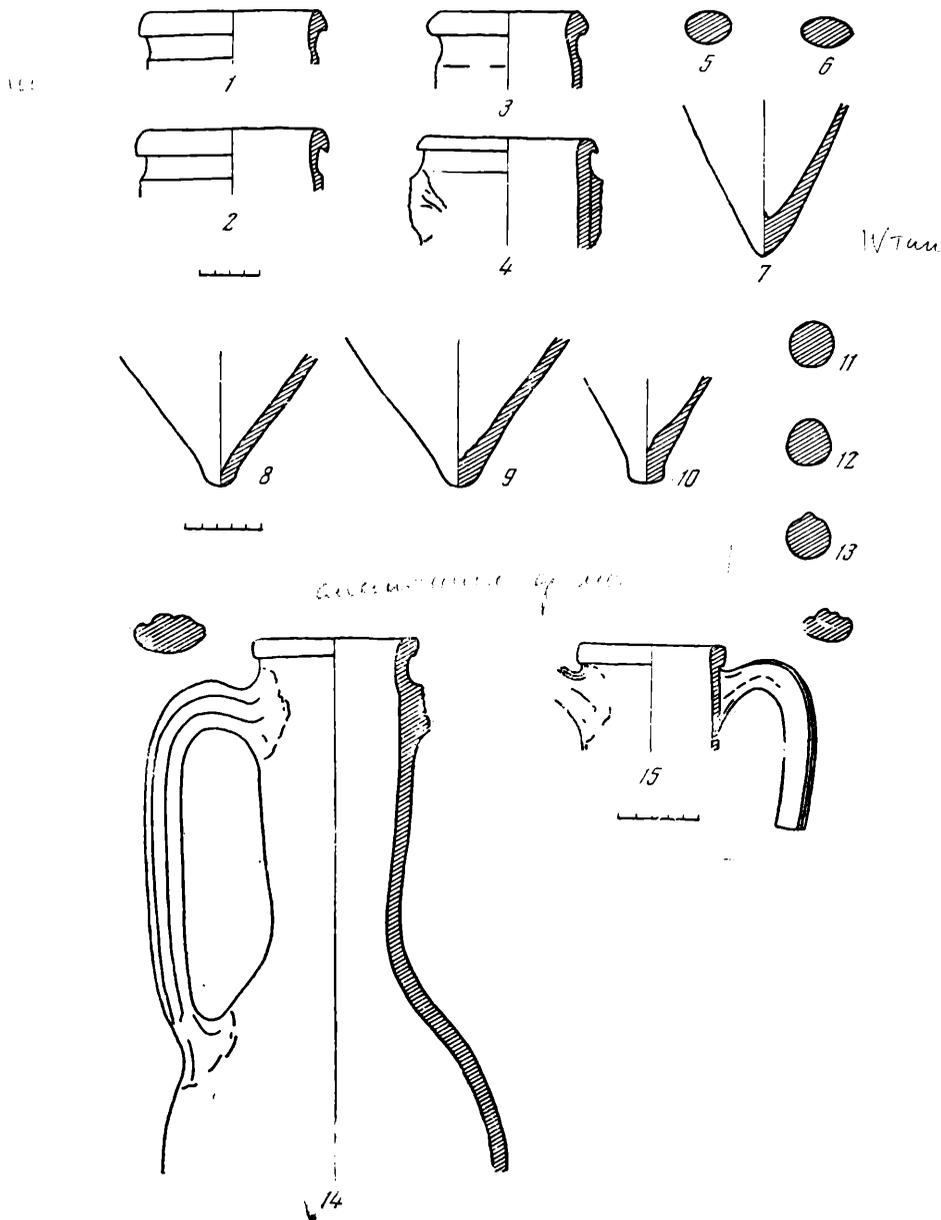

Рис. 7. Фрагменты светлоглиняных амфор

1-7 — с желобком под венчиком светлоглиняных амфор неопределенного типа;
8-15 — фрагменты светлоглиняных амфор «смешанного» типа; 14 — с Ново-Джера-
лиевского городища, № 3; 15 — с городища «Чумяный редант»

и конусовидное дно (глубина 2,4; штык 13), уплощенное с боков. Все перечисленные особенности подтверждаются и на материале Танаиса.

Кроме перечисленного, следует отметить три ножки и три фрагмента ручек амфор (рис. 7—8—13). Ножки конусовидные, но отличаются более широким углом расхождения стенок и слабо обособленным сосцеобразным окончанием. Найдены они на глубине 3,5—4,2 м (штык 18 и 21), т. е. относятся ко времени более раннему, чем только что описанные фрагменты амфор с желобком под валиком. В этих же слоях найдены и три фрагмента круглых, или точнее, округлых в сечении ручек. Одна из них, с глубины

4,2 м (т. е. штык 22, две другие — штыки 18 и 19), имеет небольшой валик сверху. Не исключена возможность, что эти фрагменты принадлежат к четвертому типу светлоглиняных амфор. Отметим, что В. Ф. Гайдукевич указывает на находки в Илурате амфор с воронкообразным горлом, сделанных из той же глины¹⁰, что и найденные в Илурате амфоры с профилированными ручками варианта С. Так что в принципе возможен и еще один тип светлоглиняных амфор.

Происхождение амфор описанных типов из одного центра подтверждается, помимо единства глины, еще некоторыми данными, например, сходством венчика у амфор с профилированными и двуствольными ручками в I в. н. э. Те и другие различаются часто только по диаметру. Весьма показательны также «смешанные» формы. В Ейском музее¹¹ хранится верхняя часть светлоглиняной амфоры с профилированными ручками. Ее отличает широкое горло (диаметр устья около 9 см), суженное слегка в нижней части. Горло такого типа и валик по краю скорее можно было бы ожидать в сочетании с двуствольными ручками (рис. 7—14). Небольшой фрагмент венчика и ручки аналогичной амфоры найден на городище «Чумяный редант». Горло опять же широкое, валик тот же, ручка профилированная (рис. 7—15)¹². В Танаисе найдена целая амфора с профилированными ручками (варианта А) на широком поддоне. Горло ее, однако, оформлено как у амфор с двуствольными ручками: не отличаюсь особенно крупным диаметром, оно в нижней части имеет характерный уступчик¹³. В Танаисе же найден фрагмент венчика амфоры с желобком под валиком и с профилированными ручками. Эти немногие пока примеры достаточно убедительно подтверждают единство происхождения трех описанных типов светлоглиняных амфор.

Труднее решить вопрос о месте их производства. Тут необходима кропотливая работа по выяснению ареала распространения и отдельных типов и вообще светлоглиняных изделий. По этому вопросу существует несколько мнений, которые все сходятся на том, что большинство светлоглиняных амфор производилось на южном берегу Черного моря. Т. Н. Книпович, изучая ольвийские лутерии¹⁴, высказала мысль, что по глине часть их совпадает с астиномными амфорами, с одной стороны, и со светлоглиняными римского времени — с другой, и, таким образом, отнесла интересующую нас группу, не говоря этого прямо, к Синопю. Позднее она высказала предположение, что часть светлоглиняных амфор производилась в Северном Причерноморье, вероятнее всего на Боспоре¹⁵. Точку зрения о синопском производстве амфор с профилированными ручками поддержал В. Ф. Гайдукевич¹⁶. И. Б. Зеест, также склоняясь в пользу южночерноморского происхождения, решительно отвергает единство синопских амфор и амфор с двуствольными ручками¹⁷. Она рассматривает последние отдельно от амфор с профилированными ручками, никак их, по-видимому, не связывая. Полагая, что основная масса светлоглиняных амфор ввозилась, И. Б. Зеест

¹⁰ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. МИА, № 85, стр. 34, рис. 21. Не подвергая сомнению сообщение В. Ф. Гайдукевича, должен указать, что фрагменты амфор с воронкообразным горлом, найденные в Танаисе, имели хотя и близкую, светлую, но все же другого типа глину.

¹¹ Инв. № ЕМ 5550. Найдена В. В. Самсоновым в осыпях вала Ново-Джералиевского городища № 3 в 1956 г.

¹² Сборы Н. В. Анфимова — КМ 845 А 5/3.

¹³ Некрополь Танаиса, находка 1960 г.

¹⁴ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из Раскопа И. «Ольвия». Киев, 1940, стр. 150.

¹⁵ Т. Н. Книпович. Танаис..., стр. 136.

¹⁶ В. Ф. Гайдукевич. Рецензия на книгу: К. Majewski. «Importy rzymskie na ziemiach slowianskich». ВДИ, 1951, № 2, стр. 190; е го ж е. Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. МИА, № 85, стр. 35.

¹⁷ И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, стр. 114.

считает наиболее вероятным, исходя из особенностей техники, локализовать наш вариант С амфор с профилированными ручками в Северном Причерноморье, предполагая, как и Т. Н. Книпович, их боспорское происхождение¹⁸. В своей последней работе, посвященной амфорам Боспора, И. Б. Зеест высказалась еще более определенно в пользу различных центров производства светлоглиняных амфор с профилированными ручками, основываясь на различиях в алфавите надписей красной краской и незначительных вариациях деталей профилировки и в размерах¹⁹. Что касается отличия в профилировке и в размерах, то нам кажется неверным отрицать возможность видоизменения формы с течением времени, с одной стороны, и закономерность индивидуальных отличий при ремесленном производстве — с другой. Что же касается различий в написании, то вопрос этот нуждается еще в дополнительных изысканиях: следует доказать, что эти пометки делались в центре производства амфор. Не менее вероятно, что они наносились купцами, различного происхождения которых и определяет различное написание букв. Не следует также забывать, что на протяжении существования этого типа амфор начертание букв также менялось. Наконец, следует упомянуть точку зрения Е. М. Штаерман²⁰, которая отнесла амфоры с профилированными ручками к Коссу, основываясь на сходстве в начертании клейм, совпадении имен и некоторых других признаков. Появление этой гипотезы объясняется тем, что Е. М. Штаерман формально подошла к анализу известного ей материала, совершенно не учитывая различия в форме и глине амфор, клейма которых она рассматривала. На основании изучения светлоглиняных амфор с Нижне-Гниловского городища считаю невозможным предположение о различных центрах для описанных выше типов, не говоря уже об отдельных вариантах одного типа. Склоняясь в общем в пользу Южного Причерноморья, полагаю, что попытки точной локализации в настоящее время преждевременны.

---

¹⁸ И. Б. Зеест. К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора (по данным керамической тары из раскопок Неаполя 1945—1950 гг.). МИА, № 33.

¹⁹ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 33, 117.

²⁰ Е. М. Штаерман. Керамические клейма из Тире. (В связи с вопросом о клеймах неизвестных центров) КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 40 сл.

С. И. КАПОШИНА

ОДНА ИЗ ГРУПП КЕРАМИКИ С КОБЯКОВА ГОРОДИЩА

Керамические находки на Кобяковом городище, как и на многих других поселениях и городищах античного периода, обильны и разнообразны¹. Наиболее многочисленную группу составляют обломки амфор (узкогорлых светлоглиняных и красноглиняных широкогорлых)². Вторую по величине группу составляет сероглиняная лощеная и нелощенная керамика, изготовленная на гончарном круге, которая, в свою очередь, может быть разделена на несколько групп по цвету и составу глиняного теста и по обработке поверхности. Лепная керамика составила численно меньшую группу, нежели гончарная. Среди керамики, выработанной на гончарном круге, встречается и красноглиняная, но редко. В Кобяковском грунтовом некрополе, как и на городище, преобладает сероглиняная керамика; красноглиняные сосуды в погребениях единичны. Краснолаковая привозная посуда из раскопок городища представлена небольшим количеством обломков. Значительно больше ее бывает в погребениях.

Группа сероглиняной гончарной керамики особенно интересна. Из нее удалось выделить местную кобяковскую керамику, производившуюся в гончарных мастерских, открытых за последние годы на городище. Одна обжигательная печь обнаружена экспедицией Ростовского областного музея краеведения в 1955 г., другая — Кобяковской экспедицией в 1961 г.³

Кобяковская гончарная керамика отличается примесью мелкого светлого песка в тесте. Песок этот в огромном количестве находится на городище в нижних горизонтах⁴ и рядом с городищем, где разрабатываются большие песчаные карьеры. Сосуды эти светловато-серого цвета, иногда серо-желтоватого в зависимости от большей или меньшей примеси песка. Они отличаются еще и массивностью, толстыми стенками, тяжестью. В особенности тяжелы миски, в большом количестве найденные в могильнике. Местная кобяковская керамика встречается лощеная и не лощеная, которая преобладает.

Кроме местной кобяковской, к группе сероглиняной керамики относятся многочисленные обломки сосудов, происхождение которых пока не удается

¹ Кобяково городище, как известно, двуслойный памятник. На поселении эпохи поздней бронзы располагалось поселение, возникшее в I в. н. э. В настоящей работе речь идет только о керамике с поселения первых веков н. э.

² Ср. наблюдения, сделанные относительно керамики с Кобякова городища. Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 136—137.

³ Гончарные обжигательные печи Кобякова городища, как предмет специального исследования, будут опубликованы сотрудником Кобяковской экспедиции С. Н. Братченко.

⁴ Древнейший слой поселения эпохи бронзы А. А. Миллер назвал «песчаным» слоем.

уточнить. Такая посуда могла производиться и в Танаисе и в других местах нижнего Подонья.

Отсутствие во многих случаях близких аналогий сероглиняным сосудам в синхронных памятниках Северного Причерноморья и Прикубанья позволяет пока обобщенно называть указанную сероглиняную керамику нижнедонской. Возможно, что после изучения материала, найденного в районе гончарных печей, в особенности находок, связанных непосредственно с печами (производственный брак), группа местной кобяковской керамики расширится.

Среди памятников сарматской культуры широко известна группа сосудов с изображениями животных. Большой материал такого рода исследован К. М. Скалон и Е. Г. Кастанаян⁵. В Кобяковском некрополе найдена серия сосудов, ручки которых сделаны в виде стилизованных фигурок животных. Известная часть этой керамики выделяется в группу местного кобяковского производства.

Среди находок на Кобяковом городище выделяется также большая серия обломков ручек кувшинов со своеобразными налепами, в которых затруднительно усмотреть стилизованные фигурки животных.

На некоторых обломках из этой серии у места прикрепления к горлу кувшина с обеих сторон ручки сделаны по два налепа обычно круглой формы (рис. 8—1, 3, 4, 8)⁶. В особенности интересен обломок ручки сероглиняного чернолощеного кувшина, как бы составленной из трех частей (рис. 8—1). Вверху ручки сквозь все три ее стержня проделаны отверстия и в них вложен глиняный стерженек. Создается впечатление, что этот стерженек имитирует шарнир. Но этот шарнир неподвижен, так как он глиняный и вращаться не может. Совершенно ясно, что такая ручка сделана в подражание ручке металлического сосуда. У многих металлических сосудов античного периода вращающиеся шарниры в ручках служили для прикрепления крышек. При помощи их крышка могла открываться и закрываться. У глиняных сосудов шарниры уже не могли выполнять такой роли; они лишь имитируют металлические. Круглые глиняные налепы, на которые мы указывали выше, безусловно имитируют места припая к горлу ручек на металлических сосудах. Может быть, у таких глиняных сосудов были и крышки, но естественно, они не могли вращаться на неподвижных шарнирах. Впрочем крышек могло и не быть, пока никаких следов их не обнаружено. Отметим, что на Кобяковом городище в разных местах, в слоях I—III вв. н. э. найдено несколько глиняных ручек, сходных с описанной, у которых также были «шарниры» (рис. 8—2)⁷.

Мы пока не ставим вопроса о происхождении сероглиняных сосудов, формы которых явно подражают металлическим сосудам. Следует лишь отметить, что близкие аналогии ручке, изображенной на рис. 8—2, происходят с поселений первых веков н. э. на территории Румынии⁸.

Очевидно в первые века н. э. широко была распространена сероглиняная керамика, подражающая формам и особенностям металлических привозных сосудов. Импортные бронзовые вазы из итальянских мастерских найдены в нижнедонских курганах, датируемых рубежом н. э.⁹ Бронзовые кувшины, энохи с крышками, прикрепленными на шарнирах, широко известны среди памятников античного искусства раннеимператорского

⁵ К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Труды отдела истории первобытной культуры. Гос. Эрмитажа, т. 1. Л., 1941; Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных. СА, вып. XV, 1951.

⁶ Инв. номера К-58, № 1560; К-58, № 1502; К-58, № 113; К-59, № 1613.

⁷ Инв. номер К-59, № 2019.

⁸ V. P r ŷ a n. *Getica*. Bucuresti, 1926, табл. XXII, I.

⁹ Импортные бронзовые вазы, происходящие из итальянских мастерских, обнаружены в курганах в Багаевском районе Ростовской области, раскопанных Кобяковской экспедицией в 1960 и 1961 гг. Ср. находки из Круглого кургана у Нижне-Гниловской (Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 144—145).

Рис. 8. Кобяково городище. Фрагменты глиняных сосудов и ручки, украшенные налестами (1—9)

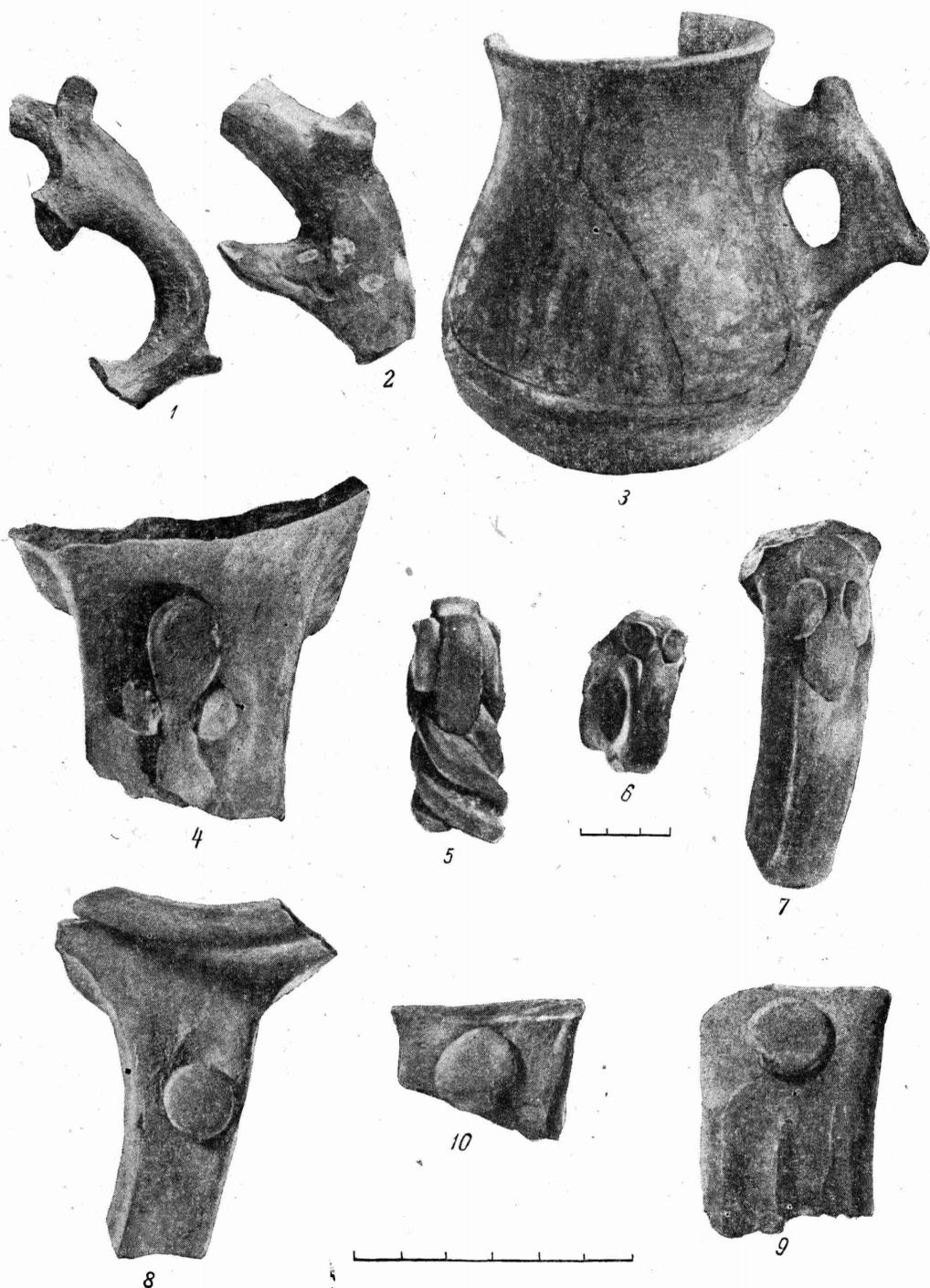

Рис. 9. Кобяково городище. Глиняный сосуд (3) и ручки с налечами (1,2,4—9).

времени¹⁰. В некоторых сероглиняных сосудах воспроизводились формы металлических со сравнительно тщательной передачей деталей. К числу таких экземпляров принадлежит кобьяковская находка 1958 г. (рис. 8—1). Но в большинстве случаев имитация металлических сосудов более примитивна. На верхней части ручек сероглиняных сосудов встречаются налеты, однако трактовать их как стилизованные фигурки животных трудно (рис. 8—5, 6)¹¹. Вероятнее всего эти налеты передают «шарниры» металлических сосудов, хотя и весьма примитивно.

В особенности часто встречаются обломки ручек сероглиняных сосудов, на которых налеты еще более грубые и примитивные (рис. 8—7, 8, 9)¹². Видеть в этих налетах стилизацию изображений животных чрезвычайно трудно. Даже наиболее стилизованные изображения животных отличаются от них (рис. 9—1—3)¹³. Несмотря на полное вырождение стиля, все же в ручке приведенного нами сосуда (рис. 9—3) можно угадать примитивнейшее изображение животного. С трудом также угадываются фигурки животных в обломках и других ручек (рис. 9—1, 2). Однако они при сильнейшей степени стилизации совершенно несхожи с налетами, упомянутыми выше (рис. 8—7, 8, 9; а также и рис. 9—4—7)¹⁴. Едва ли здесь могут быть две какие-то особые линии развития стилизации изображений животных. Если сопоставить ручки сосудов (рис. 8—5, 6 и рис. 9—4, 5, 7, 10), то напрашивается вопрос, не стали ли чисто декоративными деталями эти налеты, в основе которых лежит уже весьма отдаленная имитация металлических ручек сосудов. При этом обращают внимание круглые налеты на некоторых из них в местах прикрепления их к горлу сосуда (рис. 8—4), т. е. имитация припая металлических ручек.

Наконец, среди описываемой группы сероглиняной керамики многочисленны находки обломков ручек сосудов, на которых сверху один круглый налет (рис. 9—8—10)¹⁵.

Трудно представить, что от прежнего изображения животного осталась круглая «лепешка» на поверхности ручки в верхней ее части. Скорее это всего лишь декоративный мотив, но связанный корнями с налетами на ручках, подражавших формам металлических изделий.

Большая часть приведенных нами обломков принадлежит керамике, изготовленной в гончарных мастерских на самом Кобьяковском поселении. Безусловно, не местным был сосуд с ручкой, в котором ярко выражен «шарнир» (рис. 8—1). Все находки этой группы керамики встречены в слоях I—III вв. н. э. На городище не найдено пока керамики IV в. н. э.

Уточнить датировки находок с городища очень трудно, так как оно очень разрушено и слои зачастую перемешаны. Но в некоторых случаях удается выяснить, что, например, ручка сероглиняного чернолощеного сосуда (рис. 8—1) найдена в нижнем горизонте слоя первых веков н. э. с обломками амфор I в. н. э. Весь остальной материал встречен в слоях I в. н. э.—I—II вв. н. э. Ручки сосудов с одним круглым налетом сверху обнаружены на участке (в верхних горизонтах слоя), где преобладали обломки амфор III в. н. э.

¹⁰ A. Ma u. Pompeji. Leipzig, 1900, стр. 371, рис. 207; K. H. Willers. Noul Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien. Hannover und Leipzig, 1907, стр. 71, рис. 41, 13; A. Radnoti. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Dissertationes Pannonicae, S. II, N 6, 1938, табл. L. 7; LI, 5.

¹¹ Инв. номера K-60, № 527; K-60, № 368.

¹² Инв. номера K-60, № 362; K-58, № 113; K-59, № 1943.

¹³ Инв. номера K-58, № 1592; K-58, № 121; K-57, № 258.

¹⁴ Инв. номера K-60, № 550; K-59, № 168; K-58, № 300; K-60, № 655.

¹⁵ Инв. номера K-60, № 483; K-60, № 597; K-58, № 720.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*А. А. ИЕРУСАЛИМСКАЯ, В. И. КОЗЕНКОВА,
Е. И. КРУПНОВ*

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ У с. СЕРЖЕНЬ-ЮРТ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ (по материалам Северо-Кавказской археологической экспедиции 1961 г.)

В течение более чем векового периода археологического изучения Кавказа открыты и исследованы сотни первоклассных разновременных погребальных памятников, характеризующих главным образом идеологические представления прошлого населения края. Бытовым же памятникам (стоянкам, поселениям, городищам), содержащим материал, наиболее важный для социально-экономической характеристики обществ прошлого, исследователями почти не уделялось внимания. Все это, в первую очередь, относится к Северному Кавказу. Только в последние годы здесь стали исследоваться поселения таких широко известных культур, как майкопская, кобанская и др. В этом плане особого внимания заслуживает опыт полевого изучения открытых еще в 1948 г.¹ древних поселений близ с. Сержень-Юрт Шалинского района Чечено-Ингушской АССР. Их научное значение далеко выходит за пределы Северного Кавказа. Летом 1961 г. отряд объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, Государственного Эрмитажа, Института истории языка и литературы ЧИ АССР, а также Республиканского музея краеведения в г. Грозном² продолжил исследование одного и начал раскопки еще двух поселений в 0,5 км к юго-западу от с. Сержень-Юрт³.

Поселения I и II расположены на отдельных небольших холмах высотой 10 и 8 м, с очень крутыми склонами (рис. 10). Оба поселения двухслойные. Нижний слой — энеолитического времени, верхний относится к раннему железному веку. На поселении III, открытом на краю террасы, пока отмечен только слой, датируемый ранним железным веком.

На поселении I работы были продолжены на юго-западной окраине, где вскрыта площадь более 300 кв. м. Культурный слой толщиной в среднем 0,8 м всюду одинаков: в верхней части (на глубину 0,4—0,5 м) он состоит из темного, комковатого суглинка, насыщенного обломками керамики, комочками обожженной глины и др., а ниже — из коричневатого суглинка,

¹ Р. М. Мунчаев. Новые памятники медно-бронзового века Чечено-Ингушетии. СА, 1962, № 4.

² Северо-Кавказская экспедиция в 1961 г. работала в составе пяти отрядов: на территории Чечено-Ингушской АССР — три; в Северо-Осетинской АССР — один и в Карачаево-Черкесской АО — один отряд. Начальник СКАЭ — Е. И. Крупнов. Производители работ на Сержень-Юртовских поселениях — В. И. Козенкова и А. А. Иерусалимская.

³ Местами отмечены слабые следы обитания на поселении и в сарматское время.

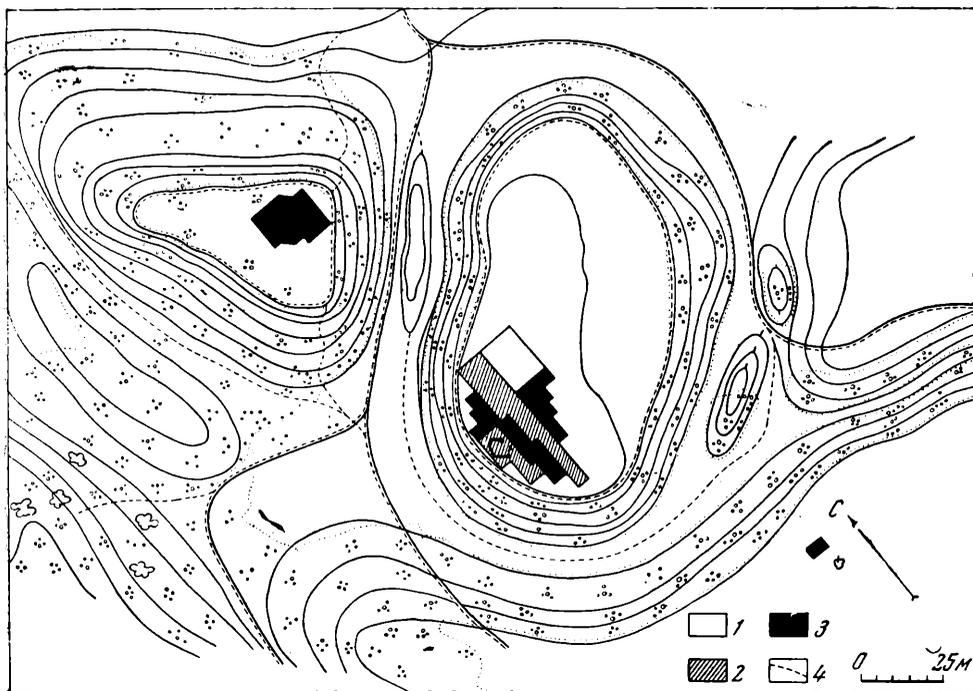

Рис. 10. План поселений Сержень-Юрт

1 — раскоп 1959 г.; 2 — раскоп 1960 г.; 3 — раскоп 1961 г.; 4 — граница плато

включавшего меньшее количество находок. Особенность культурного слоя — сильная перемешанность его и отсутствие стерильной прослойки между двумя хронологически различными горизонтами — объясняется многократной вспашкой поверхности поселения и многочисленными хозяйственными ямами второго периода⁴.

Нижний, более древний, горизонт сохранился лучше на отдельных участках.

Обломки т. н. энеолитической керамики более часто встречались в нижнем горизонте культурного слоя. Она изготовлена из тонко отмученной глины, черепок ярко-красного цвета, но слабого обжига. Сосуды лепные с шаровидным туловом; венчик прямой и отогнут наружу, дно плоское: на плечиках по 2 полушарных ручки. На некоторых фрагментах сохранился глубокий нарезной орнамент (рис. 11—5), что, наряду с некоторыми технологическими признаками сближает эту керамику с энеолитической посудой с Лугового поселения в Чечено-Ингушетии и с поселений Северо-Восточного Кавказа⁵.

К древнейшему слою относится значительная часть костяных и кремневых поделок, найденных на поселении I (проколки, кремневые вкладыши для серпов) и наконечники стрел, каменные зернотерки архаичного типа и др.⁶ (рис. 12—7, 14).

При исследовании основного более позднего слоя местами отмечены основания жилых сооружений, сложенные из булыжника на глиняном

⁴ О раскопках в Сержень-Юрте 1960 г. см. Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА, вып. 88, 1962.

⁵ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, стр. 86, 102, 117, табл. XVII.

⁶ Там же, стр. 49, рис. 9, 13—16

растворе⁷. На одном из участков на глубине 0,4 м от поверхности выявлены остатки пола помещения; поверхность его ровная, утрамбованная, пропитанная сажей и перегноем, сплошь выложена обломками битой посуды. По краям прослеживались развалы камней от основания стен, рядом с камнями лежали куски обгоревшей обмазки и обуглившиеся плахи дерева. Палеоботанический анализ, произведенный Г. Н. Лисицыной, показал, что плахи были дубовые. Неподалеку расчищены два своеобразных «жертвенника» из сложенных рядами челюстей свиньи. В одном из них был еще череп быка. Под скоплениями челюстей в обоих случаях лежали кремневые ножи (рис. 12—7, 8).

Почти рядом с остатками жилища найден клад великолепных бронзовых украшений кобанского типа: две гривны⁸, шесть браслетов (из которых четыре массивных, круглых в сечении с раскованными концами⁹ и два широких, из рубчатых пластин со спиральными концами)¹⁰, массивная спиралевидная подвеска¹¹, несколько нашивных бляшек и колец и три крупных биконических гешировых бусины. Все бронзовые предметы были покрыты голубоватой «благородной» патиной (рис. 13—1—5).

Раскопками 1961 г. подтверждено, что на юго-западной окраине поселения I был ров. Глубина его всего 0,7 м. На западном краю поселения обнаружено погребение ребенка. Скелет лежал на боку, скорченно, головой на восток; рядом найдено каменное ядро для пращи и кучка перегоревших желудей.

Всю площадь поселения I покрывали многочисленные ямы. Стратиграфически они подразделяются на три группы: ямы, перекрытые основным слоем, видимо, относящиеся к нижнему горизонту; одновременные или почти одновременные основному слою (по количеству они преобладают) и ямы, начинающиеся с верхнего горизонта поселения и прорезающие основной слой. Все ямы круглые в плане, но конусообразные и цилиндрические в разрезе; дно ровное; есть ямы с уступом и двойные. Последние рылись одновременно, что доказывается характером заполнения и находками. В такой двойной яме найдена разбитая статуэтка животного, обе половинки которой лежали в разных отсеках, на одном уровне. Стенки и днища ям тщательно обмазаны глиной, края иногда обложены камнем; диаметр — от 0,9 до 2,6 м; глубина — от 0,3 до 2 м. По типу ямы сходны с ямами на Змейском поселении кобанской культуры¹². В некоторых ямах, игравших, видимо, роль «хранилищ-холодильников»; обнаружены кости ног, ребра и черепа крупных животных. Большая часть предметов из ям идентична находкам из основного слоя, что указывает на одновременность большинства ям и основного слоя.

Насыщенность находками основного культурного слоя Сержень-Юртовского поселения I чрезвычайно велика, что свидетельствует об интенсивной жизни здесь в течение довольно длительного времени.

Кроме клада, обнаружено еще 17 бронзовых предметов: обломки браслетов, иглы, шилья, треугольные оковки (видимо, от ножен кинжала), украшения в виде спиральки, кольцевидная бляха с крестовидной перекладиной

⁷ Это указывает на глубокую древность приемов местного домостроительства, сохранившихся до наших дней. И сейчас еще можно видеть в с. Сержень-Юрт строящиеся дома, основания стен которых состоят из булыжника, а турлучные стены обмазаны землей, взятой из ближайшего окружения.

⁸ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М., 1900, табл. XXXIX, 9, 10.

⁹ Там же, табл. XXXIII, 4, 5, 6.

¹⁰ Там же, табл. XXX, 4, 5.

¹¹ П. С. Уварова. Указ. соч., табл. XXXIV, 5.

¹² Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. Сб. «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961, стр. 14; Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, вып. 78, 1961, стр. 112.

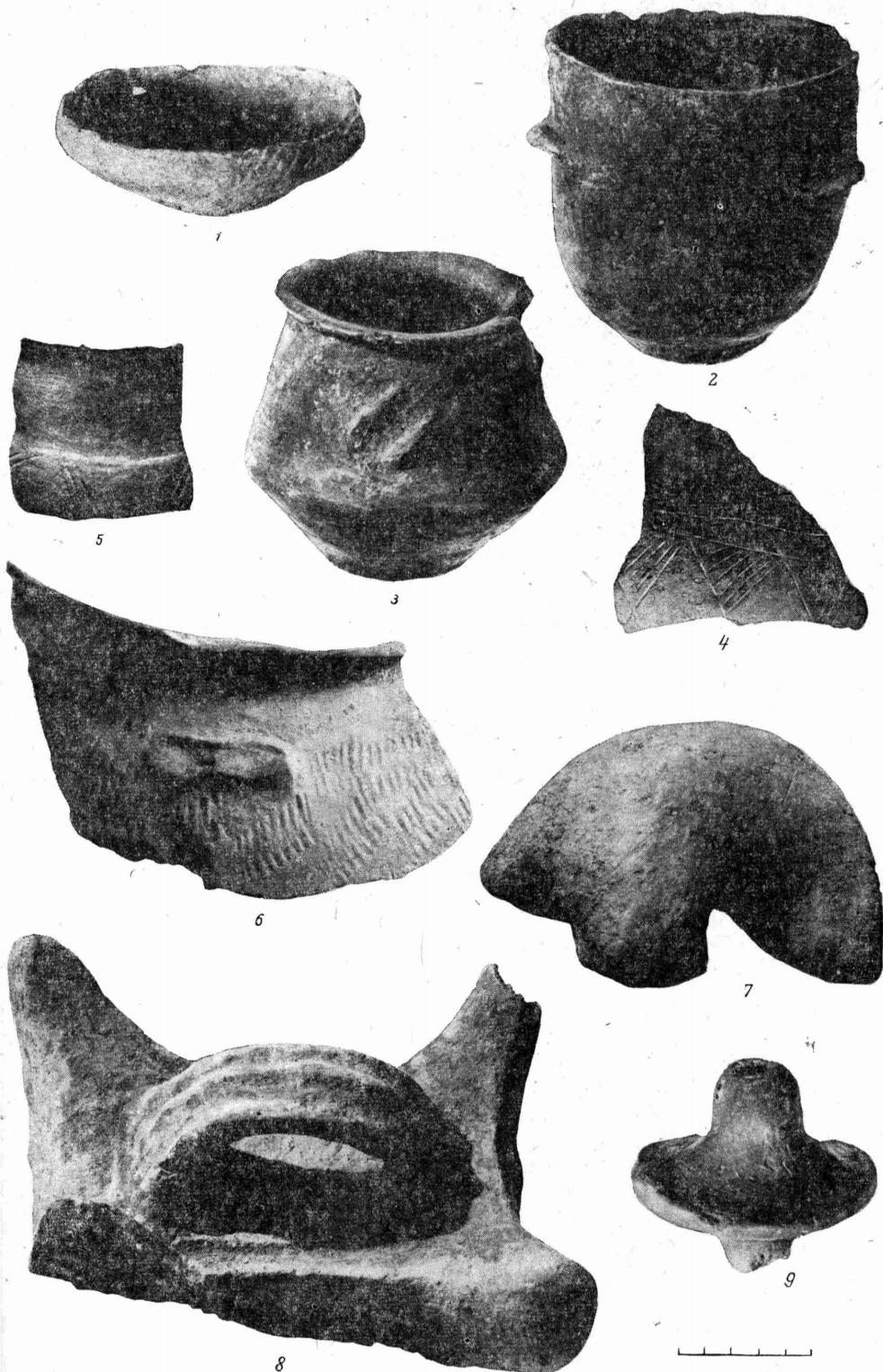

Рис. 11. Глиняные изделия из Сержень-Юртовских поселений

1—4 — сосуды раннежелезного века; 5—6 — обломки энеолитической керамики; 7—8 — энеолитические глиняные «очажные» подставки; 9 — глиняная модель колеса: 1—6, 9 — с поселения I; 7, 8 — с поселения II

в центре¹³, обломок височной подвески каякентско-хорочоевского типа¹⁴ и наконечник стрелы с раздвоенным концом черешка. Особого внимания заслуживает великолепная бронзовая кобанского типа булавка с навершием в виде двух конских головок (рис. 13—6).

Многочисленны предметы из камня — наконечники стрел подтреугольной формы, с выемкой в основании, точильные камни с отверстиями, обломки зернотерок, большие каменные песты и круглые каменные ядрища для пращи.

Чрезвычайно разнообразны изделия из кости. В ямах найдены три костяных наконечника стрел: четырехгранный, пулевидный и с длинным черешком и острым жальцем на черешке. Множество костяных проколов, мотыгообразных орудий и заготовок для орудий труда из рога и кости найдено преимущественно в ямах.

Среди глиняных поделок выделяются бусы, прясла, миниатюрные колеса. Интересен глиняный штамп или «пинтадера» (это четвертая находка за все годы раскопок поселения) (рис. 13—8). Наиболее многочисленны статуэтки животных (101 экз.). Четко выделяются фигурки быка, барана, свиньи, кабана и лошади. Подчеркивание признаков пола указывает на ритуальное назначение статуэток, может быть, связанное не только со скотоводческим культом, но и с иными аспектами древних верований местных племен (рис. 13—9, 11, 13, 14).

Наиболее массовый материал из основного слоя — это лепная керамика. Она представлена разнообразными формами биконических и баночных горшков, мисками, кружками, плошками и миниатюрными сосудиками. По фактуре черепка, цвету, обжигу и орнаментации ее можно разделить на три группы. К первой группе относятся сосуды с залощенной поверхностью и обычно с наlepным орнаментом в виде валиков, зашипов, удлиненных и круглых выступов и крестовидных налeпов, характерных для керамики Северного Кавказа доскифского времени¹⁵ (рис. 11—1, 3). Реже встречался «тычковый» орнамент.

Вторая группа керамики крайне немногочисленна. Она того же типа, что и первой группы, но с геометрическим орнаментом, состоящим из поясов прочерченных, заштрихованных треугольников, опущенных вершинами вниз (рис. 11—4). Подобный прием орнаментации весьма типичен для керамики кобанской культуры из более западных районов Северного Кавказа¹⁶.

Третью группу керамики отличает фактура черепка и особенно отделка внешней неровной поверхности, заглаженной жидкой глиной. Аналогии такой керамике есть среди посуды каякентско-хорочоевской культуры¹⁷.

Поселение II. Не менее интересно и поселение II. Оно находится в 50 м к северо-западу от первого. На почти треугольной плоской вершине холма в 1961 г. вскрыта площадь в 150 кв. м. Однако полученные даже на таком небольшом участке данные свидетельствуют о значимости этого памятника для археологии Кавказа.

Здесь также отмечены некоторая перемешанность культурных отложений и отсутствие (кроме отдельных случаев) четкой стерильной прослойки между двумя слоями. Нижний слой начинается на глубине приблизительно 0,5 м от поверхности и достигает мощности в 0,6—0,7 м. В нем отмечены два горизонта плотной обожженной обмазки рыжего цвета, залегающие на глубине 0,65 м и 0,8 м, которые разделены коричневатой прослойкой

¹³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. IV, 5.

¹⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 68, рис. 47, № 1—6.

¹⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа..., стр. 147.

¹⁶ Там же, стр. 157, табл. XXVII.

¹⁷ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 60, рис. 21, 3.

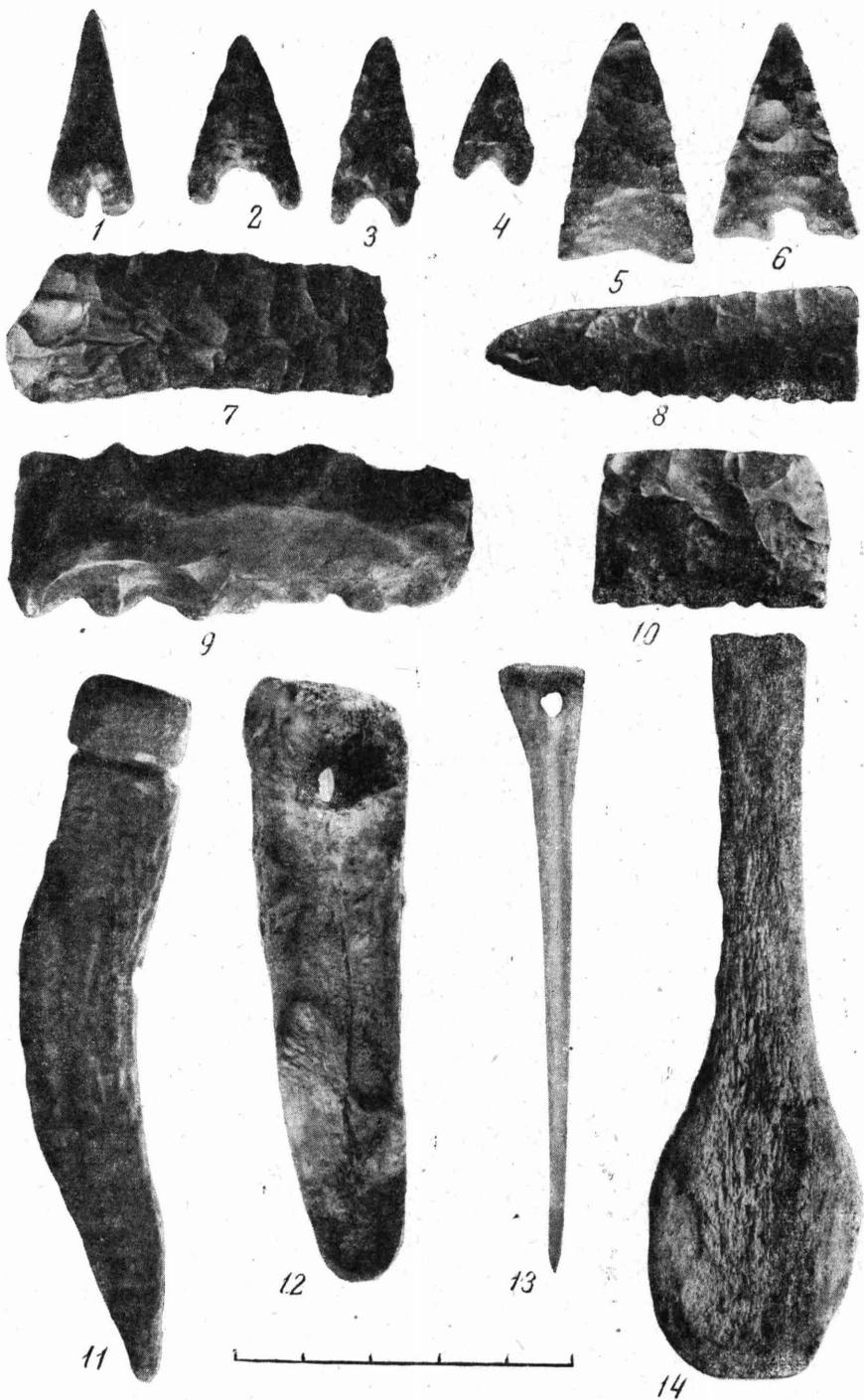

Рис. 12. Различные находки из нижних слоев Сержень-Юртовских поселений
 1—6 — кремневые наконечники стрел (поселение II); 7, 8 — обломки ножей; 10 — кремневые
 вкладыши; 11—14 — роговые и костяные предметы (поселение I)

(0,1—0,2 м толщиной). Эти горизонты связаны с различными строительными периодами и свидетельствуют о длительности жизни поселения в древнейшую эпоху. Переходя к характеристике находок нижнего слоя, необходимо отметить два момента, выявленные при исследовании: 1) обилие необработанного кремня, заготовок для орудий и обломков бракованной керамики; 2) крайне незначительное количество животных (по сравнению с поселением I).

Эти обстоятельства наводили на мысль о производственном характере изучаемого памятника. Догадка еще больше укрепилась после того, как на глубине 0,75—1,0 м были расчищены объекты, которые с полным основанием можно назвать «кремневой и керамической мастерскими». Это — глинобитная обожженная площадка, заваленная сверху кусками обмазки с рельефными отпечатками жердей, прутьев и нешироких плах. Площадка сохранилась на участке примерно 30 кв. м. Другой объект, несомненно составляющий единое целое с первым, выявился на той же глубине и занимал площадь около 20 кв. м. С востока и запада оба участка и пространство между ними разрушены сооружениями и ямами верхнего слоя. Часть пола первой площадки была сплошь усеяна крупными желваками, кусками, отщепами и осколками кремня. Особенно они сконцентрировались у восточного края вокруг врытого в пол большого шаровидного остродонного сосуда, украшенного по тулову налепным валиком с нарезкой и прочерченными фестонами. Сосуд был наполнен кусками кремня, отщепами, заготовками и необработанными орудиями (до 100 экз.). На дне лежали каменный пест и наковаленка. Неподалеку находилась перевернутая зернотерка со следами использования ее в качестве наковальни. Вблизи найден великолепный наконечник кремневой стрелы (рис. 12—1). Западнее сосуда расчищен «трехлепестковый» вмазанный глиняный очаг шенгавитского типа¹⁸, а севернее обнаружены остатки открытых очагов и две одинаковые глиняные очажные подставки с «рогатыми выступами» по углам и ручкой (рис. 11—7, 8), схожие с подставками из Лугового поселения и из Закавказья так называемого куро-аракского энеолита¹⁹. Здесь же найдено несколько бракованных сосудов. В завале обожженной обмазки на втором участке стояли почти целые сосуды и лежала еще одна очажная подставка. Здесь же обнаружено много керамического шлака и обломков бракованных сосудов. «Рогатые» подставки, возможно, применялись в качестве подставок для сосудов при открытом обжиге. В этом случае вполне естественна находка их в пределах керамической мастерской.

Среди керамики нижнего слоя выделялись горшки с отогнутым венчиком, кувшинчики, большие толстостенные жаровни. Сосуды часто снабжены характерными для энеолитической эпохи полушарными ручками, иногда орнаментированы налепными шишечками или прочерченными заштрихованными углами, т. е. элементами, типичными для древнейшей керамики Северного Кавказа²⁰. Обжиг слабый, неровный, дающий серо-розовую или ярко-красную пачкающуюся поверхность. Из глиняных изделий выделяются две бусины, обломки прясел и миниатюрные колесики.

Каменные поделки представлены кремневыми вкладышами для серпов, обломками кремневых ножей, скребками, пластинами с ретушью и наконечниками стрел (рис. 12—1—6); из костяных поделок в небольшом числе встречены проколы.

Верхний культурный слой менее разрушен, чем на поселении I. К тому же последний период жизни, по-видимому, был довольно кратким, быть

¹⁸ Е. А. Байбуртян. Культурный очаг из раскопок Шенгавитского поселения в 1936—1937 гг. ВДИ, 1938, № 4, стр. 256, рис. 1—3.

¹⁹ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 99, рис. 40—3, 5, 6; Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подшвы Арарата. Вестник Гос. музея Грузии, XIII-V. Тбилиси, 1944, рис. 59.

²⁰ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 130, рис. 28—41.

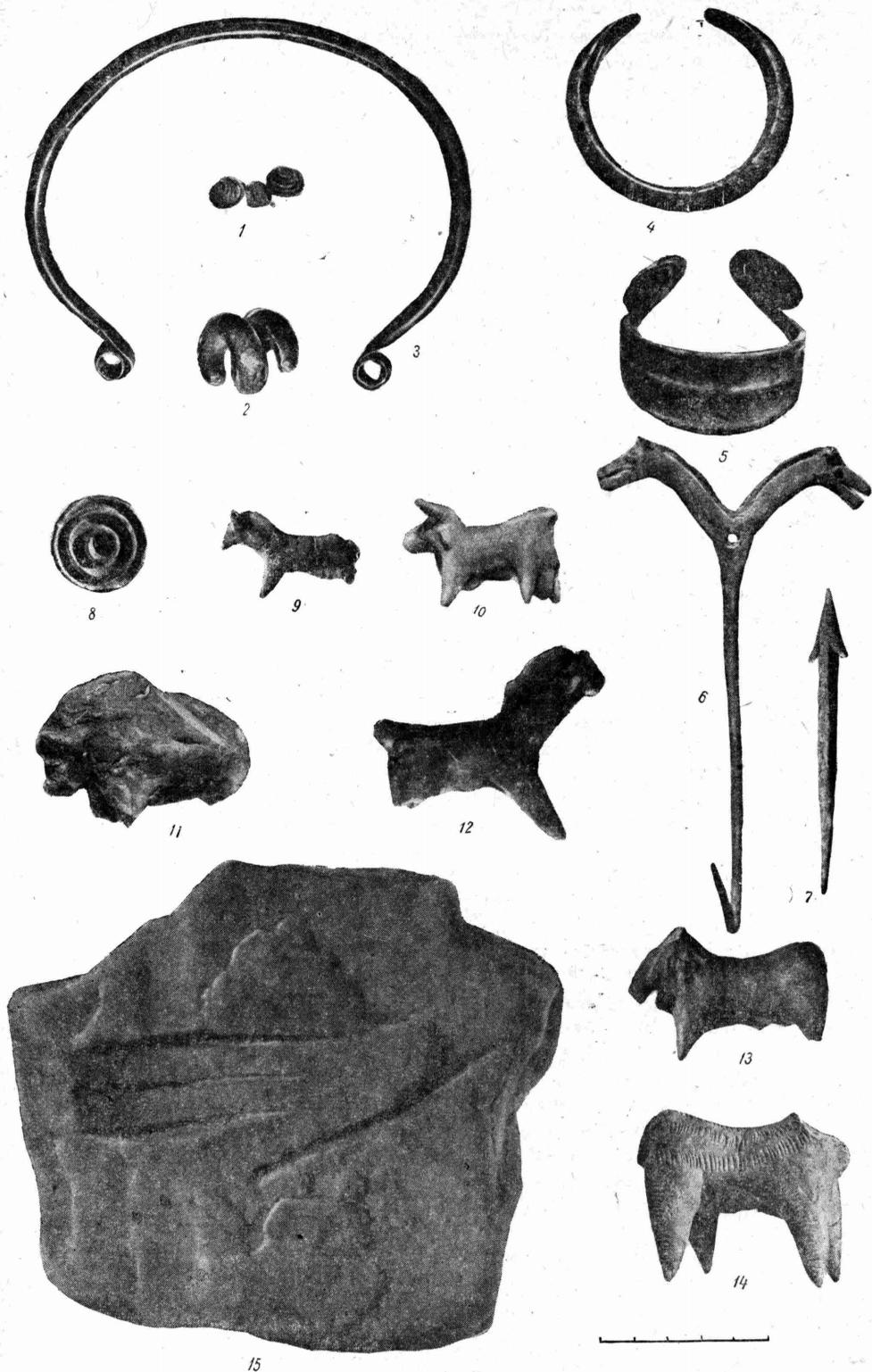

Рис. 13. Предметы кобанской культуры из верхних слоев Сержень-Юртовских поселений
 1—5 — часть клада бронзовых украшений; 6 — бронзовая булавка; 7 — костяной наконечник стрелы;
 8 — глиняная пштакера; 9—14 — глиняные статуэтки животных с поселений I и II; 15 — половина
 литейной формы кобанского топора: 1—11, 13, 14 — с поселения I; 12 — с поселения II;
 15 — с поселения III

может, даже связанным с каким-то единовременным актом обороны, и не оставил мощных отложений.

Из остатков строительных сооружений этого периода наиболее интересна (но не вполне пока ясна) грандиозная по размерам булыжная вымостка шириной в среднем 3,5 м и длиной в открытой части около 19 м, пересекающая раскоп в направлении с юго-востока на северо-запад. Камни (разных размеров) уложены в один ряд.

В юго-восточной части к ней примыкает сильно разрушенная кладка основания узкой стены, прослеженной на протяжении 7 м. С остатками жилых сооружений связываются также отдельные завалы глиняной обмазки, а также хозяйственные ямы, которые выявились несколько ниже. Наконец, с этим строительным горизонтом связаны расчищенные на 5,5 м севернее вымостки два сооружения (из плотно уложенного в несколько рядов камня) размером приблизительно 1×1 м, в плане четырехугольные с закругленными углами, по-видимому, базы опорных столбов. Они располагались в 14 м одна от другой, по линии, примерно параллельной вымостке и выходящей к северному концу разрушенной стены, которая упоминалась выше. Интересно, что за пределы этой линии остатки сооружений верхнего горизонта не выходят.

Находки из верхнего слоя, типичные для аналогичного слоя поселения I, четко связываются с сооружениями или ямами. Характерно, что из 19 обнаруженных здесь обломков глиняных фигурок животных 12 найдено при расчистке вымостки и возле нее. Представлены те же типы статуэток, что на поселении I. Можно отметить лишь обилие редких там фигурок лошади (рис. 13—12).

Керамика также включает типы, хорошо выявленные на поселении I: сосуды банковидные, биконические, с налепными штампованными украшениями, очень редко — с прочерченными или желобчатым орнаментом, кувшины и, в меньшем количестве, миски. Поверхность иногда залощена, цвет черепка серый, красноватый или желтоватый, в изломе — черный. В довольно большом количестве (25 фрагментов) встречена сероглиняная керамика со следами заглаживания сырой поверхности пальцами — прием, характерный для выработки посуды каякентско-хорочоевской культуры. Найдено несколько миниатюрных сосудов типа тиглей или плошечек, а также два обломка пряслиц. Интересен глиняный предмет цилиндрической формы с двумя боковыми перпендикулярными отверстиями, в одном из оснований которого аккуратно вдавлен крест. Вероятно, это — штамп.

Нельзя сказать определенно, с верхним или нижним горизонтом следует связывать обнаруженные на глубине от 0,2 м до 0,45 м следы гончарного производства. Отдельные кусочки керамического шлака, фрагменты недообожженной или ошлакованной керамики (найдена даже половина бракованного кувшина) разбросаны по всей территории раскопа.

Насыщенность верхнего слоя керамикой и иными находками сравнительно невелика. Из прочих находок следует упомянуть: обломок железного ножа (или серпа), бронзовые нож и иглу, пастовую бусину, каменные оселки, ложило, ядрища для пращи, кремневые орудия (ножи, крупные наконечники стрел или дротиков), несколько орудий из рога (в том числе интересное «долотовидное» орудие) и костяных (иглы, проколки, два черешковых «веретенообразных» наконечника стрел).

Необходимо также отметить материал (в основном керамику), который не может быть отнесен ни к верхнему, ни, тем более, к нижнему слою. Это грубая красноватая или желтоватая керамика неровного обжига, заглаженная по поверхности гребенкой и орнаментированная полым круглым или гребенчатым штампом, точками и прочерченными треугольниками. Сюда могут быть отнесены также типичные для эпохи бронзы «выемчатые» кремневые наконечники стрел. Возможно, дальнейшие раскопки позволят свя-

зять их с самым верхним строительным горизонтом нижнего слоя или с промежуточным, пока ни стратиграфически, ни археологически не выявленными.

Поселение III. К юго-востоку от поселения I проведены небольшие разведочные раскопки. Подъемный материал, собранный на обширном пахотном поле, на краю древней пойменной террасы показал, что в древности были заселены не только малодоступные холмы, но и ближайšie окрестности естественно укрепленных поселений. Заложенный шурф (3 × 6 м) удачно попал на место гончарной мастерской с остатками открытых очагов и большим количеством обломков и раздавленных сосудов, в том числе необожженных. Их формы аналогичны керамике из верхнего основного слоя поселений I и II. Это — сероглиняные миски, баночные сосуды с горизонтальными и наклонными продолговатыми налетами и биконические горшки. Расчищенная в раскопе яма содержала типичный для верхних слоев материал (глиняные фигурки животных, пряслица, бронзовую иглу). Уникальной находкой можно считать половину песчаниковой литейной формы для отливки обушной части топора наиболее распространенного кобанского типа (типа «б» и «в» по Уваровской классификации)²¹. Это — первая находка в Чечне, доказывающая местное металлопроизводство и, в восточных районах Северного Кавказа изделий кобанского облика (рис. 13—15).

Предварительные результаты определения костных остатков животных, проведенные в Палеозоологической лаборатории Института археологии АН СССР проф. В. И. Цалкиным, свидетельствуют о том, что преобладающее место в скотоводческом хозяйстве населения поселений Сержень-Юрт I и II занимала свинья, затем крупный рогатый скот и лошадь. Из пород диких животных определены — благородный олень, косуля, кабан, медведь.

Результаты первого полевого изучения интереснейших двухслойных Сержень-Юртовских поселений убеждают в огромной научной значимости не только для истории племен раннежелезного века Северного Кавказа, но и для древнейшей истории всего Кавказского перешейка. Для истории же Чечено-Ингушской АССР и Северо-Восточного Кавказа их трудно переоценить.

Уже из беглого сопоставления добытых материалов из нижних слоев Сержень-Юртовских поселений I и II с находками из энеолитических памятников Закавказья явствует глубокая культурная общность между памятниками Чечено-Ингушетии, Дагестана и Закавказья («куро-араксского» энеолита). Особенно многочисленные параллели обнаруживаются при сопоставлении с такими древнейшими памятниками Грузии, как энеолитический поселок на холме Кулбакеби близ г. Цхинвали²². Там также зафиксированы не землянки, а следы наземных жилищ с круглыми глиняными очагами с внутренними выступами. В культурном слое встречены красноватая керамика с полусферными ручками, глиняные очажные подставки, кремневые наконечники стрел с выемчатым основанием, кремневые ножи, вкладыши для составных серпов и прочий инвентарь, близкий материалу из энеолитических слоев исследованных нами поселений.

До последнего времени памятники Северного Кавказа, близкие Сержень-Юртовским поселениям (Луговое, Каякентское и др.), датировались серединой и второй половиной III тысячелетия до н. э.²³ Поселение Кулбакеби О. М. Джапаридзе относит ко второй ступени развития закавказского «энеолита» (XXVIII—XXVI вв. до н. э.)²⁴. Дата другого энеоли-

²¹ МАК, вып. VIII, стр. 15, табл. III, № 3, 4.

²² О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 257—259.

²³ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 160—161.

²⁴ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1962, стр. 22.

тического поселения Грузии — Квацхелеби, по данным радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР — 2800 ± 90 лет до н. э.²⁵

До определения возраста угля и дерева из энеолитических слоев Сержень-Юртовских поселений мы склонны относить их к концу III тысячелетия до н. э. Верхний же слой можно отнести к началу железного века²⁶ Северного Кавказа и датировать IX—VIII вв. до н. э.²⁷ (а поселение I — вплоть до VII в. до н. э.). Уже сейчас новые материалы, полученные из Сержень-Юртовских поселений, позволяют теснее связать памятники Северного Кавказа с Закавказскими и ставить вопрос о необходимости уточнения всей периодизации общекавказского «энеолита» и его соотношения с энеолитом Анатолии и всей Малой Азии²⁸. Правда, уже Д. Л. Коридзе²⁹ и Р. М. Мунчаев допускали, что истоки куро-аракского энеолита могут уходить в IV тысячелетие до н. э. и предшествовать энеолитическим памятникам Малой Азии, Сирии и Палестины³⁰. В решении этой исключительно важной для Кавказа и Древнего Востока проблемы определенную роль могут сыграть последующие итоги раскопок Сержень-Юртовских поселений, которые относятся к локальному и не самому раннему варианту древнейшей общекавказской культуры.

Не менее интересны для древней истории Кавказа и данные, полученные при изучении верхних слоев, относящихся к самому началу раннежелезного века. Перечень находок из этих слоев и приведенные аналогии с несомненностью доказывают их принадлежность к замечательной кобанской культуре Северного Кавказа, которая до самого последнего времени была известна лишь по материалам погребальных памятников более западных районов — Северной Осетии и Кабардино-Балкарии³¹.

Собранный материал кобанского облика раз и навсегда отвергает так называемую осетино-кабардинскую черту оседлости этой культуры и документирует ее развитие и на территории Чечено-Ингушетии, где раньше она не прослеживалась. Особенно показательны в этом отношении находки бронзовых гривен, рубчатых браслетов и других предметов раннего этапа кобанской культуры³², с одной стороны, и височной привески и керамики каякентско-хорочоевской культуры — с другой.

Собранный на поселениях остеологический материал дает ясное представление о поголовье скота, о роли животноводства, земледелия и охоты у обитателей исследованных нами древних поселков, из которых поселение I, безусловно, было «городищем-убежищем». Исключительно важное значение для вопроса о местном меднолитейном производстве имеют находки глиняных тиглей и особенно обломка формы для отливки кобанского топора. Некоторые соответствия в материалах из Алхастинского³³ и Змейско-

²⁵ В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду. Сб. СА, 1961, № 2, стр. 11.

²⁶ В 1960 г. в верхнем слое поселения I были найдены 2 железных серпа архаического типа; в 1961 г. — обломок еще одного серпа.

²⁷ Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961, стр. 47; Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 17; Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. «Вестник Гос. Музея Грузии», т. XXII — В. Тбилиси, 1961, стр. 378.

²⁸ Образцы органических остатков из раскопок этих поселений 1960—1961 гг. переданы в радиоуглеродную лабораторию Института археологии АН СССР.

²⁹ Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси, ч. 2. Тбилиси, 1958, стр. 92.

³⁰ Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 15—16; его же. Древнейшая культура..., стр. 157.

³¹ E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I—II, Paris—Lyon, 1888; К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кавказа. МИА, № 23, 1951, стр. 125.

³² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа..., стр. 103, 136; таблица.

³³ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. Труды ГИМ, т. XVII, М., 1948, стр. 17, рис. 10—17.

го³⁴ поселений и в Сержень-Юртовских находках лишний раз подчеркивают значимость исследования именно бытовых памятников для подлинно исторического освещения истории края. Вместе с тем некоторые находки (глиняные штампы, или «пинтадеры»), а также разница в керамике отражают определенные локальные особенности материальной культуры кобанских поселений, расположенных на стыке ареалов распространения кобанской и каякентско-хорочоевской культур.

В свете всех раскопочных данных Сержень-Юртовские поселения могут считаться одними из новых ведущих памятников раннежелезного века в истории Чечено-Ингушской АССР и всего Кавказа.

---

³⁴ Сборник «Археологические раскопки в районе станицы Змейской». Орджоникидзе, 1961, стр. 27, рис. 8.

А. Ф. ДУБЫНИН

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ МОЖАЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В связи со строительством Можайского гидроузла на р. Москве Институтом археологии АН СССР была выделена специальная Можайская экспедиция, полевые работы которой осуществлялись с 1956 по 1960 г.¹ В задачу экспедиции входило: во-первых, проведение археологического обследования района строительства Можайского водохранилища и, во-вторых, изучение наиболее интересных в научном отношении памятников, подлежащих разрушению.

Разведывательным отрядом экспедиции² с целью проверки состояния уже известных и выявления неучтенных памятников были подвергнуты сплошному обследованию берега р. Москвы от Можайска вверх по течению до с. Бурмакино (б. Уваровского района). Были обследованы и берега рек Колочи, Лусянки, Воинки, впадающих в р. Москву. Колочь обследована от устья до с. Бородино, Воинка, приток Колочи, от устья до с. Беззубово и Лусянка от устья до с. Поминово. Были осмотрены археологические памятники под Можайском. В результате обследованы: 4 городища, из них 3 дьякова типа, 12 селищ XI—XVII вв., из которых на 4 отмечены слои дьяковского времени, и 3 курганные группы XII—XIII вв. Городища находились при селениях: Тетерино, Троица, Бородино и Тушково. Городище у с. Тетерино расположено на левом берегу р. Москвы, занимая высокий вытянутый береговой мыс треугольной формы. Площадка его размером около 70 × 15 м, ровная, задернованная. С напольной стороны она защищена двумя оплывшими валами и тремя рвами. Высота валов около 0,7—0,8 м. Площадка городища, видимо, сильно разрушена, в особенности с восточной стороны в результате разливов р. Москвы. Городище относится к дьяковскому времени. На нем найдена характерная лепная керамика. При обследовании в 1927 г. А. В. Арциховским здесь также собрано небольшое количество лепной керамики. Коллекция фрагментов посуды с этого городища хранится и в Можайском музее. Второе городище — у с. Троица, находилось на правом берегу р. Москвы в 17 км выше г. Можайска. Площадка трапециевидной формы, вытянута с востока на запад. Длина ее около 80 м и ширина 48 м. С северной стороны — крутой скат, подмываемый р. Москвой, с восточной и западной площадка была защищена глубокими оврагами, где протекали ручьи. Восточный ручей назывался Городенским, западный — Ивановским. С напольной южной стороны городище защищали два вала высотой около 1,5 м и два рва глубиной первый в 1 м, второй,

¹ Работы велись на средства строительства и Института. Большую помощь в успешном проведении работ оказали руководители строительства Можайского гидроузла К. К. Радецкий и А. А. Сальников, за что экспедиция искренне им благодарна.

² Начальник экспедиции А. Ф. Дубынин, начальник отряда Р. Д. Розенфельдт, в работе отряда принимал участие К. А. Смирнов.

внутренний,— 2 м. Въезд был с юго-западной стороны. Поверхность городища частично поросла деревьями и кустарником. В центре в направлении с востока на запад проходила канава, вырытая до материка. Нарушения отмечены и в валах городища. В том и другом случае они относились ко времени Великой Отечественной войны. По лепной керамике и некоторым отдельным находкам, собранным при осмотре, городище было отнесено к числу памятников дьяковского времени и в дальнейшем оно было основным объектом работ Можайской экспедиции. Третьим городищем, находившимся на р. Москве, примерно в 10 км выше Троицы, был Тушков городок. Оно уже раскапывалось А. В. Арциховским в 1929 г. и М. Г. Рабиновичем в 1950 и 1954 гг. В результате проведенных работ были открыты остатки поселения XI—XV вв.³ При обследовании в 1956 г. отмечены следы дальнейшего разрушения — размыва рекой. В районе проводимых работ находилось и Бородинское городище, частично раскопанное А. В. Арциховским в 1926 г.⁴; состояние памятника вполне удовлетворительное. Селища со слоями, относящимися к дьяковскому времени, оказались при селениях: Мышкино, Горетово, Марфин Брод и у Филимонова оврага под Можайском. Селище у с. Горетово находилось на левом берегу р. Москвы. Егр площадка была примерно 50 × 50 м и занимала мыс берега между поймой реки и оврагом. Культурный слой интенсивно черного цвета содержал лепную керамику позднедьяковского типа и круговую XI—XIII вв. Селище у с. Мышкино находилось на противоположном правом берегу р. Москвы. Оно выделялось темной окраской поверхности площадки, которая тянулась вдоль берега р. Москвы (размеры ее — 100 × 50 м). Здесь собрана керамика дьяковского времени и круговая XII—XIII вв. Селище у с. Марфин Брод расположено на склоне берега р. Москвы; длина его около 100 м, ширина 30—40 м. При осмотре собрано значительное количество лепной и круговой керамики. Лепная керамика — дьяковского типа, причем встречены и фрагменты сосудов с отпечатками сетки. Керамика, изготовленная на кругу, может быть датирована XI—XIII вв. Селище под Можайском у Филимонова оврага расположено на мысу, с одной стороны которого находится пойма ручья, впадающего в р. Москву, с другой стороны Филимонов овраг. Длина площадки с востока на запад около 70 м, с севера на юг около 50 м. Мощность культурного слоя 0,2—0,4 м. На селище собраны в незначительном количестве фрагменты лепной керамики дьяковского времени, круговой XII—XIII вв. и более поздней краснолощеной, красноглиняной, красноглиняной ангобированной и чернолощеной. Остальные селища (с керамикой, изготовленной только на гончарном кругу и относящейся к XII—XVII вв.) обнаружены при селениях: Тихоново, Горшково, Полибино, Аксёново, Новое село (два селища) и Овсянниково. Рядом с селищем у с. Аксёново находился могильник, состоящий из четырех курганов, из которых три были уже раскопаны колодцами. Высота нераскопанного кургана около 0,7 м. На расстоянии примерно 250 м от селища у с. Марфин Брод сохранился еще один курган, который был обнаружен А. В. Арциховским в 1927 г. Курган полушарной формы, высотой 1,4 м, диаметром с севера на юг 8 м, с востока на запад 9 м. На кургане видны неглубокие ямы, с северной стороны он опахивается.

Позднее, уже во время работ экспедиции, К. А. Смирновым обнаружено еще одно городище в 3 км ниже Троицкого, на берегу р. Москвы у с. Рахманово. С напольной стороны площадка ограждена оплывшим валом и рвом. На городище были заложены четыре пробных шурфа и найдены обломки лепной посуды с сетчатой гладкой с залощеной

³ М. Г. Рабинович. Золотое украшение из Тушкова городка. КСИИМК, вып. 68, 1957; его же. Крепость и город Тушков. СА, XXIX—XXX, 1959.

⁴ А. В. Арциховский. Бородинское городище. Труды РАНИОН, вып. II, 1928.

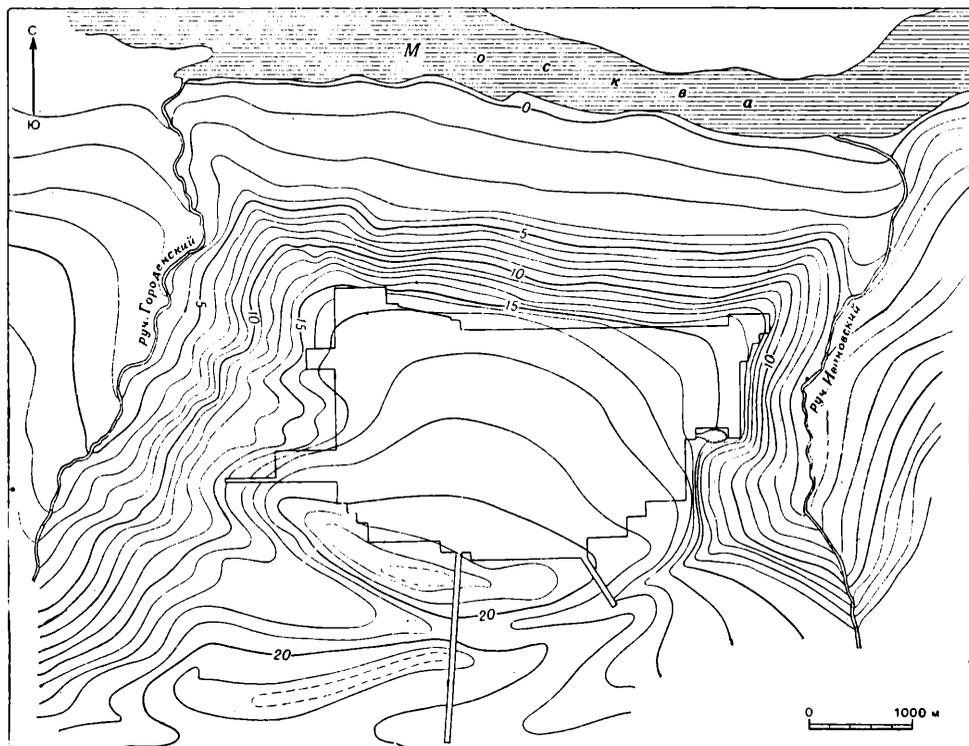

Рис. 14. План Троицкого городища

поверхностью, фрагменты грузиков дьякова типа и миниатюрных сосудов, медный перстень. Остатков каких-либо сооружений не прослежено. Городище могло существовать весьма непродолжительное время, после чего культурный слой был частично смыт⁵.

Во время работы экспедиции в 1960 г. колхозником Гончаровым из дер. Ковалевой, расположенной в 2 км от Троицкого городища, был передан каменный топор, найденный в 1957 г. в устье р. Колочи при сооружении дамбы. Эта находка, по-видимому, датируется II тысячелетием до н. э. и относится к памятникам фатьяновской культуры. Подобные топоры находили и раньше на территории Можайского района.

На основании полученных при археологическом обследовании данных, как наиболее ценные для изучения истории Московского края и находящиеся под угрозой разрушения, были выбраны для более детального изучения два памятника: уже ранее подвергавшийся раскопкам Тушков городок и Троицкое городище. Исследования Тушкова городка были продолжены отрядом под руководством М. Г. Рабиновича и при участии сотрудников Музея истории и реконструкции г. Москвы⁶. Этим отрядом в 1957 г. было завершено изучение остатков поселения XI—XV вв. Тушкова городка, и вновь полученные данные в значительной степени дополнили ранее собранные материалы⁷.

⁵ К. А. Смирнов. Рахмановское городище. Отчет Можайской экспедиции за 1958 г. Архив Ин-та археологии АН СССР, Р-1, № 1745.

⁶ В работах отряда принимали участие: Г. П. Латышева и О. Ф. Козлов, В. И. и М. М. Мыльниковы.

⁷ Отчеты о раскопках хранятся в архиве Ин-та археологии АН СССР (Москва), ф. 1, № 434, 985, 1443.

Основным объектом исследований Можайской экспедиции являлось Троицкое городище (рис. 14).

Первые сведения о Троицком городище были сообщены экспедиции учителем г. Можайска В. И. Гороховым, которым оно открыто еще в 1926 г. Раскопки Троицкого городища велись с 1956 по 1960 г.⁸ За пять лет его основная площадка раскопана полностью — вскрыто 3200 кв. м, что составляет 94% всей площади, кроме того произведены разрезы двух валов и рвов.

Культурный слой был довольно однородным; каких-либо значительных нарушений и стерильных прослоек не наблюдалось. В основной толще культурных напластований, достигающей в центре городища мощности до 1 м, выделялось два слоя, которые условно подразделяются на два горизонта. Первый — нижний слой 0,3—0,4 м толщиной состоит из серовато-коричневатой супеси; в основании местами прослеживается погребенная почва коричневого цвета. На ее уровне в некоторых местах наблюдалась тонкая угольная прослойка. Нижний слой подстилается материковым суглинком, а местами супесью красновато-желтого цвета. Второй — верхний слой толщиной до 0,6 м залегал непосредственно под слоем дерна и представлял собой сильно гумированную мягкую рассыпчатую супесь темно-серой окраски. Местами между нижним и верхним слоями наблюдалась угольная прослойка. Как в первом, так и во втором слое встречались включения песка, режы глины, отдельные камни и угли. Благодаря хорошей сохранности культурного слоя удалось обнаружить остатки жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений, а также огромное количество находок.

К остаткам построек относятся ямы от столбов, развалы камней открытых очагов, песчанистые и глинистые прослойки, которые наблюдались при горизонтальной зачистке и в разрезах культурных напластований.

Особое внимание привлекают следы кольцевого сооружения столбовой конструкции. Ямы столбов шли на некотором расстоянии от обнаруженного по краю площадки городища рва и располагались правильными линиями. Пространство между рвом и постройкой, очевидно, занимала насыпь вала, примыкавшая к наружной стене постройки. Эта оборонительная система, состоявшая из рва, вала и постройки в виде длинного дома, по-видимому, окружала все городище и, несомненно, была его первоначальным укреплением. В юго-западной части находился вход на территорию городища. Остальная часть постройки использовалась для жилья и хозяйственных нужд и, вероятно, делилась на четыре жилых комплекса. Каждый из этих комплексов включал свою входную часть, делившую помещение на две половины, которые также могли делиться на две камеры: переднюю и заднюю. Эти камеры были не больше 3 × 6 м, а ширина всей постройки примерно равнялась 4,2 м. Площадка городища была свободна от построек, и на ней обнаружены лишь остатки находившегося в центре кострища диаметром около 3 м. Просуществовав некоторое время, оборонительная система была разрушена. Местами сохранились следы сгоревших деревянных конструкций постройки. Насыпь вала была сброшена в ров, а площадь, занятая сооружением, расчищена. В силу этого ни остатков очагов, ни других каких-либо находок во внутренних частях кольцевой постройки почти не сохранилось.

Городища со своеобразными, в виде «жилых стен» столбовыми постройками обнаружены на Смоленщине. Наиболее близкой аналогией можно

⁸ Начальники раскопок были: Х. И. Крис, И. Г. Розенфельдт, Р. Л. Розенфельдт, Е. Н. Симонова, К. А. Смирнов и Н. В. Трубникова. Раскопки производились главным образом силами кружковцев Московского городского дома пионеров под руководством В. Н. Кузьмина и школьников г. Можайска. В раскопках принимали участие и студенты высших учебных заведений Москвы.

считать кольцевую постройку, обнаруженную П. Н. Третьяковым, на городище Тушемля⁹.

После того как оборонительная система с «жилыми стенами» была разрушена и заменена новой системой укреплений из валов, рвов и тына, площадка городища застраивается большими наземными домами длиной 12 м и шириной 7—8 м. По-видимому, их было четыре, что соответствовало четырем ранее существовавшим жилым комплексам. Впоследствии большие дома заменяются домами несколько меньших размеров, и для верхнего, второго слоя характерны уже постройки размерами 4,6—5,2 × 6,6—6,8 м. Стены их, очевидно, были из горизонтально лежащих бревен. Отсутствие остатков дерева не позволяет определить, каков был характер крепления. Снаружи вход прикрывался особым выступом, примыкавшим к постройке. Внутри жилья, а иногда и снаружи, ставились столбы, поддерживавшие, очевидно, двускатное покрытие. Пол состоял из глинистых и песчаных прослоек. В некоторых случаях было прослежено, что помещение делилось, по-видимому, плетнем надвое — переднюю, где находился очаг, и заднюю половину, судя по находкам, связанную с пребыванием женской части населения дома. В трех случаях удалось установить наличие круглых построек. В плане они имели форму многогранника, как правило, с 12 стенами (кроме входной части). Круглая постройка, одновременная четырем большим домам, достигала в диаметре 10 м, остальные две, относящиеся ко второму слою, были диаметром в 7 м, причем одна из них служила мастерской кузнецу, другая — литейщику; в ней найдено несколько тиглей.

Культурный слой городища был насыщен костными остатками. Кости домашних животных по отношению к костям диких, по определению В. И. Цалкина, составляют 83%. Среди домашних животных первое место занимала свинья (45%), затем крупный рогатый скот (23%), лошадь (18%), мелкий рогатый скот (11%) и собака (3%). Из диких животных первое место — бобр (31%), затем лось — (17%), лисица (12%), заяц (11%), медведь (8%), выдра (6,6%), куница (4%), барсук (3%), кабан (3%), северный олень (1,5%), косуля (1,5%), ласка (1%) и рысь (0,4%).

Из вещей наиболее многочисленной была группа изделий из кости. Это — наконечники стрел, дротик, гарпуны, булава, иглы, проколки, булавки, застежки, пряжки, рукояти, диски, резные фигурки и много других поделок. Особо интересны наконечники стрел с черешком, основание которого расширяется в плоскую лопаточку или снабжено полукруглым вырезом (рис. 15—2, 7). Стрелы первого типа найдены на городищах Старшем Каширском, Дьяковском, Мамоновом, Круглица, Щербинка и др. Стрелы второго типа — подражание костяным и железным наконечникам IV—III вв. до н. э., известным в Поволжье, на Среднем Дону и Сейме¹⁰. Сравнение троицких костяных наконечников стрел с наконечниками из Старшего Каширского городища и Прикамских городищ позднееананьинского времени позволяет относить их к IV—III вв. до н. э. и этим временем определить раннюю дату Троицкого городища.

Следует еще отметить, что фигурные костяные пряжки Троицкого городища с неподвижным язычком (рис. 15—9, 10), по-видимому, также можно считать подражанием более ранним (IV—III вв. до н. э.) бронзовым и костяным пряжкам¹¹.

На городище найдено более 700 предметов из железа: кельты, серпы, ножи, наконечники стрел и копий, удила, рыболовные крючки, булавки,

⁹ П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 62.

¹¹ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, табл. VI, рис. 3—2; E. Minns. Small Bronzes from Northern Asia, The Antiquaries Journal, January, 1930, vol. X, No 1, рис. 16.

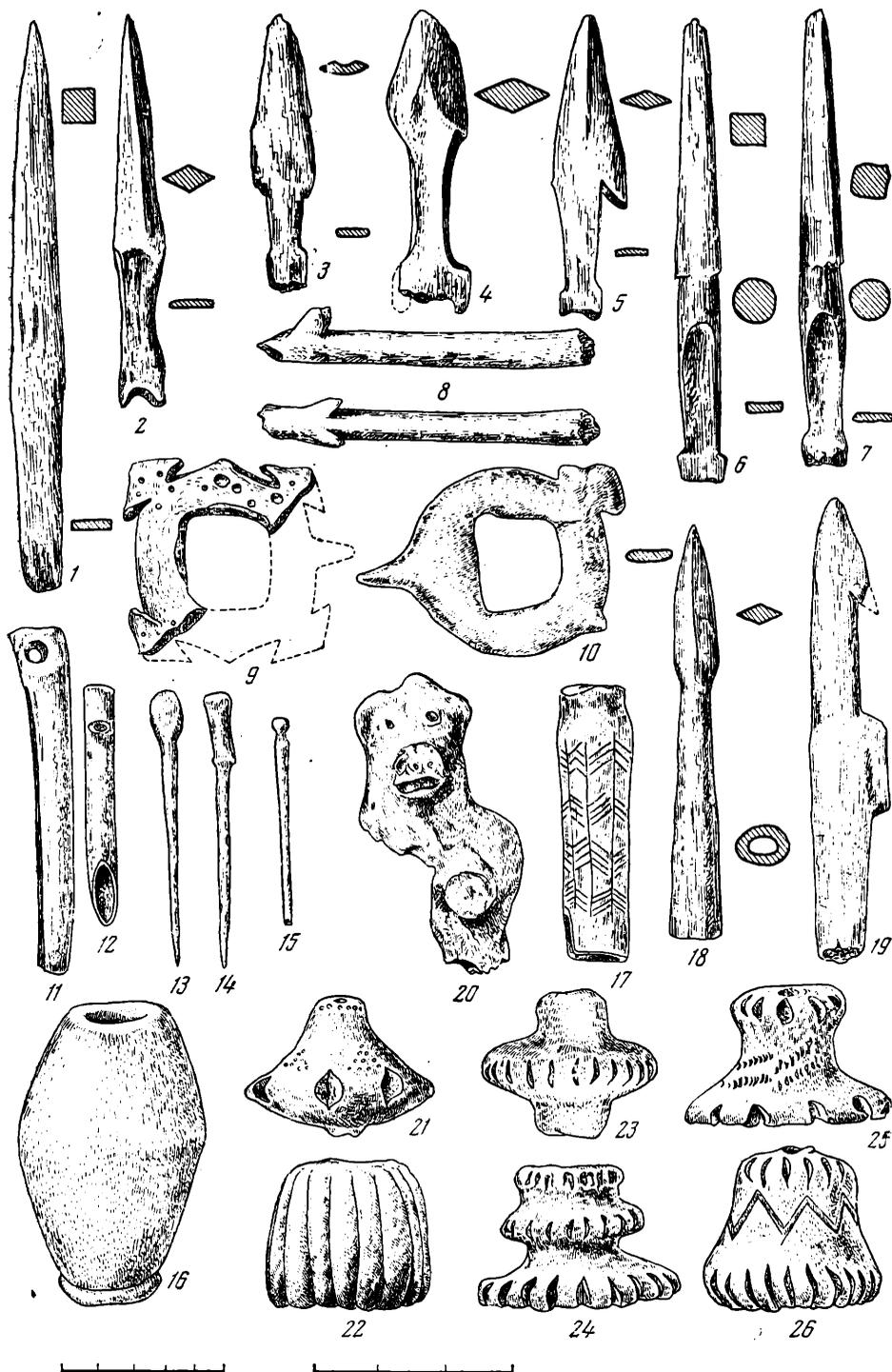

Рис. 15. Троицкое городище. Изделия из кости (1—19) и глины (20—26)
 1—7 — наконечники стрел; 8 — головка лоса; 9—10 — пряжки; 11 — предмет с продольным пазом;
 12 — манок; 13—15 — булавки; 16 — булава; 17 — рукоять; 18 — дротик; 19 — гарпун;
 20 — головка кабана; 21—26 — грузики

кольцевые застёжки с завитками на концах, пряжки, кольца и т. д. (рис. 16). Среди кельтов выделяется один с ушком, этот тип характерен для погребений Прибалтики I — начала II в. Серпы (за исключением двух) все с черешком. По его положению они могут быть разделены на три типа, причем серпы с более отогнутым черешком характерны для верхнего горизонта второго слоя. Ножи встречались серповидные и с горбатой спинкой. Первые характерны для первого слоя, вторые, главным образом, относятся к верхнему горизонту второго слоя. Среди железных стрел преобладают плоские двушипные с черешком; в двух случаях были найдены наконечники с удлинённой втулкой и в одном — трехлопастной, черешковый. Удила — кольчатые и с псалиями в виде стержня с двойным расширением посередине. Один псалий этого типа украшен инкрустацией. Этот экземпляр, по мнению К. Ф. Смирнова, можно датировать I в. до н. э. — I в. н. э. Булавки были с петлеобразной, спиральной и цилиндрической головкой.

Изделия из бронзы представлены женскими украшениями (рис. 17). Во рву обнаружен целый клад, включавший свыше 40 предметов: гривны, шумящие подвески, всевозможные бляхи, бляшки, колокольчики, обоймы и обкладки поясов, бусы и т. д. По аналогии с вещами Мошинского клада эта находка, по-видимому, датируется IV—V вв. и относится к верхнему горизонту второго слоя. Из отдельных предметов заслуживают внимания умбоновидные подвески, кольцевидные застёжки и фибула с надписью «AVCISSA». Аналогичные фибулы известны в Приднепровье, Причерноморье, на Северном Кавказе и датируются I в. н. э.¹² Умбоновидные подвески (рис. 17—1, 3, 5, 6) появляются в верхнем горизонте первого слоя. Эти женские украшения характерны для Троицкого городища. Единичные экземпляры их найдены на городищах: Коуглиця, Барвиха, Подмоклово, Федяшево; на селищах: Каргашинском и Заречье на р. Угре Смоленской области.

Предметы из глины весьма разнообразны. Кроме посуды и миниатюрных сосудиков, найдено более 500 грузиков «дьякова типа» (рис. 15—23—26), детские игрушки, грузила и пряслица, бусы, «рогатые» кирпичи, литейные формы, льячки, тигли и другие предметы. Основную массу керамических изделий составляет довольно грубая посуда без орнамента. В первом слое она баночной формы, с прямым или слабо отогнутым венчиком, встречались горшки удлинённых пропорций, со слабо профилированными плечиками, а также сосуды в виде мисок. Во втором слое горшки были укороченные и более профилированной формы. Иногда по шейке и плечикам наносился орнамент: ямочный, двудольный, тычковый, пальчатый, ногтевой, зашипной, веревочный, прочерченный и в виде отпечатков различного рода штампов. Керамика с отпечатками сетки составляет всего полпроцента, причем она относится только к первому слою. Во втором слое есть лощенная и подлощенная керамика.

Приведенный перечень находок указывает на то, что наиболее интенсивный период жизни на городище относится к I—V вв. н. э. Возникло оно раньше — судя по группе наиболее ранних находок — в IV—III вв. до н. э. Что касается конечной даты существования городища, то она определяется более или менее точно, поскольку нет находок, которые могли быть датированы лишь VI или VII в. По-видимому, Троицкое городище возникает в конце IV—III вв. до н. э., и жизнь на нем прекращается в конце V или в самом начале VI в. н. э.

Какие же можно сделать общие предварительные выводы по материалу Троицкого городища?

1. Очевидно, около III в. до н. э. в верховье р. Москвы проникает часть населения из Верхнего Поднепровья. Возможно, это было уже связано с

¹² М. Ростовцев. Бронзовые фибулы с надписями из Донской области. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 22—24, рис. 1.

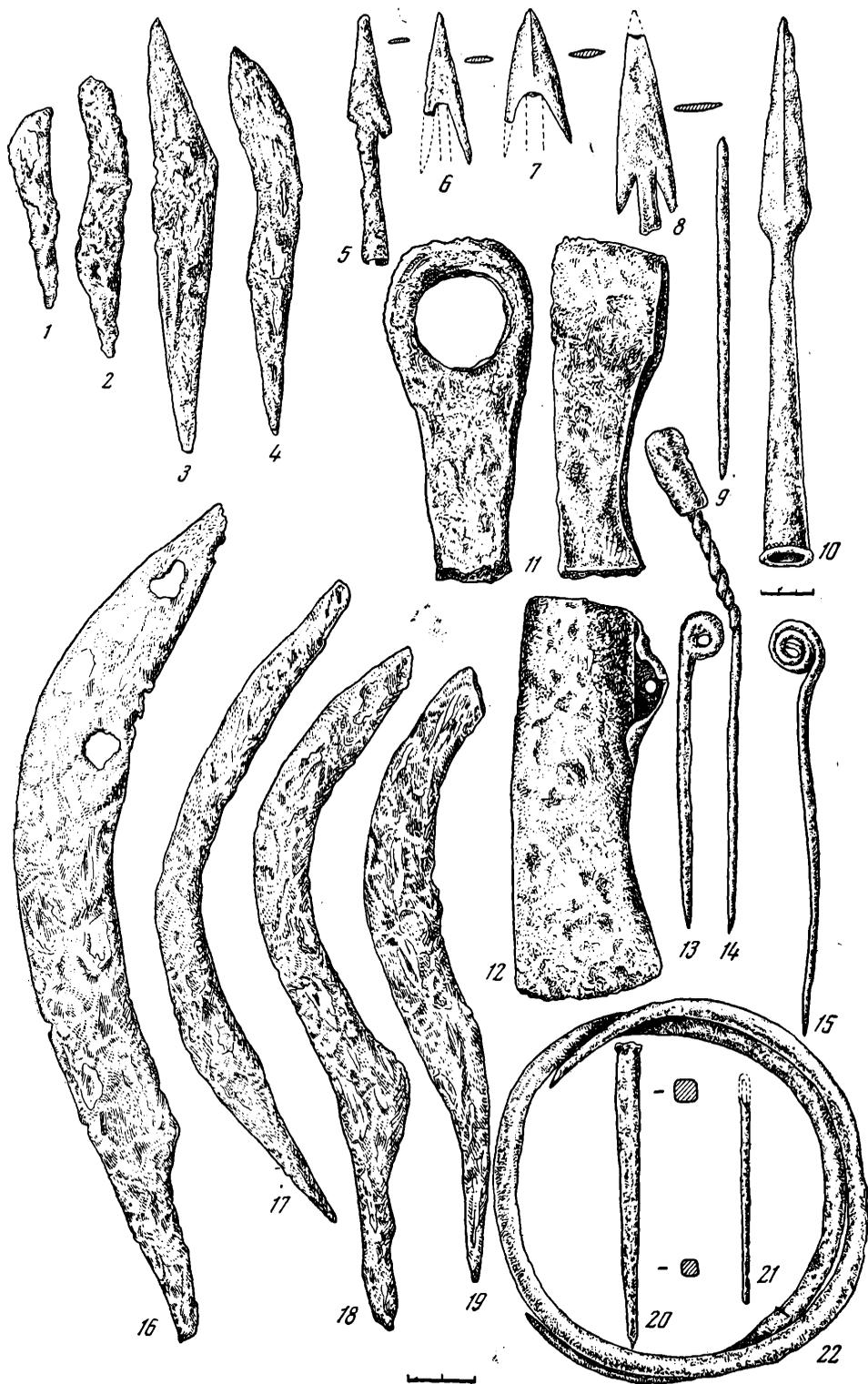

Рис. 16. Троицкое городище. Железные изделия

1—4 — ножи; 5—8 — наконечники стрел; 9 — шило; 10 — наконечник копья; 11 — молот; 12 — кельт; 13—15 — булавки; 16—19 — серпы; 20 — чекан; 21 — игла; 22 — кольцо

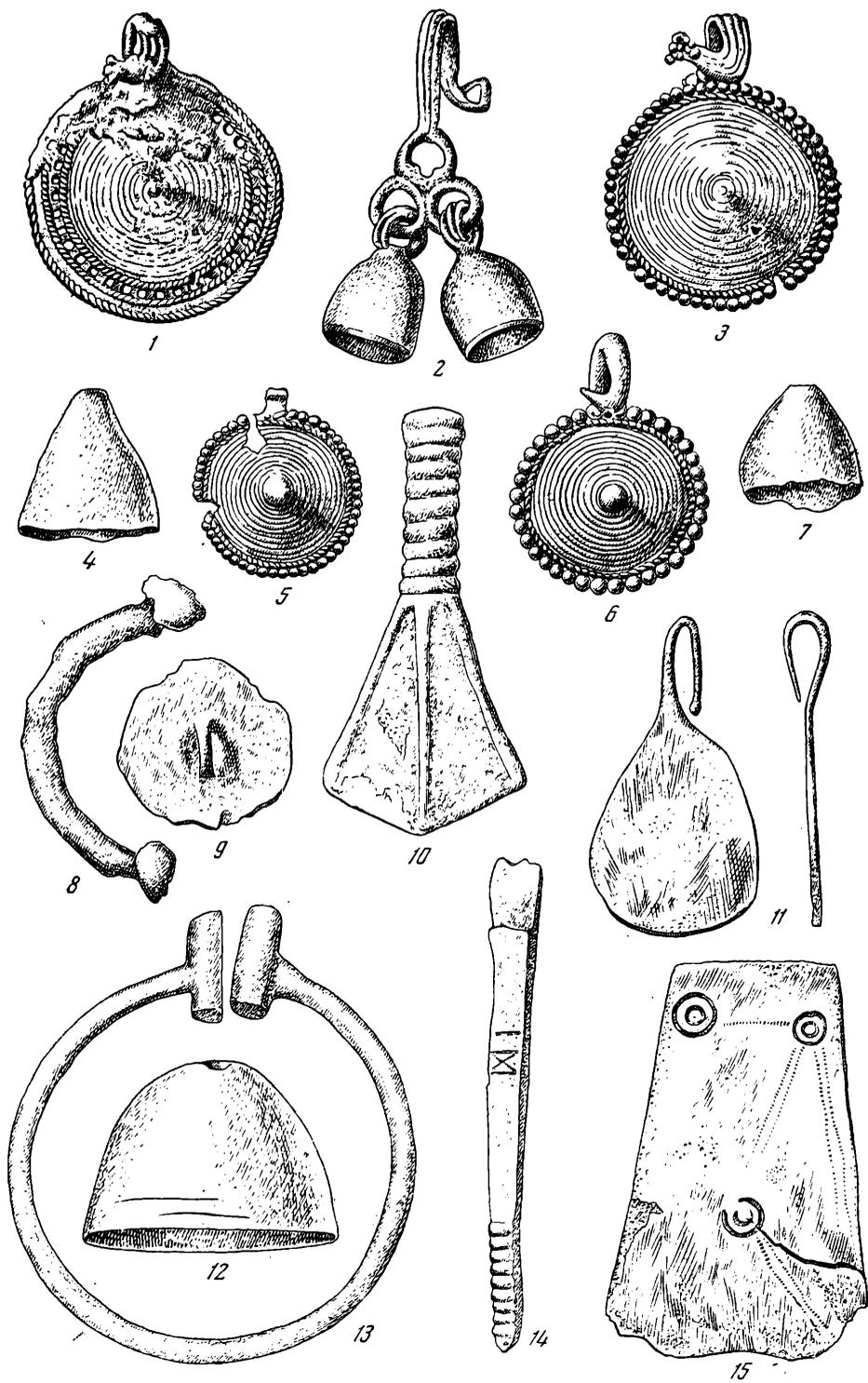

Рис. 17. Троицкое городище. Изделия из бронзы

1—3, 5, 6, 10, 11 — подвески; 4, 7, 12 — бубенчики; 8, 13 — застёжки; 9 — бляшка;

14 — подвеска от пояса; 15 — часть гривны

начавшимся процессом проникновения в Верхнее Поднепровье зарубенецких племен и с сокращением древней территории, занятой балтийскими племенами, на левобережной части Днепра. Подобно тому, как во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первых веках н. э. в бассейне Верхней Оки и на Угре была распространена культура, близко напоминающая культуру древних городищ Смоленщины, в западной части Волго-Окского междуречья, очевидно, существовала другая, родственная ей, возникшая на основе смешения балтийских и дьяковских элементов, что нашло отражение в системе укреплений, в характере построек и находок Троицкого городища.

2. Смену систем укреплений на Троицком городище нет оснований рассматривать как результат прихода сюда нового населения.

3. Культура городищ западной части Волго-Окского междуречья сохраняла в своей основе местные черты, унаследованные от древних дьяковцев. Эти черты дьяковской культуры I тысячелетия до н. э., в особенности в ранний период существования, были общими для всех городищ дьякова типа и сближали их между собой.

4. Примерно в IV—V вв.— на последнем этапе существования Троицкого городища сюда проникают элементы культуры Мощинского типа, что нашло отражение в вещевом комплексе и в появлении черной или бурой лощеной реберчатой керамики.

5. Троицкое городище исключительно интересно для изучения культуры населения Подмосковья на рубеже нашей эры и ее первых веков. Изучение материала этого замечательного памятника продолжается.

А. И. МЕЛЮКОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕТСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СТЕПНОМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

В 1960—1961 гг. в степном Поднестровье были продолжены работы по изучению памятников скифского времени, до сих пор еще малоизвестных на этой территории¹.

Около с. Ханска Котовского района МССР в 1960 г. были проведены раскопки на поселении и могильнике IV—III в. до н. э. Поселение расположено на обоих берегах ручья, впадающего в р. Ботна². Левый берег — крутой, переходит в высокое ровное плато, правый — сравнительно пологий, только в северо-западной части его возвышается небольшой мыс с довольно крутым склоном к руслу ручья. Остатки поселения отмечены на плато на левом берегу, на мысу и прилегающем к нему участке — на правом. Могильник находился на правом берегу, близ поселения. На разных участках нами вскрыта площадь около 500 кв. м.

На поверхности мыса, на поле, встречалось большое количество человеческих костей, обломки лепной гетской посуды и эллинистических амфор. В результате раскопок здесь на площади в 200 кв. м. выяснено, что этот участок древнего поселения был в XII—XIII вв. занят кладбищем. Средневековые могилы (их вскрыто 29) нарушили культурный слой и сооружения IV—III вв. до н. э.

К интересующей нас эпохе относятся остатки двух жилищ. Одно из них представляет собой углубленную часть наземного дома. В плане она неправильной формы; к центральной части его (4,1 м × 3 м, глубиной 1,38 м) со всех сторон примыкали ямы. В одной из таких ям, у восточной стены жилища, помещался очаг, от которого сохранились глинобитный под и зола. По-видимому, за остатки стены дома можно считать развал некрупных известняковых камней, занимавший сравнительно большую площадь у северо-восточной стены углубления. Однако при разработке развала не удалось выявить регулярной кладки. От стен второго дома сохранилось лишь три скопления кусков глиняной обмазки, и было невозможно выяснить планировку и размеры жилища. Обмазка сделана из глины с примесью полова, соломы и травы, хорошо обожжена. На ней заметны отпечатки круглых жердей диаметром 3—5 см, а на наружной поверхности, хорошо заглаженной, видны следы пальцев. Судя по отпечаткам жердей, можно предполагать, что основу дома составлял деревянный каркас, обмазанный затем толстым слоем глины. Для большей прочности глиняная

¹ В 1960 г. работы производил Скифский отряд Молдавской экспедиции АН СССР. В работах принимали участие В. А. Башилов, Е. Н. Симонова и М. А. Романовская под руководством автора.

² Поселение возле с. Ханска открыто в результате разведок по долине р. Ботна, проведенных научным сотрудником отдела археологии АН МССР Л. А. Полевым в 1958 г.

обмазка стен, очевидно, подвергалась обжигу. Но не исключено также, что она обожжена в результате пожара. Внутри дома и поблизости от него находилось шесть круглых в плане ям, вероятно хозяйственного назначения. Одна из них открыта под слоем обрушившейся обмазки. На дне ямы, у южной стены, стоял большой лепной сосуд, предназначенный, по-видимому, для хранения зерна или каких-то других продуктов (рис. 18—10).

Комплекс ям, круглых и восьмеркообразных в плане, диаметром 1—1,5 м и разной глубины обнаружен также возле углубленного в землю жилища № 1. Одни из них несколько расширились книзу, стенки других — вертикальные, в третьих были уступы или ступеньки по одной из стенок. Все ямы были заполнены черноземом с культурными остатками и только в одной (№7) оказалось большое количество печной сажи и золы без отходов.

На участке поселения, расположенном на высоком плато на левом берегу ручья, на вспаханном поле хорошо заметны серые зольные пятна, в пределах которых сосредоточены обломки посуды, кости животных и т. п. Раскопки велись на одном из таких зольных пятен, на площади в 172 кв. м. Остатки жилищ не обнаружены, но культурный слой сохранился хорошо и не был нарушен более поздними перекопами. Исследованы также два небольших зольника и семь ям разных размеров. Ямы находились в основании зольников и были предназначены для выброса очажных остатков, пищевых отходов, мусора и битой посуды. Зольники образовались в результате того, что мусор продолжали сваливать в кучи после заполнения ям.

По характеру находок раскоп с зольниками не отличался от раскопа, на котором были открыты остатки жилищ. Там и здесь преобладала керамика, на втором месте — кости животных, но количество находок во много раз больше.

Среди керамики большинство составляют обломки местных лепных сосудов. Вместе с ними встречены фрагменты античной посуды, главным образом амфор. Основные формы местной лепной керамики — это горшки и миски разных типов и вариантов; известны также кувшины, кубки, дуршлаги и миниатюрные сосуды. Вся керамика сделана из глины с примесью шамота, поверхности хорошо заглажены и часто слегка залощены. Обычно они грязно-желтого, желтовато- или коричневатого-серого цвета. Миски и корчаги часто темно-серого, почти черного цвета. Поверхности их более тщательно обработаны, чем у горшков. Среди горшков преобладают баночные или боченкообразные сосуды с почти прямыми или выпуклыми стенками, слабо выделенной шейкой или без нее (рис. 18 — 2, 3, 6, 8, 9). Эти горшки, как правило, снабжены полукруглыми ручками-упорами, расположенными чаще всего в верхней половине сосуда. Обычен орнамент в виде валика с защипами или нескольких валиков. В последнем случае один валик горизонтальный, другие вертикальные или образуют гирлянды. Реже встречается орнамент в виде ряда ямок, сделанных пальцем. У больших корчаг для хранения продуктов ручки-упоры обычно в нижней части, а в верхней соскребные или круглые налепы. Орнаментальный валик отсутствует.

Небольшое количество фрагментов принадлежит горшкам с хорошо выделенной шейкой, слегка отогнутой наружу, с округлыми, но не высокими плечиками. Поверхность их обычно плохо заглажена и никогда не бывает лощеной. Венчик или плечико часто украшены рядом пальцевых ямок или косой насечкой по краю. На одном фрагменте нанесены два ряда ямок, сделанных оттиском пальца, один — на венчике, второй — на нижней части шейки.

Среди мисок можно выделить три типа. Чаще других встречаются фрагменты мисок, для которых характерно ребро в месте перехода от верхней части тулова к нижней (рис. 18 — 4, 7). Иногда это ребро скруглено, иногда оно острое. У одних мисок этого типа верхняя часть стенки вертикальная,

венчик не выделен. У других — она наклонена внутрь. У третьих мисок специально выделен более или менее широкий венчик, отогнутый наружу. На мисках первых двух вариантов у самого края часто встречаются массивные петельчатые ручки, иногда фигурные (рис. 18—7) и реже ручки-упоры. На некоторых фрагментах есть орнамент в виде косо расположенных невысоких гладких валиков, поодиночке или парами, украшающих верхнюю часть тулова до ребра. На одном черепке по валикам сделаны пальцем неглубокие ямки. Миски второго типа — без ребра. Стенки их пологие, плавно сходящиеся ко дну. Все они с широким прямым или чаще косо срезанным внутрь венчиком, верхний край которого слегка отогнут наружу. Количество фрагментов этого типа невелико. К третьему типу относятся миски в форме усеченного конуса (рис. 18—1). Отметим, что фрагменты мисок второго¹ и третьего типов лишены орнамента; ручек также нет.

Миниатюрные сосудики сделаны очень неаккуратно из грубой, плохо промешанной глины (рис. 19—3, 6). Среди них упомянем баночный сосудик, украшенный невысокими сосковидными налепами (рис. 19—5); высокие мисочки (рис. 19—4); сосудик в виде мисочки на ножке; стаканообразный сосудик (рис. 19—6), который, в отличие от предыдущих, вылощен. К этим же миниатюрным предметам принадлежит небольшая, плоская глиняная лепешка, может быть крышка миниатюрного горшка (рис. 19—9). О назначении миниатюрных сосудов нельзя сказать ничего определенного.

Лепная керамика с поселения у с. Ханска в целом очень близка гетской посуде с ряда памятников, известных в лесостепных районах Молдавии и датирующихся IV—III вв. до н. э.³ При детальном сопоставлении керамики, вероятно, можно будет наметить какие-либо различия, но они будут касаться лишь отдельных деталей. За пределами Молдавии сходная керамика хорошо представлена в Румынии, на гетских поселениях и в могильниках IV—III вв. до н. э.⁴ Не находят аналогий в гетском мире только грубые горшки с довольно высокой шейкой и хорошо выделенным округлым плечом. Мне кажется, что они могут быть сопоставлены со скифской посудой, так как больше всего напоминают керамику, типичную для Каменского городища на Днестре и одновременных ему памятников степного Северного Причерноморья⁵.

Среди амфорных обломков, по определению И. Б. Зеест, большинство принадлежит гераклеямским амфорам IV—III вв. до н. э. Довольно часто встречаются черепки фасосских амфор и реже синопских. Единичными находками представлены рюмкообразные и амфоры солохинского типа. Наряду с обломками амфор, определено датирующихся IV—III вв. до н. э., И. Б. Зеест выделила куски ножки и три фрагмента стенок хиосских амфор V в. до н. э. Следует заметить, что на некоторых обломках ручек и ножек видны следы сильной потертости. Очевидно, они использовались в качестве ложиц.

Много на поселении найдено глиняных пряслиц. Все они биконические и отличаются друг от друга только величиной. Встречаются кружочки, сделанные из стенок лепных сосудов и амфор. В зольниках, кроме того, найдены небольшие глиняные лепешки и не совсем правильные глиняные конусы небольших размеров, напоминающие пинтадеры, но без орнамента. Интересна крупная пинтадера из жилища № 1. На круглом основании ее нанесен рельефный орнамент в виде спирали (рис. 19—7). Подобные пинтадеры, но меньших размеров, известны с поселений предскифского вре-

³ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, рис. 30, 31.

⁴ Э. Бужор. Гето-дакийская культура в Муригиоле. «Dacia», 3. București, 1958, стр. 128 сл.

⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954, рис. 10, табл. II, III.

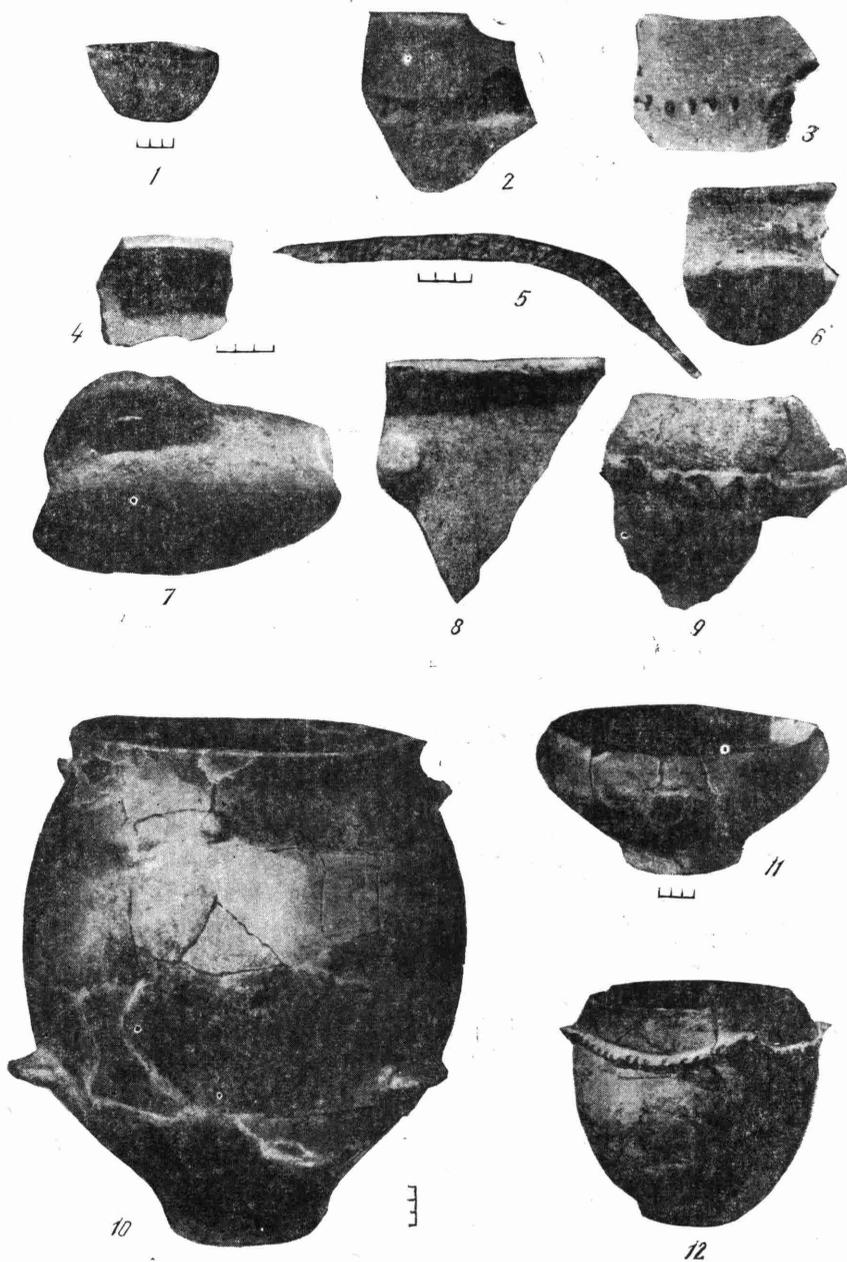

Рис. 18. Находки с поселения и из погребений у с. Ханска
 1—4, 6—10 — керамика с поселения; 5 — железный серп, найденный на могильнике;
 11 — миска-крышка из погребения № 2; 12 — сосуд-урна из погребения № 3

мени на Северном Кавказе⁶. Совершенно такая же пинтадера найдена в слое IV—III вв. до н. э. на поселении у с. Пояна в Румынии⁷. Следует отметить еще два бронзовых наконечника стрел скифского типа IV—III вв. до н. э. (рис. 19—1, 2).

⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 157, рис. 19—4. Сравни также пинтадеру с поселения у Сержень-Юрта в настоящем сборнике, рис. 13—8.

⁷ R. Vulpe, etc. Santierul Poiana. SCIV, III, București, 1952, fig. 14—1.

Фрагменты греческих амфор и наконечники стрел позволяют датировать поселение в основном IV—III вв. до н. э. Находки ножки и фрагментов стенок хиосских амфор — V в. до н. э. — дают возможность предполагать, что жизнь здесь началась еще в V в. до н. э. Однако в местном материале, и в частности в керамике, мы не можем выделить формы, характерные для этого времени. Малочисленность находок фрагментов амфор V в. до н. э. свидетельствует о том, что жизнь на поселении в эту эпоху не была интенсивной.

На участке, занятом могильником, впоследствии было древнеславянское селище VI—IX вв. Землянки этого селища, по-видимому, сильно разрушили древние погребения. При наших раскопках на площади в 130 кв. м обнаружены четыре славянских землянки⁸ и здесь же в непотревоженном слое чернозема три гетских погребения — остатки трупосожжений, положенных в урны, закрытые сверху мисками. Урны с прахом были поставлены в неглубокие ямки. Устья сосудов обнаружены на глубине 0,25—0,3 м от современной поверхности. Вещей не было, только в погребении № 1 найден сосуд, стоявший рядом с урной. Возможно, к погребению № 3 относится железный серп, обнаруженный в черноземе неподалеку. Он слабо изогнут, с выступом-крючком на держак, спинка слегка утолщена (рис. 18 — 5). Близки ему серпы из Каменского городища⁹, с поселения у с. Петуховка¹⁰, из погребений Елизаветинского могильника и у станицы Пашковской¹¹. Все эти серпы датируются IV—III вв. до н. э.

Урнами служили горшки с ручками-упорами, без орнамента или украшенные валиком с защипами, ничем не отличающиеся от сосудов, найденных на поселении (рис. 18 — 12). Миски, служившие крышками для урн (рис. 18 — 11), также аналогичны употреблявшимся в повседневной жизни.

Обряд погребения и керамика не оставляют сомнения в том, что могильник и связанное с ним поселение принадлежали гетам. Погребения с трупосожжениями и последующим захоронением в таких же урнах известны в Румынии, в частности в Добрудже¹².

На территории Молдавии гетские погребения исследованы впервые. Но две урны, близкие описанным, вместе с некоторыми предметами, сопровождавшими их, были случайно найдены на правом берегу Нижнего Днестра, между селами Паланка и Тудорово Каушанского района¹³.

Находки наконечников стрел и особенно фрагментов керамики, близкой к скифской, позволяют предполагать существование достаточно тесных связей местного населения со скифами. В гетских памятниках лесостепной Молдавии подобная керамика неизвестна.

Поселения, для которых характерен комплекс посуды, близкий найденному в Ханске, известны и в более южных районах степной Молдавии. В с. Тудорово, на правом берегу Днестра находится разрушенное застройкой и распашкой большое поселение или городище. На приусадебных участках колхозников на южной окраине села нами собрано много обломков местной и античной посуды IV—III вв. до н. э. тех же типов, что и керамика из Ханска. Может быть, населению, обитавшему здесь, принадлежали и упомянутые выше погребения, описанные Г. П. Сергеевым.

⁸ В. А. Башилов. Раннеславянское жилище у с. Ханска в Молдавии. МИА, № 108.

⁹ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 141, рис. 14 — 1.

¹⁰ Е. Х. Ярова. Землеробські знаряддя праці скіфо-сарматського часу з фондів ОДАМ. Матеріали з археології північного Причорномор'я, вып. II. Одесса, 1959, стр. 157.

¹¹ Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, стр. 144.

¹² Е. Бужор. Указ. соч.; A. Aricesescu. Die Bodenständige bevölkerung der Dobrudscha und ihre beziehungen zu den Griechen in der hellenistischen Epoche. Studii clasice 3. București, 1961, стр. 67 сл.

¹³ Г. П. Сергеев. Скифский кинжал из Олонештского района МССР. Зап. Одесского археологич. общества, т. I, 1960, стр. 262.

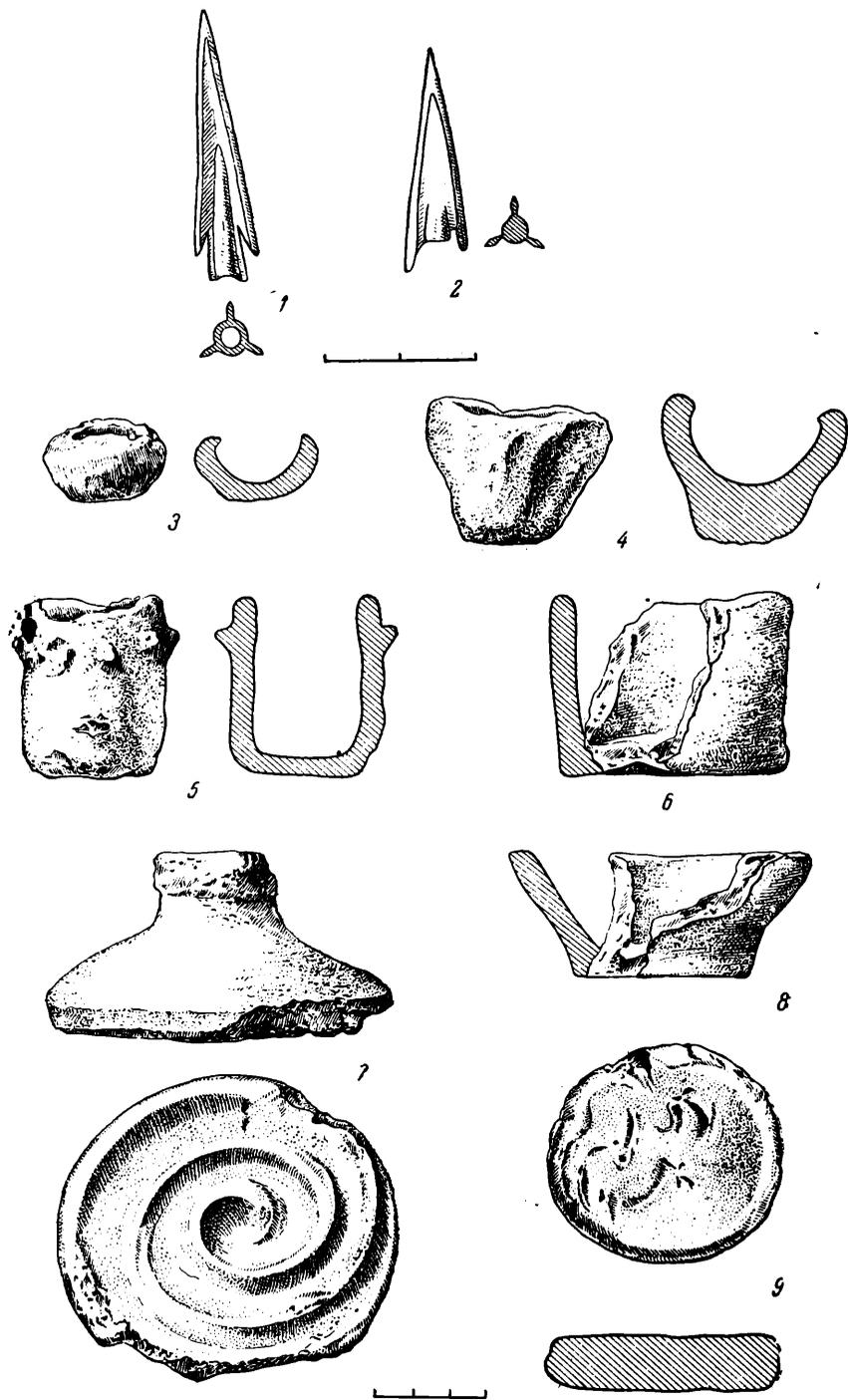

Рис. 19. Находки с поселения у с. Ханска

1, 2 — бронзовые наконечники стрел; 3—6, 8 — миниатюрные сосуды; 7 — глиняная пятадера;
9 — крышка (?) миниатюрного сосуда

Поселения IV—III вв. до н. э. открыты во время наших разведок возле сел. Старые Раскайцы и Капланы Каушанского района; Семеновка и Брезоя Старо-Казацкого района УССР; Гура-Быкулуй и Калфа Бендерского района. Материал, собранных на этих памятниках, невелик, но все сколько-нибудь выразительные фрагменты сосудов принадлежат гетским горшкам, мискам и эллинистическим амфорам. Поселения, на которых найдена античная и местная лепная посуда, главным образом IV—III вв. до н. э., преимущественно гетских типов, открыты и частично исследованы одесскими археологами на берегах Днестровского лимана¹⁴.

На левом берегу Днестра, в Тираспольском районе, поблизости от скифских курганов IV—II вв. до н. э., раскопанных в конце прошлого столетия И. Я. Стемповским, нами открыто семь поселений, на которых найдены обломки эллинистических амфор, но сопровождавшая их лепная керамика, как правило, маловыразительна.

Наиболее определенные остатки поселений, одновременных курганам, известны километров на десять южнее по Днестру, на левом берегу Кучурганского лимана. В 1953—1954 гг. при разведке одесских археологов возле сел Граденицы и Троицкое Белявского района Одесской области УССР открыто три поселения, датирующихся находками фрагментов эллинистических амфор¹⁵. В 1961 г. мы обнаружили у Граденицы еще два таких поселения. К сожалению, все памятники, известные здесь, расположены на виноградниках и сильно разрушены глубокой распашкой. При раскопках на двух поселениях (III и V) возле с. Граденицы нам не удалось найти следов жилищ. Мы обнаружили лишь большое количество круглых в плане ям разных размеров, по-видимому, хозяйственного назначения. На поверхности и при раскопках собраны достаточно выразительные комплексы керамики. По сравнению с керамикой поселения у с. Ханска здесь гораздо больше обломков античной посуды, причем не только амфор, но и чернолаковых киликов IV—III вв. до н. э. и сероглиняной посуды, главным образом мисок, сделанных на гончарном круге (рис. 20—8). В этом отношении исследованные нами поселения ближе памятникам, расположенным на Днестровском лимане. Судя по античной посуде, одно из поселений (Граденицы III) было обитаемо главным образом в IV—III вв. до н. э., но жизнь на нем началась еще на рубеже VI—V вв. до н. э. и продолжалась до II в. до н. э. На поселении Граденицы V большинство амфор датируется III—II вв. до н. э. (в том числе четыре клейменных родосских ручки). Вместе с ними найдены фрагменты гераклеийских и синопских амфор середины IV и IV—III вв. до н. э. Вероятно, в отличие от поселения Граденицы III, наиболее интенсивной жизнь здесь была в III—II вв. до н. э., т. е. тогда, когда первое поселение прекращало свое существование. Различиями во времени существования объясняются некоторые отличия в комплексах лепной посуды. Керамика поселения Граденицы III очень близка посуде с памятников, описанных выше и расположенных на Правобережье степного Поднестровья. Преобладают фрагменты сосудов гетских типов — горшков с ручками-упорами, украшенных валиками с зашипами, мисок и кувшинов (рис. 20—2, 5—7). Интересна полая внутри ножка лошеного сосуда, так называемой фруктовой вазы (рис. 20—7). Сосуды этой формы считаются характерными для гетских памятников и часто встречаются в

¹⁴ И. Т. Черняков. Археологические разведки берегов Днестровского лимана. Зап. Одесск. археологич. общества, т. 1, 1960, стр. 209. А. Г. Сальников. Раскопки поселения IV—II вв. до н. э. у с. Пивденное в 1960 г. Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского гос. университета и Одесского арх. музея. Одесса, 1961, стр. 45 сл.; Г. А. Дзис-Райко. Раскопки Надаиманского городища в 1960 г. Там же, стр. 37 и сл.; М. Я. Синицын. Некоторые результаты раскопок на Роксоланском городище. Там же, стр. 34 и сл.

¹⁵ А. А. Кравченко и В. І. Кузьменко. Розвідки археологічних пам'ятоків по Кучурганській річній долині. Матеріали з археології Північного Причорномор'я. вып. II. Одесса 1959, стр. 122—125

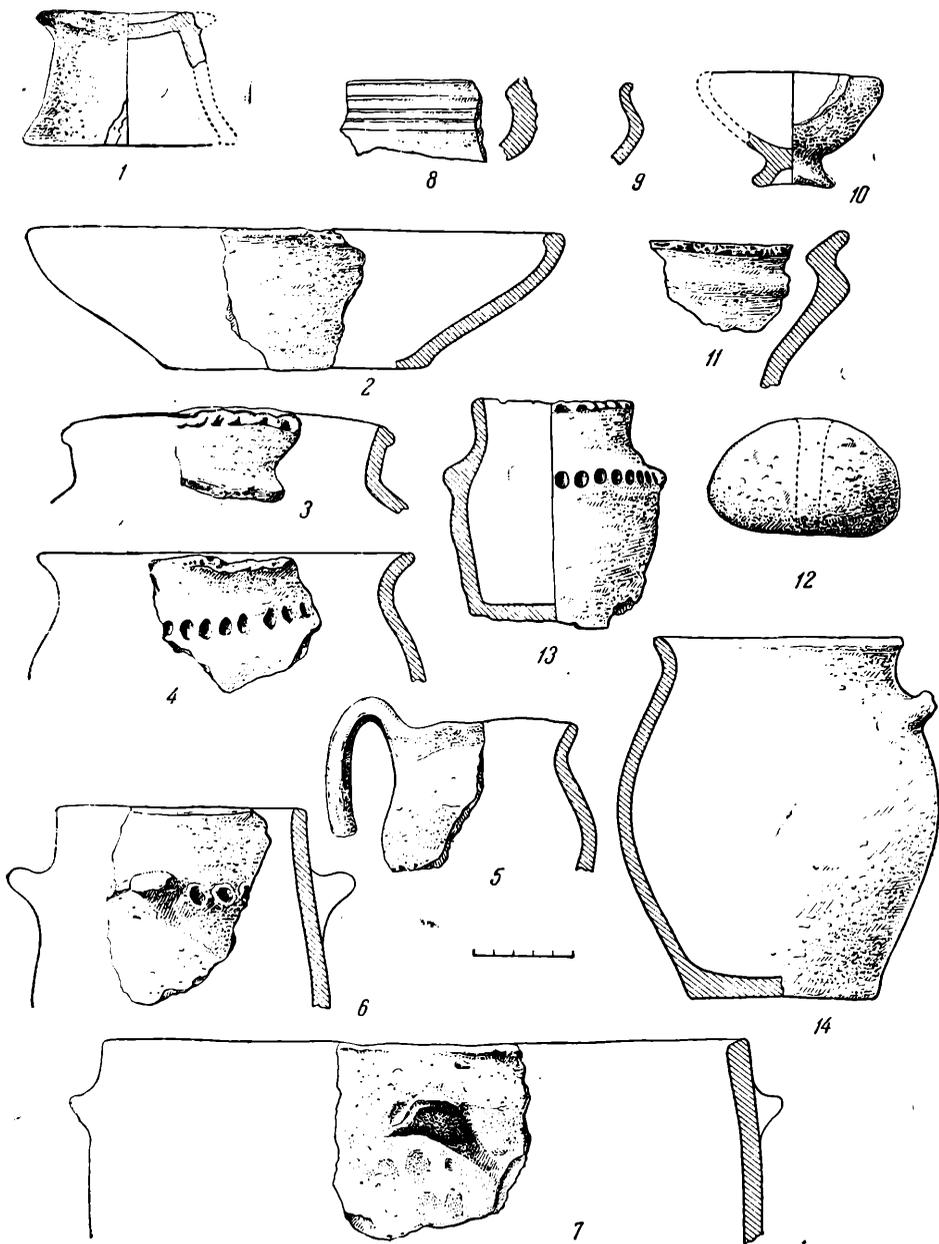

Рис. 20. Находки с поселений Граденицы III и V

1—8, 14 — керамика с поселения Граденицы III; 9—13 керамика и грузило с поселения Граденицы V

Румынии¹⁶. Вместе с типичной гетской керамикой встречено небольшое количество фрагментов горшков скифских типов (рис. 20—3, 4). Два из них, возможно, относятся к концу VI—началу V в. до н. э. Комплекс лепной керамики Граденицы V отличается тем, что здесь, кроме сосудов, близких описанным, найдены еще фрагменты мисок так называемого зарубинецкого типа — с широким венчиком (рис. 20—9) и чаш или мисок на ножке (рис. 20—10). Обычно такую керамику находят на поселениях

¹⁶ E. x. Boujor. Săpăturile de salvare de la Murighiol. SCIV, 1955, № 3—4, стр. 376, табл. II, 1.

Лукашевского типа в лесостепной Молдавии¹⁷, а также на малых городищах Нижнего Поднепровья, возникших в конце III — во II вв. до н. э.¹⁸ Кроме керамики, на обоих памятниках были найдены глиняные биконические пряслица и, кроме того, на поселении Граденицы V — массивное глиняное грузило, а на Граденице III — костяная проколка.

Преобладание в местной лепной керамике сосудов гетского типа заставляет нас предполагать, что поселения у с. Граденицы, так же как и памятники Правобережья степного Поднепровья, принадлежали гетам. Учитывая, что курганы, раскопанные И. Я. Стемповским и расположенные недалеко от этих поселений, безусловно скифские, мы можем думать, что на Левобережье степного Поднепровья в IV—II вв. до н. э. геты и скифы жили рядом. Возможно, скифы вели кочевой образ жизни, а геты — оседлый, так как исследованные поселения, безусловно, принадлежали оседлому земледельческому населению. Далее на восток от Днестра мы не знаем памятников, которые можно было бы считать гетскими. Следует заметить, что даже в Лузановке под Одессой, т. е. лишь несколько юго-восточнее изучаемых нами районов, среди лепной посуды IV—II вв. до н. э. безраздельно господствуют горшки скифских типов¹⁹.

Нет сколько-нибудь выразительной гетской посуды и на поселениях, открытых М. С. Синицыным между Днестром и Ю. Бугом. Очевидно, Днестр в IV—II вв. до н. э. был восточной границей расселения гетских племен. Это вполне соответствует данным письменных источников — с IV в. до н. э. античные авторы называют гетской пустыней земли между Прутом и Днестром. Отражало ли это наименование продвижение гетов на восток в исконные скифские земли или оно не связано с какими-либо этническими изменениями, пока сказать нельзя. Известно, что Геродот называет земли вплоть до Дуная скифскими, но мы не знаем, какие именно племена жили на западных окраинах Скифии в эпоху Геродота. Письменные источники не дают на этот вопрос ответа. Не дает его пока и археология; мы не знаем в степных областях междуречья Днестра и Прута памятников, предшествующих описанным и относящихся ко времени, известному Геродоту, и поэтому не можем определить, к какому времени относится появление здесь гетов.

---

¹⁷ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 36 сл.

¹⁸ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1959, стр. 131, рис. 15, 12, 32, 6, 7, 32, 2.

¹⁹ М. С. Синицын. Древнее поселение в Лузановке. Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. I. Одесса, 1957, стр. 64 и сл.; В. Таганова. Сероглиняная посуда из Лузановского поселения. Там же, стр. 79 и сл.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

ГОРОДИЩЕ ДЕВИЧЬЯ ГОРА В г. МСТИСЛАВЛЕ

Мстиславль привлекал внимание своими древностями уже с XVIII в.¹ Считалось, что в этом городе есть несколько древних памятников (так называемых Девичья гора, Замковая гора, Троицкая гора и др.) и что некогда они принадлежали к «одной системе защиты города от прежнего Московского княжества»². Местные любители старины Н. Евсеев и В. Г. Краснянский первые выделили Девичью гору как самостоятельный памятник, причем В. Г. Краснянский сравнительно подробно ее описал³. Однако в литературе этот памятник продолжали смешивать с остальными, иногда путая Девичью гору с Замковой⁴. Первым археологом, специально осмотревшим и правильно интерпретировавшим памятник, был Я. Г. Виржицкий, скромные материалы разведок которого позднее были опубликованы А. Н. Лявданским⁵. С тех пор памятники Мстиславля не изучались.

В 1959 г. по просьбе Могилевского краеведческого музея автор настоящей заметки совместно с витебским краеведом М. С. Ривкиным осмотрел археологические памятники Мстиславля (их оказалось всего два) и заложил на Девичьей и Замковой горах пробные шурфы. В 1960 г. начались систематические раскопки средневекового городища. Мстиславля — Замковой горы. Тогда же были проведены небольшие по объему исследования и Девичьей горы, сообщению о которых и посвящена настоящая заметка.

Девичья гора — небольшое городище, расположенное на правом берегу склона р. Вехры, на высоком мысе. Оно вытянутой эллипсоидной формы и значительно понижается к реке (с ЮВ на СЗ). Площадка городища (без валов) равна 103 × 48 м. Вал, окаймляющий ее и значительно сокративший ее размеры, насыпан из культурного слоя и достигает сейчас высоты около 2—2,5 м. Поверхность площадки нарушена современными ямами. В 1959 г. здесь было заложено два шурфа (на площадке и на валу)

¹ «Топографические примечания на знатнейшие путешествия Ее императорского Величества в Белорусские наместничества». СПб., 1780, стр. 94; Ф. Булгарин. Путевые записки в поездку из Дерпта в Белоруссию весной 1835 г. «Северная пчела». СПб., 1835, № 214, стр. 859. Мстиславль. (Ныне — районный центр Могилевской области БССР).

² В. Прахов. Остатки древних укреплений Мстиславля. Могилевские Губернские Ведомости. Могилев, 1847, № 8, стр. 165—167.

³ Николай Евсеев. Г. Мстиславль (Девичья гора). «Могилевский Вестник», 1910, № 68; В. Г. Краснянский. Город Мстиславль. Записки с/з отд. РГО. Вильно, 1912, кн. 3, стр. 80.

⁴ П. В. Голубовский. История Смоленской земли. Киев, 1895, стр. 81.

⁵ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные записки Смоленского университета, ч. III, вып. III. Смоленск, 1926.

площадью по 1 кв. м каждый, а в 1960 г. — четыре раскопа общей площадью 192 кв. м на площадке (раскопы I—III) и на валу (раскоп IV)⁶.

Культурный слой городища залегает на глубину 0,4—0,6 м; цвет его, несмотря на зольные примеси, интенсивно черный. На площадке сохранилась только его нижняя часть, верхняя еще в древности была скрыта для подсыпки вала. Раскопки показали, что древнейшая часть слоя залегает под валом. И, следовательно, первоначально земляных укреплений не было. Материк, подстилающий культурный слой, состоит из ярко-желтого песка, при зачистке поверхности которого обнаружилось большое количество западин, заполненных культурным слоем, а также ямок от корневищ росших здесь некогда растений. Следов конструкций и столбовых ям ни в культурном слое, ни в материке не было и подобные сооружения, очевидно, надо искать у вала. Из ям, выкопанных человеком, можно отметить лишь две. Одна из них прямоугольной формы, черным цветом заполнения хорошо выделялась на фоне песка; находок в ней не было. Другая (у подножья вала), крайне мелкая и бесформенная, содержала несколько лобных (теменных?) костей маленького ребенка (явление, как известно, встречаемое на городищах этой и более ранней поры, но пока необъяснимое).

Разрез вала дал следующую картину. В период существования первоначального поселка у края городища была вырыта яма, между которой и краем городища сохранился материковый «останец», где, очевидно, стоял тын. Позднее яма заплыла темным золистым слоем. После того как культурный слой заполнил яму и вырос над ней на 0,45 м, жители поселения нашли необходимым укрепить его более мощным сооружением — валом, который, как можно судить по нашим небольшим раскопкам, подсыпался дважды. Первоначальный вал был ниже современного на 0,8 м (в центре) и его высота равнялась 1,25 м. Верхняя его часть оказалась насыпной из предметного слоя, отчего сверху его появились многочисленные прослойки песка. Вал был укреплен деревянным тыном — сохранились остатки бревен. В непосредственной близости от тына наклонная поверхность вала была укреплена (с внутренней стороны) слоем жердей и бревен. Какую-то роль в этих конструкциях играла глина, скопления которой здесь встречены в значительном количестве. Жерди были обуглены, что, по-видимому, указывает на гибель укреплений в результате пожара. После разразившегося несчастья вал был подсыпан заново; земля явно бралась из культурного слоя, и следов материка (песок) в этой подсыпке нет.

Индивидуальные находки с Девичьей горы немногочисленны (45 предметов). Среди находок из дернового и подстилающего его слоя (0—0,2 м) прежде всего следует упомянуть 6 наконечников стрел эпохи Московской Руси (рис. 21—1—6). Все они черешковые ромбовидные, датирующиеся, главным образом, началом XVII в. У подножия вала обнаружен висячий железный замок, типичный для XV—XVII вв.⁷ (рис. 21—7). Среди других «поздних» вещей следует назвать два обломка стеклянных витых браслетов. Однако встречены и более древние вещи, к которым, в первую очередь, следует отнести железный серповидный нож с горбатой спинкой (рис. 21—10).

Наиболее интересные находки с глубины 0,2—0,4 м (второй штык) включают бронзовую фибулу среднелатенской схемы (рис. 21—9), два грузика дьякова типа и маленький глиняный сосудик (рис. 21—11, 12, 13). Интересные изделия из кости обнаружены вблизи вала: гарпун (рис. 21—18), три бусины (рис. 21—14, 16) и неопределимый предмет (рис. 21—17).

⁶ В раскопках принимали участие Н. А. Соболева (ГИМ, начальник раскопа), В. Г. Лукьянова (Москва), Л. Диденко (Могилевский пединститут). Работы велись на средства Могилевского областного краеведческого музея.

⁷ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 85, рис. 68—2.

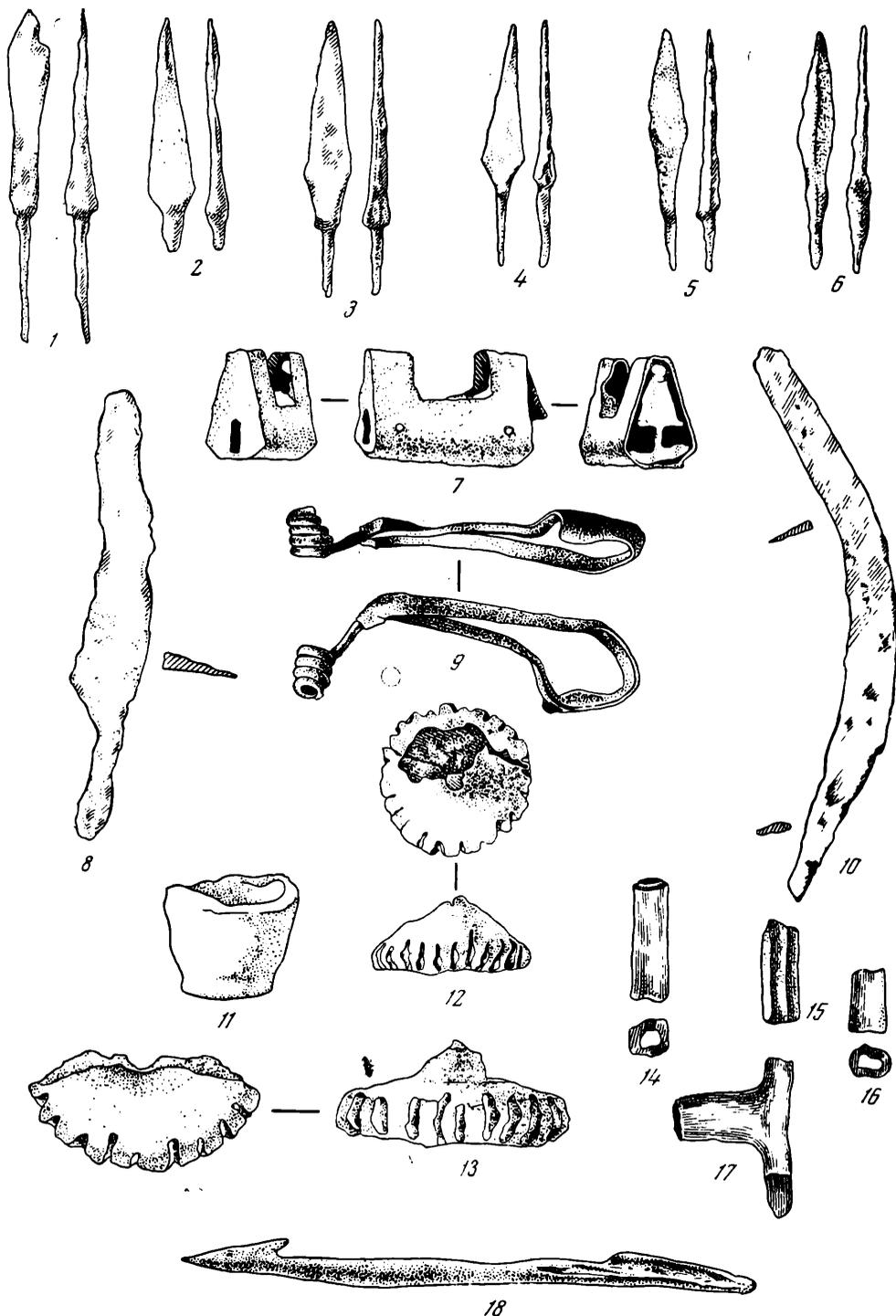

Рис. 21. Находки из дернового и культурного слоя городища Девичья гора в Мстиславе
 1—7 — стрелы и замок из дернового слоя; 8—18 — вещи из культурного слоя: 1—6, 8, 10 — железо; 9 — бронза;
 11—13 — глина; 14—18 — кость

Керамика с городища довольно многочисленна, но малоразнообразна, причем на всем протяжении раскопок не встречено ни единого черепка гончарной посуды. Прежде всего надлежит остановиться на полутора десятках фрагментов, найденных под валом городища в древнейшей части культурных напластований, где индивидуальных находок не встречено⁸. Они сильно отличаются от остальной керамики собранной при раскопках городища. Это обломки светло-желтых слабопрофилированных сосудов больших размеров (диаметр устья — около 30 см), но сравнительно тонкостенных (5—6 мм), прочных, с примесью крупной дресвы, с грубой бугристой поверхностью без орнамента (рис. 22—19). Остальная посуда, найденная, главным образом, на площадке, была в основном двух типов.

Тип I (47 фрагментов венчиков). Представлен сравнительно тонкостенными сосудами (толщина стенок у шейки — в среднем 3—4 мм), в форме горшков, характерная особенность которых — очень невысокий слабо профилированный и слегка оттянутый наружу венчик (рис. 22—9, 18). Стенки, как правило, сильно заглажены мокрым (снаружи обычно больше), но сквозь заглаженность часто проступает бугристость — результат примесей иногда довольно крупной дресвы (рис. 22—9). В некоторых случаях заметны полосы — следы пальцев, проведенные по направлению слева вниз направо; по-видимому, при формовке сосуд поворачивали левой рукой по часовой стрелке (рис. 22—18). Цвет горшков, как правило, золисто-серый, в изломе также серый; заметны следы копоти. Встречено несколько фрагментов серо-желтых (серо-желтых в изломе с такой же слабо-бугристой затертой поверхностью), без орнамента. Диаметр устья сосудов этого типа колеблется в среднем от 7 до 12 см.

Тип II (46 фрагментов венчиков). Представлен более толстостенными сосудами (толщина стенок у шейки в среднем колеблется от 5 до 7 мм), также в форме горшков, но совершенно иного вида (рис. 22—10—12). Обычно это крупные, мягкопрофилированные сосуды с крупным и сильно, но плавно оттянутым наружу раструбообразным венчиком. Стенки их заглажены меньше, чем у горшков предыдущего типа: поверхность их чаще несколько шероховата. Встречаются и упомянутые полосы — следы движения пальцев сверху вниз. Сосуды обожжены гораздо сильнее, чем предыдущие, и черепок издает характерный в таких случаях «звонкий» звук⁹. Примесь, как правило, — средняя и сравнительно крупная дресва, иногда вместе с песком. Цвет сосудов снаружи и в изломе обычно золисто-серый, с копотью. Иногда встречаются светло-желтые фрагменты без копоти (такого же цвета в изломе). Поверхность последних гораздо сильнее заглажена, хотя бугристость и проступает. Отличительная особенность сосудов — орнамент в виде насечки различных типов, идущий по краю венчика. Обнаружено два венчика без орнамента, несколько напоминающих по характеру поверхности сосуды первого типа, но по размерам и форме горла приближающиеся ко второму. По-видимому, это переходная форма.

На Девичьей горе встречено немного более десятка орнаментированных фрагментов. Один из них с ногтевыми вдавлениями (рис. 22—14), как и на фрагменте с городища Тушемля¹⁰, кроме него, — венчик и две стенки украшены беспорядочным орнаментом из круглых, выдавленных торцом тупой палочки ямок, причем каждой из ямок изнутри соответствует округлый бугорок (рис. 22—15). Венчик с этим орнаментом не похож на описанные: он аккуратный, очень сильно заглажен, светло-желтого цвета и без копоти. Не похожи на остальные и три других орнаментированных венчика

⁸ Отсутствие индивидуальных находок объясняется, вероятно, малой площадью траншеи, разрезающей вал.

⁹ Автор вполне сознает субъективность такого «термина», как и всего описания керамики в целом. Слшком еще не выработана в нашей науке терминология для описания керамического материала.

¹⁰ П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4, стр. 176, рис. 6, б.

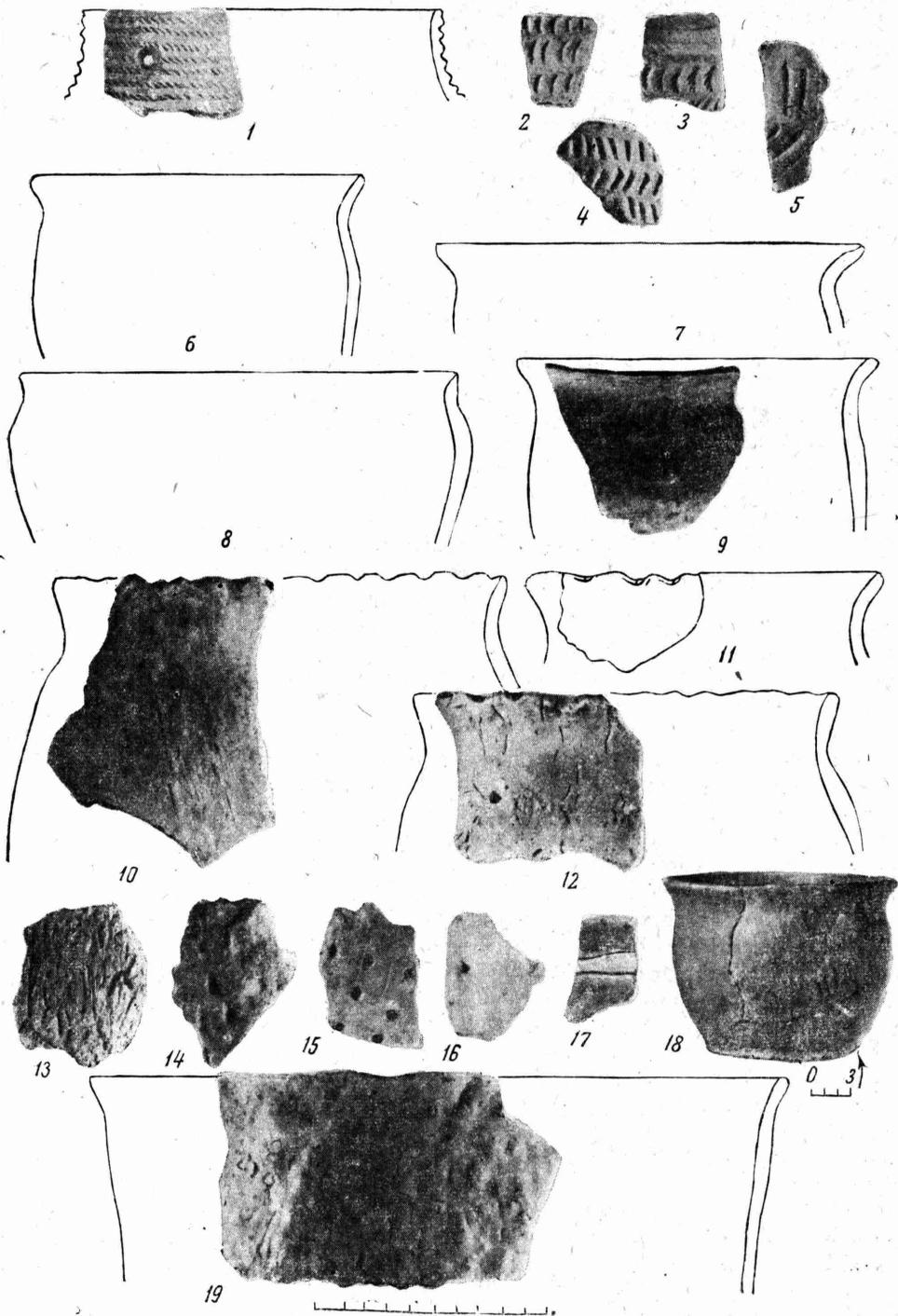

Рис. 22. Керамика городища Девичья гора в Мстиславле

1—5 — эпохи бронзы; 6, 9, 18 — из верхнего слоя, тип I; 8, 10—12 — из верхнего слоя, тип II;
13—17 — орнаментированные фрагменты; 19 — керамика нижнего слоя

(они светло-желтые и без копоти); у одного по шейке нанесены треугольные вдавления (рис. 22 — 16), у двух других, насколько можно судить, по шейке шли две неровные горизонтальные линии; от них отходили косые линии (рис. 22 — 17). Какие-то линии видны еще на одном фрагменте, и две стенки покрыты мелкой штриховкой (рис. 22 — 13). Все днища (50 фрагментов) сосудов Девичьей горы отличаются одной особенностью, общей для всех типов: отсутствием подсыпки песка и исключительной гладкостью нижней поверхности дна, которая часто специально заглаживалась мокрым. По форме днища сосуды делятся в основном на два типа: с переходом от стенки к дну (снаружи) под прямым углом и под тупым. Первые лучше обожжены и часто более тонкостенны. Вторые (всего три-четыре фрагмента) — обожжены плохо и крайне грубы на вид.

В заключение остановимся еще на одном типе керамики. На материке, под культурным слоем, было найдено несколько фрагментов керамики эпохи бронзы (остатки культурного слоя поселения этого времени были уничтожены, по-видимому, в эпоху раннего железного века). Это светло-желтые черепки, покрытые шнуровым орнаментом, насечкой, и т. д. Сосуды эти, может быть, принадлежат одному из вариантов среднеднепровской культуры (рис. 22 — 1, 4).

Перейдем к вопросу о дате поселения. Стрелы первой половины или середины XVII в. (рис. 21—1, 6), отдельные экземпляры из которых (рис. 21—3) полностью аналогичны стрелам Тушинского лагеря (личное сообщение А. Ф. Медведева), найденные в гумусном слое городища, датировать не могут, так как они попали сюда в позднее время (по-видимому, во время знаменитой так называемой Трубецкой резни 1654 г.). Так же не могут датировать замок¹¹, как и два обломка стеклянных браслетов, попавших тоже случайно. К тому же на городище нет и гончарной керамики. Жизнь на поселении замерла в более древние времена, еще задолго до Киевской Руси.

Напомним, что древнейшая часть культурного слоя Девичьей горы вскрыта под валом, там была обнаружена керамика, относящаяся к начальному периоду существования городища. Сопоставление ее с керамикой нижнего слоя городища Тушемля¹² показывает, что оба типа очень близки, а это позволяет условно (до дальнейших специальных раскопок) датировать нижний слой Девичьей горы второй половиной I тысячелетия до н. э.

Верхний слой городища Девичья гора вскрыт под валом, на валу (во вторичном залегании) и, главным образом, на площадке. Среди датируемых предметов, прежде всего следует назвать среднелатенскую фибулу (рис. 21 — 9), весьма близкую фибуле из городища у дер. Городок западной Смоленщины, опубликованной П. Н. Третьяковым¹³; она отличается лишь более плоской спинкой. Дата фибулы по П. Н. Третьякову — I в. до н. э. — I в. н. э. По мнению Ю. В. Кухаренко (личное сообщение), найденная нами фибула датируется I в. н. э. и, по-видимому, является подражанием второй группе (классификации А. К. Амброза) зарубинецких фибул, однако, перевязи у нее на спинке нет. Действительно, фибулы зарубинецкой культуры похожи на мстиславльскую, но точно таких там нет¹⁴. Не противоречат этой дате также и грузики дьякова типа, находка двух железных ножей с горбатой спинкой и сосудов с насечкой по краю венчика.

К какому кругу памятников относится исследованное поселение? Изучение археологических памятников левобережья Верхнего Днепра только

¹¹ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 83, рис. 68—3.

¹² П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины..., стр. 175, рис. 5 — 1.

¹³ Там же, стр. 184, рис. 12.

¹⁴ А. К. Амброз. Фибулы зарубинецкой культуры. МИА, № 70, 1959, стр. 185.

начинается. Полевые исследования П. Н. Третьякова¹⁵ и Е. А. Шмидта¹⁶ охватили территорию, слишком далекую от белорусского течения Днепра, и Мстиславльское городище, таким образом, попадает в зону левобережной Могилевщины, пока не исследованную. Основываясь на некоторых предварительных данных, П. Н. Третьяков предположил, что городища, аналогичные смоленским памятникам типа Тушемли, есть «несомненно, и на западе от Смоленщины — в Белорусской, Латвийской и Литовской ССР»¹⁷. По-видимому, Девичья гора в Мстиславле подтверждает это предположение. Здесь встречена малопрофилированная бугристая керамика без орнамента, подобная найденной в нижнем слое городища Тушемли¹⁸, а также керамика, отдаленно напоминающая зарубинецкую, — с «защипами» или с насечкой по краю венчика, но близкая керамике смоленских городищ¹⁹. Близки смоленским городищам и внешний облик и размеры Девичьей горы, где, правда, не сохранился наружный вал, располагавшийся ниже площадки (там теперь огороды). Наконец, сближает их и устройство вала²⁰.

Итак, судя по приведенным данным небольших раскопок, городище Девичья гора в Мстиславле — двухслойный памятник; оно принадлежит к смоленскому кругу верхнеднепровских городищ, синхронно нижнему слою и нижнему горизонту верхнего слоя городища Тушемля и существовало во второй половине I тысячелетия до н. э. (по-видимому, III—II вв. до н. э.) — I в. н. э. Оно пока может считаться самым западным пунктом для городищ смоленского типа в междуречье Сожа и Днепра. Правда, как показали наши предварительные разведки, подобные городища располагаются и западнее. Так, сходную керамику мы встретили при шурфовке городища Мазалово (в 10 км к западу от Мстиславля). Судя по некоторым данным, та же керамика встречается и на городище Усполье. Дальнейшие разведки в восточной Могилевщине позволят выяснить территорию соприкосновения городищ смоленского типа и городищ со штрихованной керамикой в центральной Белоруссии и ставить вопрос о их взаимоотношении.

---

¹⁵ П. Н. Третьяков. Указ. соч.

¹⁶ Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э. Материалы по изучению Смоленской области. вып. IV. Смоленск, 1961, стр. 344—367.

¹⁷ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 170.

¹⁸ Там же, стр. 175, рис. 5.

¹⁹ А. И. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Смоленск, 1924, табл. XXXIX, рис. 32, 33, 37, 38, 43.

²⁰ См. Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 348.

Э. А. СИМОНОВИЧ

РАБОТЫ НА ЧЕРНЯХОВСКИХ ПАМЯТНИКАХ
В ПРИДНЕПРОВЬЕ

Поселение и могильник в с. Журавка Черкасской области. При разведочном обследовании памятников II—V вв. н. э. в Киевской и Черкасской областях в 1959 г. Средне-Днепровской экспедицией было осмотрено около 50 пунктов¹. Важнейшими итогами разведки было открытие черняховских поселений возле Ромашковского и Черняховского могильников. Выявлено много поселений вдоль старого русла Днепра под Черкассами, что говорит о гораздо большей заселенности района, чем первоначально предполагалось. В результате сборов на ранее известных и открытых экспедицией поселениях, а также при раскопках погребений в селах Деревянном, М. Ржавце, Ромашках, Телешовке и Лесках получен интересный, а в некоторых случаях уникальный материал.

Для многолетних раскопок были выбраны поселение и могильник в с. Журавке Городищенского района Черкасской области², обследованные Ю. В. Кухаренко в 1956 г. Основные работы 1959—1960 гг. развернулись на поселении (вскрыта площадь более 3500 кв. м). Культурный слой был мощным (в среднем один метр); в основании его местами залегали хорошо отличающиеся от черняховских культурные остатки, относящиеся к скифскому времени (VI—IV вв. до н. э.). Показателем даты служат типы тюльпановидных сосудов с валиком с вдавлениями под краем, лощеные миски с загнутыми внутрь краями и жемчужным орнаментом, костяной псалий с двумя отверстиями и два бронзовых трехгранных втульчатых наконечника стрел.

За 1959 и 1960 гг. на поселении открыты остатки четырнадцати углубленных в землю построек прямоугольной и почти квадратной формы с земляными полами, печами, вырытыми в стенах жилища, и с печами-каменками в углу, или же с очагами. При некоторых из построек были сооружены сени (рис. 23—3). Жилища располагались группами, в которые иногда входили хозяйственные постройки. Очаги, не связанные с жилищами, встречаются в большом числе и они отчетливо фиксируют уровень древней дневной поверхности. Разный уровень залегания очагов и отличия в заполнении жилищ позволяют думать о длительности жизни и последовательно-эволю-

¹ Во время разведки, благодаря любезному разрешению Е. В. Махно, были использованы рукописные материалы для составления археологической карты черняховских памятников УССР (см. МИА, № 82, 1960, стр. 9—83), что очень облегчило работы по выбору пункта для стационарных раскопок.

² По имеющимся сведениям, до Великой Отечественной войны сообщения о существовании памятника старины в Журавке и вещи из разрушенных погребений поступили в Черкасский областной краеведческий музей.

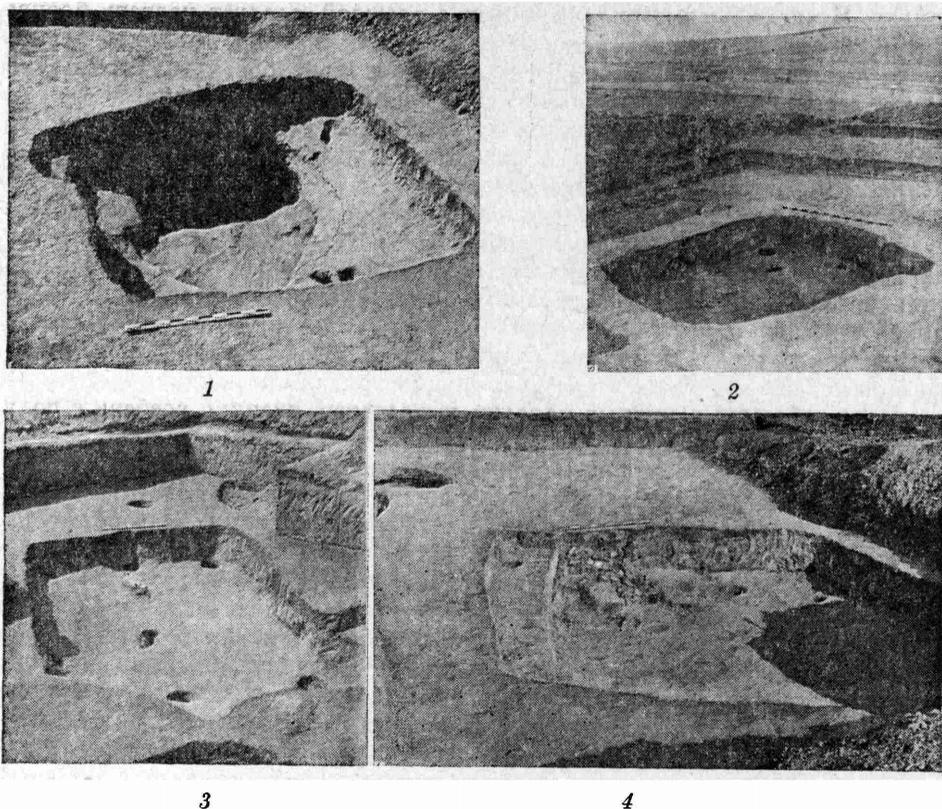

Рис. 23. Углубленные в землю жилища на поселении в с. Журавке

1 — квадратная в плане постройка № 9 с очагом посередине; 2 — прямоугольно-овальная постройка № 2 со сводчатой печью, вырытой в одной из длинных стен; 3 — трапециевидная в плане постройка № 1 с сенями и со сводчатой печью, вырытой в одной из коротких стен. На полу лежит череп лошади, помещавшийся, видимо, на коньке крыши и затем провалившийся внутрь; 4 — почти квадратная в плане постройка № 12 с печью-каменкой в углу

ционном развитии культуры на поселении. Многочисленные ямы (их открыто 170), также в ряде случаев отличаются по заполнению. Интересной оказалась, например, яма диаметром около 3 м, судя по находкам шлаков, производственного назначения. В ней найдено большое количество обломков лепной посуды с поверхностью, обмазанной песчаной смесью или покрытой пальцевыми вдавлениями, напоминающих пшеворскую керамику, и обломков черных гончарных, хорошо лощеных сосудов. В других лепная керамика также сочеталась с гончарной черняховской посудой, но она другого типа — коричневого цвета, из глины с примесью песка, по облику близкая находкам в Ломоватом I и прибрежной части поселения в Лесках. Среди находок выразительные обломки сосудов биконической формы, сковородок, горшков с четко выраженными плечиками и т. п.

Основную массу находок в слое составляют обломки гончарной керамики, в некоторых случаях украшенной редчайшими образцами орнамента, свидетельствующего о существовании в это время культа огня — солнца (знаки в виде сегнера колеса).

Для понимания хозяйства жителей важны находки орудий труда и предметов быта. Так, были обнаружены в неповрежденном виде (один на другом) круглые ручные жернова, установленные около очага. Встречены железные обломки наральников, серп, рыболовный (?) крючок, глиняные грузила и пряслица, обломки костяных «коньков», тупиков и проколов, каменные точильные бруски и многочисленные железные ножи, долотца и

шила. В числе предметов, связанных с одеждой, следует назвать бронзовые и железные фибулы, наконечники ремней, пряжки, булавки. Великолепно сохранившийся костяной фигурный орнаментированный гребень, обломок серебряной иглы, многочисленные фрагменты стеклянных сосудов провинциально-римского происхождения, а также узкогорлые и широкогорлые амфоры свидетельствуют о известной зажиточности жителей поселения и их широких торговых связях.

Раскопки памятника черняховского времени на противоположном берегу ручья, на бугре (урочище Горобинец)³ в условиях, совершенно не типичных для поселений, заставляют подозревать существование здесь святилища. Находки обломков керамики, напоминающей пшеворскую, серебряной римской монеты Антонина Пия II в. н. э. свидетельствуют об использовании этого участка в ранний период существования поселения⁴. Интересно, что тут были встречены орудия труда, как например, костяные проколки, обломки глиняных пряслиц и железный ткацкий гребень с полукруглой спинкой.

На могильнике, находящемся в 250 м от поселения, вверх по склону, и занимавшего довольно большую площадь протяженностью с севера на юг 70 м, исследовано 25 погребений с труположениями. Захоронения с северной ориентировкой по большей части были разрушены в древности; вероятнее всего, это результат каких-то магических действий с целью охранить живых от воображаемого влияния мертвых — обычай, типичный для всей территории распространения черняховских памятников⁵. Погребения с западной ориентировкой — более поздние — датирует стеклянный кубок IV и, может быть, начала V в. н. э. Он был полуовальной формы, удлиненных пропорций и украшен грубо шлифованным орнаментом. Дно кубка — закругленное. В могилах найдено много разнообразной посуды. Так, в одном из богатых погребений (северной ориентировки) оказалось 16 сосудов. В их числе был стеклянный тонкостенный конический кубок, украшенный напаянными нитями (III в. н. э.); другой кубок из разрушенной в древности могилы с северной ориентировкой был полусферической формы, орнаментированный напаянными каплями цветного синего стекла (III — начало IV в. н. э.). В составе погребального инвентаря были также бронзовые и серебряные фибулы, причем особенно интересны серебряные двухщитковые фибулы с полукруглой головкой, ромбической ножкой и двойным пружинным аппаратом. Встречались в могилах костяные гребни, глиняные пряслица, железные ножи, бусы и т. п. От мясной пищи, положенной вместе с погребенным, уцелели кости мелкого рогатого скота. Существование обряда трупосожжения доказывает находка кальцинированных костей вместе с подвергшимися обжигу 14-гранными сердоликовыми бусами, которые извлечены из ямы, вырытой, судя по аналогиям, вероятно, с ритуальными целями⁶.

Разведочные маршруты в окрестностях с. Журавки позволяют говорить о густой заселенности этого района (кроме упомянутых памятников, известны еще поселения в урочище Выдумка и напротив урочища Бедвено).

Изучение материалов, полученных в результате раскопок в с. Журавка — интересных жилых комплексов, инвентаря погребений, — дает возможность проследить детальнее этапы развития одного из черняховских памятников Среднего Приднепровья. Предположение о том, что длительно существовавшие и наиболее поздние поселения культуры полей погребений

³ С ним связаны местные легенды о кладе и сведения о находке, по-видимому, в 1905 г. статуи человека.

⁴ Другая монета — случайная находка, видимо, происходящая с территории поселения, расположенного на противоположном берегу, оказалась, по определению К. В. Голенко, подделкой динария времени Марка Аврелия.

⁵ Э. А. Симонович. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского. МИА, № 82, 1960, стр. 238.

⁶ Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, № 82, 1960, стр. 256.

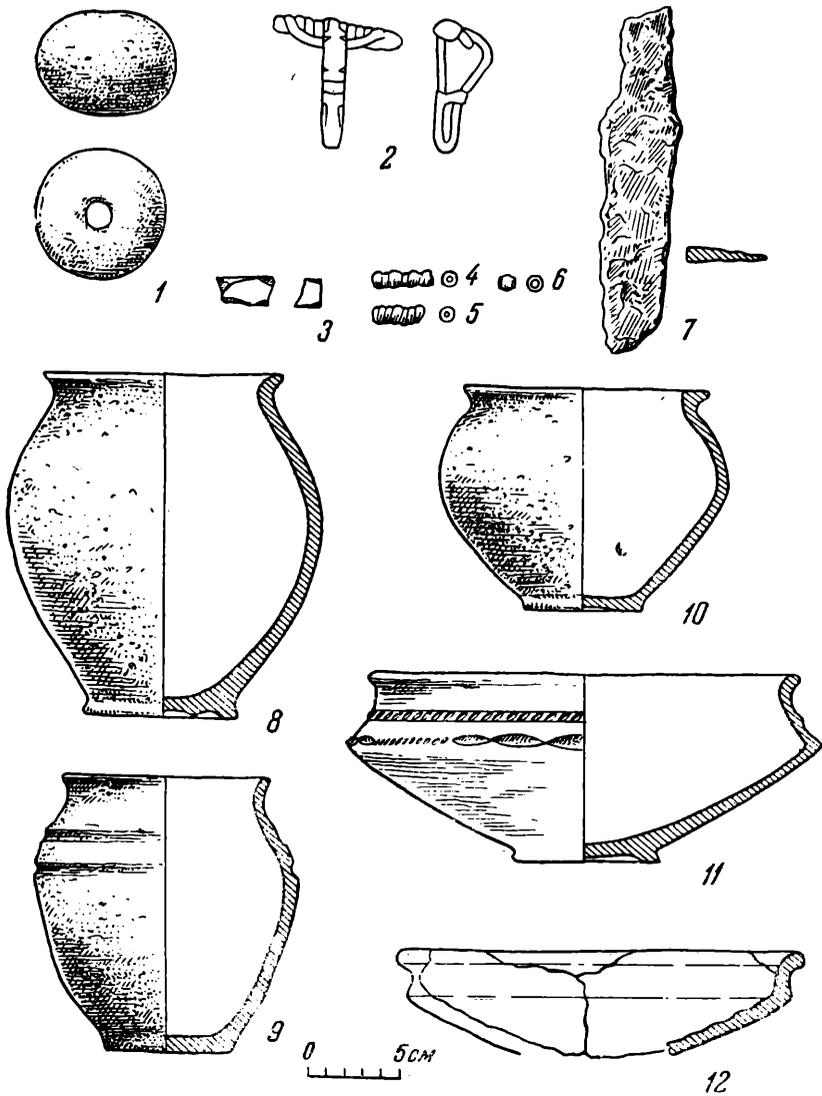

Рис. 24. Находки на могильнике у с. Деревянное

- 1, 3 — глиняное пряслице и обломок обожженной сердоликовой бусины, найденные вне погребений;
 2, 4—6 — бронзовая фибула и стеклянные бусы из погребения № 4; 7 — обломок железного ножа из перекопа, разрушившего погребение № 1; 8—10 — глиняные гончарные сосуды из погребения № 4; 11 — глиняная гончарная миска из погребения № 3; 12 — обломки сероглиняной миски — случайная находка 1940 г.

следует искать вдали от оживленных торговых путей и больших речных магистралей, по-видимому, подтверждается исследованиями в Журавке.

Поселение и могильник с. Деревянное. Один из самых северных, ближайших к Киеву, памятников черняховской культуры это — поселение и могильник в с. Деревянное Обуховского района. В самом Киеве известны немногочисленные находки, относящиеся к римскому времени, в том числе фрагменты черняховской керамики; открыты также и четыре погребения с труположениями⁷. Севернее Киева, в Поднепровье, памятники черня-

⁷ И. М. Самойловський. Пам'ятки культури полів поховань у Києві. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 153—157; М. К. Каргер. Древний Киев. М.—Л., 1958, стр. 63—92.

ховской культуры до настоящего времени не обнаружены⁸. На юг от него начинаются залесенные низменные земли, которые неохотно заселяли древние земледельцы. За р. Стугной берег резко повышается, образуя плато, пригодное для земледелия. На одном из ручьев бассейна Днепра, в с. Деревянное, Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР в 1959 г. открыто черняховское поселение. Кроме обломков гончарной сероглиняной керамики эпохи полей погребений, найдены фрагменты венчиков посуды эпохи Киевской Руси XII—XIII вв. Вверх по склону, на запад от древнего поселения, находился могильник. Он обнаружен в 1940 г., при прокладке дороги; здесь было открыто погребение с труположением, которое сопровождала сероглиняная гончарная миска с шероховатой поверхностью (рис. 24—12). Позднее этот участок был обследован Е. В. Махно и М. Л. Макаревичем⁹. Сосуды, из погребений, неоднократно находили в обрыве берега. Один из таких сосудов — гончарная, биконическая миска с черной лощеной поверхностью была передана в 1959 г. Средне-Днепровской экспедиции (рис. 25—1). Разведочными раскопками экспедиции в 1959 и 1961 гг. на территории могильника обнаружены четыре погребения с труположениями, залегавшие на небольшой глубине (вследствие смыывания почвы со склонов). Размыванием берегов объясняется отсутствие сведений о находках могил с трупосожжениями, обычно расположенных на небольшой глубине. О существовании же этого обряда свидетельствуют обнаруженные в раскопе отдельные кальцинированные косточки, обломок обожженной четырнадцатигранной типично черняховской бусы из сердолика (рис. 24—3), кусочки оплавленного стекла. Вне могил встречены также и необожженные вещи, свидетельствующие, как и на других черняховских могильниках, о существовании обряда тризны¹⁰. Кроме мелких обломков гончарной посуды, здесь было найдено своеобразное уплощенно-шаровидное глиняное пряслице с лощеной поверхностью (рис. 24—7).

Все погребения залегали на глубине от 0,7 до 1,25 м. Они довольно хорошо сохранились, кроме погребения № 2, почти полностью уничтоженного обрывом; кроме того, оно было разрушено еще в древности. От скелета уцелело всего несколько костей, позволяющих думать, что он лежал головой на северо-запад, как и в захоронении № 3 (рис. 26—II); остальные два были строго северной ориентировки, с сезонными отклонениями. Все погребенные лежали на спине; ноги вытянуты, кроме женского захоронения (№ 4), где правая нога была согнута в колене и подложена под вытянутую левую (рис. 26—III). Верхняя часть туловища погребенных была разрушена в древности, и некоторые кости залегали выше дна могильной ямы. Сохранившиеся кости рук показывают, что они были вытянуты вдоль тела. Все захоронения сопровождалось инвентарем и жертвенной пищей (найденны кости мелкого рогатого скота в могилах № 1 и 2)¹¹. В погребении № 1 справа от костяка стояла большая сероглиняная миска с шероховатой поверхностью (рис. 25—2), в которой лежал черный лощеный кубок (рис. 25—3). Возле ног в погребении № 3 обнаружена раздавленная землей черная лощеная миска. Она украшена по плечикам валиком с насечками, а по грани тулова чередуются группы овальных срезов и косых насечек (рис. 24—11). В миске сохранились обломки стеклянного толсто-стенного кубка конической формы, вся поверхность которого украшена шлифованными плоскостями неправильно-ромбической формы (рис. 25—4). В погребении № 4 слева от покойного найдены два горшка сероватого цвета, с шероховатой поверхностью (рис. 24—8, 9) и высокая сероглиня-

⁸ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, № 82, 1960, см. карту рис. 1.

⁹ Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 31.

¹⁰ Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 310—311.

¹¹ Определения костей животных произведены В. И. Цалкиным.

ная лощеная миска (рис. 24—10). Остальной инвентарь захоронений многочислен: железный нож (в перекопе над погребением № 1) (рис. 24—7), бронзовая арбалетная фибула подвязного типа с железной осью пружины (рис. 24—2) и несколько стеклянных бусинок черного цвета (рис. 24—4). В заполнении этой же могилы были отмечены остатки угольков.

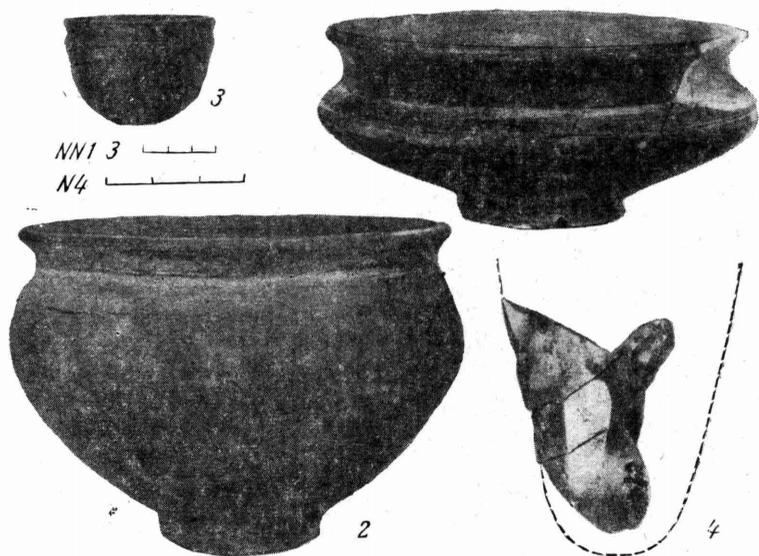

Рис. 25. Сосуды из разных погребений у с. Деревянне

1 — случайная находка — миска из разрушенного обрывом берега погребения;
2, 3 — большая миска и кубок из погребения № 1; 4 — обломок нижней части
стеклянного кубка из погребения № 3

Могильник у с. Деревянне — один из самых северных, ближайших к Киеву, — ничем не отличается от других подобных памятников. Северная ориентировка, вытянутое положение погребенных, расположение сосудов в головах или в ногах или группами, угольки в ямах, разрушение могил в древности — все эти черты характерны для многих черняховских захоронений II—V вв. н. э. Комплекс и характер сопровождающего инвентаря тоже обычен для аналогичных памятников: кухонная гончарная грубоглиняная керамика, лощеная и нелощеная столовая посуда. Отметим особо только большой сосуд из погребения № 1 и богато украшенную миску из погребения № 3. Первый — с раздутым округлым туловом и высоким поддоном небольшого диаметра живо напоминает формы пшеворской керамики (рис. 25—2)¹². Связи с пшеворской культурой не раз уже отмечались нами для черняховских памятников¹³. Тем интереснее отметить еще одну черточку этого сходства на материалах северного могильника. Второй сосуд — миска, обычной биконической формы очень своеобразно украшена. Интересен прием чередования разнородной орнаментации по грани тулова (рис. 24—11). Нам известен только один случай подобного чередования по материалам Гурбинецкого могильника на Южной Черниговщине¹⁴.

¹² J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa-Wroclaw, 1955, s. 217, rys. 623, 625; M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce wschodniej. Lwów, 1932, s. 75.

¹³ Э. А. Симонович. Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 106.

¹⁴ М. Макаренко. Археологічні досліді та розшуки на Прилуччині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р. Київ, 1927, стр. 111—113.

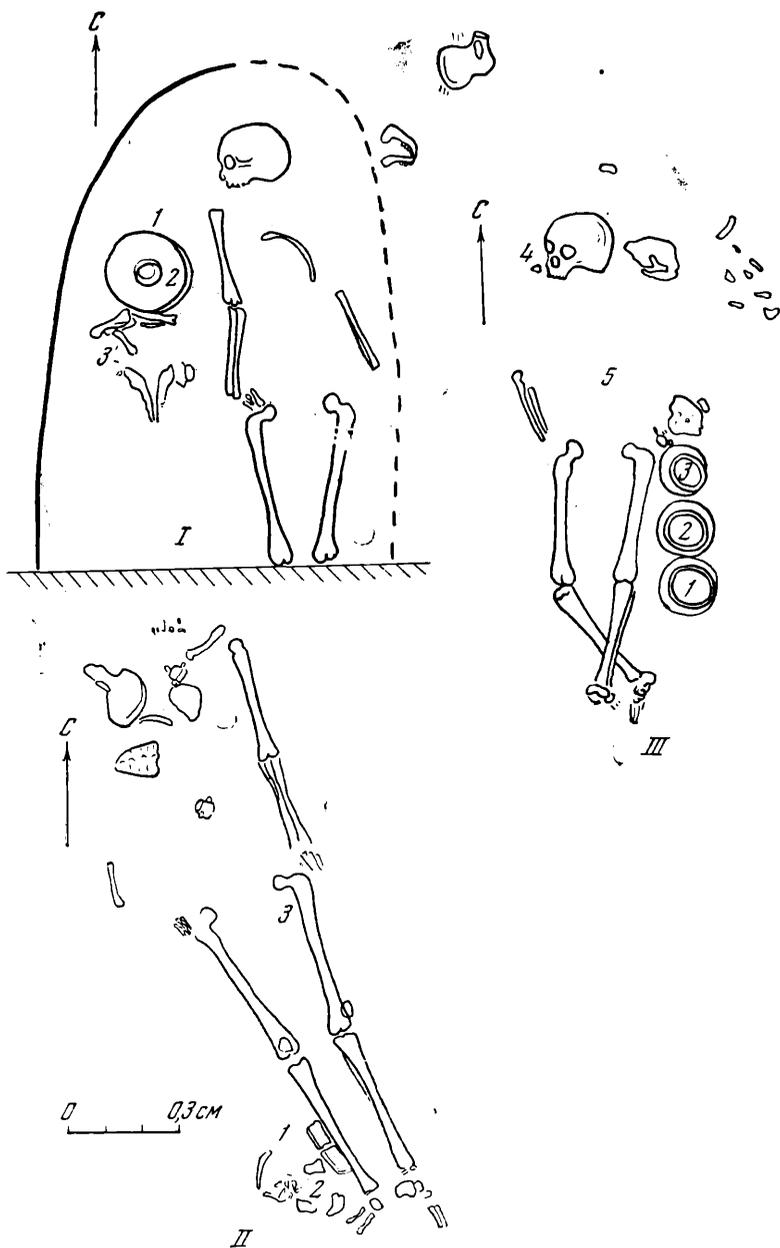

Рис. 26. План погребений могильника у с. Деревянное

I — погребение № 1: 1 — гончарная сероглиняная миска; 2 — гончарный лощеный кубок; 3 — кости мелкого рогатого скота. *II* — погребение № 3: 1 — гончарная черная миска; 2 — обломки толстостенного стеклянного кубка; 3 — следы окислов бронзы на бедренной кости. *III* — погребение № 4: 1—3 — гончарные сероглиняные сосуды; 4 — бронзовая фибула; 5 — стеклянные бусы

Чередование овальных срезов с косыми линиями пунктирной орнамента-ции, известное по материалам из Луки-Врублевцевкой в Подолии, в какой-то мере также напоминает прием украшения сосуда из с. Деревянное. Сходство столь характерной отделки на сосудах из Деревянного и Гурби-нец позволяет предполагать происхождение обоих сосудов из одного гон-чарного центра.

Бронзовая фибула из погребения № 4 и обломки стеклянного кубка из погребения № 3 довольно точно определяют датировку могильника. Бронзовая фибула подвязного типа подобных пропорций не может относиться ко времени более позднему, чем III — начало IV в. н. э. Такого типа фибулы с длинной пружиной, например, найдены в раннечерняховском могильнике II—III вв. н. э. в пос. Каменка на Нижнем Днепре¹⁵. Время же существования конических толстостенных стеклянных кубков со шлифованным ромбическим орнаментом определяется, на большом сравнительном материале, концом III и в основном IV вв. н. э.¹⁶ Датировке этим временем могильника в с. Деревянном, относящегося к эпохе расцвета черняховской культуры, когда в некоторых областях из инвентаря могильников почти полностью исчезает лепная посуда, не противоречат и другие находки.

Значение описанного памятника не только в том, что он представляет северные поднепровские могильники черняховской культуры. Открытые здесь типы погребений позволяют поставить вопрос о достоверности некоторых данных, полученных В. В. Хвойкой при раскопках Черняховского могильника. В этом могильнике, ближайшем к описанному нами с юга, по сведениям В. В. Хвойки, неоднократно встречались погребения с западной ориентировкой, сопровождаемые богатым инвентарем (например, № 87, 110, 160 и др.)¹⁷. Позднейшие раскопки других могильников в самом Черняхове, как правило, этого наблюдения не подтверждают¹⁸. Более поздние захоронения с западной ориентировкой оказываются почти всегда на большой глубине и почти без инвентаря. Нетипичность отмеченных В. В. Хвойкой наблюдений подтверждают и материалы могильника в с. Деревянном, где погребения с инвентарем ориентированы на север.

---

¹⁵ Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья..., стр. 292, рис. 8—3.

¹⁶ G. Ekholm. Orientalische Gläser in Skandinavien während der Kaiser und frühen Merowingerzeit. Acta Archaeologica, 27, Kopenhagen, 1956, S. 45, A 66.

¹⁷ В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2, нов. сер. СПб., 1901, стр. 172, 178—179.

¹⁸ В результате работ 1961 г. на Черняховском могильнике Средне-Днепровской экспедицией, помимо погребений, ориентированных меридионально, было вскрыто детское безынвентарное захоронение, обращенное головой на запад.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

ПОСЛЕКУШАНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

На протяжении последних лет одним из главных направлений в исследовании археологических памятников северной Бактрии является изучение курганных могильников, относящихся к античной эпохе. Это вполне закономерно, ибо с кочевниками связаны основные события последних веков до н. э. и второй четверти I тысячелетия, сыгравшие решающую роль в исторических судьбах не только Бактрии, но и всей Средней Азии.

Письменные источники сохранили нам очень скудные и даже в отдельных случаях противоречивые данные об этих событиях и о тех кочевых племенах, которые в разные периоды вторгались в пределы земледельческих областей. Достаточно напомнить обширный круг весьма сложных вопросов, составляющий кушанскую проблему: из-за ограниченности сведений в письменных источниках большинство этих вопросов остается неразрешенными и до настоящего времени, несмотря на усилия многих исследователей на протяжении почти двухсот лет. Аналогичное положение существует и в отношении другого круга вопросов, связанного с событиями IV—V вв. н. э. Здесь мы располагаем сравнительно более подробными сведениями, но согласование их между собой очень сложно и неизбежно связано с необходимостью различных предположений и гипотетических построений.

Такое положение вполне естественно обуславливает необходимость привлечения археологических данных в качестве основного источника восполнения пробелов в наших знаниях относительно указанных «темных» периодов. При всей своей специфике археологические материалы имеют и определенные преимущества: они часто могут считаться более объективно отражающими реальные факты, чем известия письменных источников, авторы которых жили далеко от Средней Азии и располагали лишь ограниченной информацией о происходивших здесь событиях.

В настоящее время, после систематических раскопок больших курганных могильников в Бишкентской долине (Южный Таджикистан), можно уже с достаточной уверенностью выделить погребения II—I вв. до н. э., связанные с теми кочевыми племенами, которые уничтожили греко-бактрийское государство. Постепенно вырисовывается и территория их распространения. Находки этих погребений смогут послужить основой для дальнейшей разработки некоторых важных вопросов кушанской проблемы и в том числе тех, которые фактически не освещены в письменных источниках. Накопление палеоантропологических материалов создаст реальную перспективу нового подхода к решению вопроса о происхождении и местах первоначального обитания хотя бы части указанных племен.

Раскопки в Бишкентской долине дали также немало различных материалов, существенных для изучения собственно кушанского периода (I—IV вв. н. э.). Это время здесь характеризуется созданием небольшой

ирригационной системы и появлением нескольких сравнительно небольших поселений. Наряду с этим происходит и изменение характера погребений: хотя многое еще неясно, но с почти полной уверенностью можно говорить о том, что курганы для этого времени уже нехарактерны.

Кроме многочисленных курганов последних веков до н. э. и могильников кушанского периода, обнаружено несколько очень интересных погребений, относящихся к более позднему времени. Они немногочисленны и нам кажется целесообразным дать здесь полное описание каждого из них.

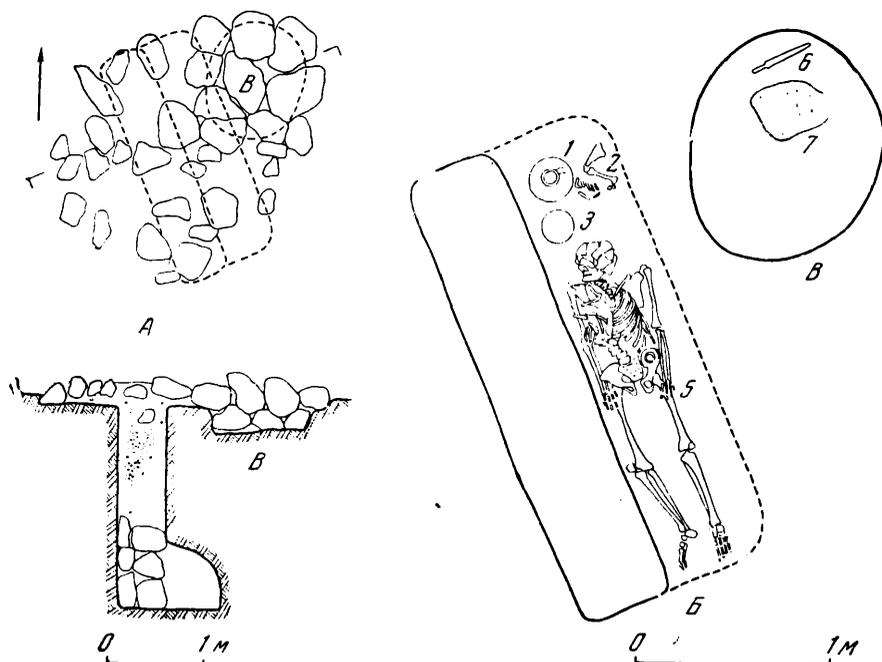

Рис. 27. Тулхарский могильник. Погребения в кургане 1, 48

А — план и разрез кургана; Б — план погребения; В — «впускное» погребение:

1 — кувшины; 2 — кости барана; 3 — бокал; 4 — железная пряжка; 5 — железный перстень; 6 — кинжал; 7 — скопление кальцинированных костей.

1. В Тулхарском могильнике, в кургане I, 48, расположенном обособленно от остальных, вскрыто, условно говоря, впускное погребение (рис. 27) в северо-восточном секторе насыпи. Оно частично выходило и за ее пределы. Это овальная яма с не вполне правильными очертаниями размером $0,6 \times 0,5$ м и глубиной 0,3 м, вытянутая с юга на север. Заполнена она была камнями и перекрыта выкладкой также из камней в один слой, близкой по форме к квадрату.

На дне ямы (рис. 27—В), в северной ее половине, расчищено пятно кальцинированных человеческих костей и мелких углей; севернее его, вблизи от стенки, лежал железный кинжал.

При сооружении выкладки, видимо, частично была разобрана насыпь кургана, к которой она как бы пристроена.

2. В 20 м от северо-западного угла городища Хан-Газа (в северной части Бишкентской долины) обнаружена небольшая каменная насыпь — выкладка, близкая по форме к квадрату (рис. 28). Под ней была яма овальной формы с не вполне правильными очертаниями размером $0,7 \times 0,8$ м и глубиной 0,35 м, вытянутая с юга на север. Заполнение ее состояло из камней.

На дне ямы прослеживалось довольно большое пятно кальцинированных человеческих костей и мелких углей, занимавшее почти всю северную

половину. Вблизи от него было бесформенное скопление древесного тлена. Около северной стенки ямы обнаружена бронзовая монета (до очистки это был лишь бесформенный сгусток окислов).

3. Несколько севернее описанного выше погребения находилось еще одно — аналогичного облика. Это была также небольшая насыпь — выкладка из одного слоя

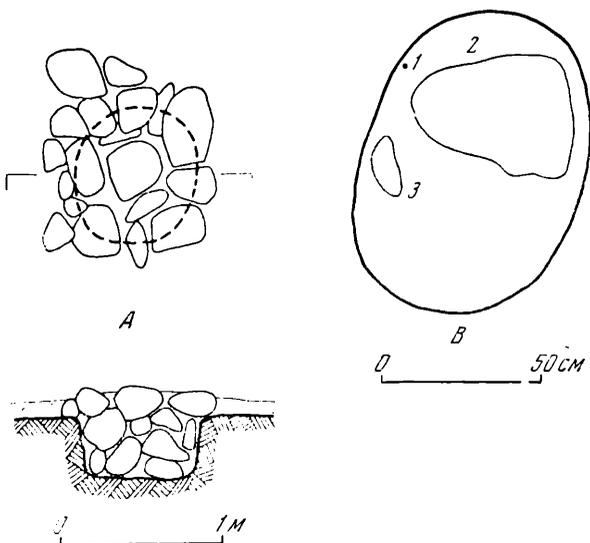

Рис. 28. План и разрез каменной насыпи-выкладки № 1 у городища Хан-Газа

A — план и разрез выкладки; *B* — план погребения: 1 — бронзовая монета; 2 — скопление кальцинированных костей; 3 — скопление древесного тлена

каменной, близкая по форме к квадрату, но менее четких очертаний. Под ней была яма неправильной овальной формы, размером $0,65 \times 0,55$ м и глубиной $0,4$ м, вытянутая с юга на север; заполнена она небольшими камнями.

На дне ямы, в северной ее половине, прослеживается большое пятно кальцинированных человеческих костей и мелких углей; около него — незначительное количество древесного тлена.

4. В сравнительно большом кургане, расположенном обособленно, несколько севернее Коккумского могильника (южнее городища Хан-Газа) вскрыто «впускное» погребение, близкое

обнаруженному в кургане I, 48 Тулхарского могильника. Это — яма овальной формы довольно неправильных очертаний размером $0,8 \times 0,65$ м и глубиной $0,35$ м, вытянутая с юга на север. Она была в северной части насыпи, частично выходя за общий контур. Заполнение ее составляли камни. Была и выкладка, но точно установить ее форму не удалось, так как курган ограблен и тут лежали камни, явно перемещенные из других частей насыпи.

На дне ямы центральную и северную часть занимало пятно кальцинированных человеческих костей и мелких углей. Южнее его прослеживалось узкое вытянутое с запада на восток скопление древесного тлена, около восточного конца которого обнаружены очень мелкие совершенно окислившиеся обломки — чешуйки железа. Не исключена возможность, что это остатки стрелы (или нескольких стрел).

Все четыре погребения характеризуются несомненным единством обряда при одинаковом типе могильного сооружения. Это во всех случаях полное трупосожжение, совершавшееся где-то вне могилы с последующим захоронением кальцинированных костей в небольшой грунтовой яме. Последняя неизменно овальной формы, причем вытянута всегда с юга на север; очень близки и размеры ее, включая и глубину. Одинаковы и характер заполнения и форма насыпи-выкладки. В двух случаях такие курганы-выкладки как бы пристроены к насыпям более ранних курганов и при этом занимают одинаковое положение — в северной их части.

Общая для всех черта — крайняя ограниченность сопровождающего инвентаря; судя по всему, в каждом погребении был только какой-то один предмет. При этом невольно обращает на себя внимание полное отсутствие

керамики. Правда, для курганов последних веков до н. э. также отмечены случаи, когда глиняные сосуды отсутствуют — но это лишь редкие исключения из правила; что касается погребений собственно кушанского времени, то керамика в них — неизменная составная часть сопровождающего инвентаря

Таким образом, перечисленные особенности дают нам достаточные основания видеть какую-то особую, отличную от всех других категорию погребений, относящихся, по всей видимости, к одному и тому же периоду. Тот факт, что два погребения этой категории были «впускными» в курганах последних веков до н. э., неопровержимо свидетельствует о том, что они относятся ко времени во всяком случае позднее рубежа нашей эры. Определяющей для их датировки может служить монета (рис. 29), о которой уже упоминалось выше; однако она чрезвычайно плохой сохранности и определение ее может носить только предположительный характер. По общему облику и размеру она близка позднекушанским, а также сасанидским монетам самого малого номинала. На лицевой стороне ее различимы остатки сильно искаженного и разрушенного изображения, которое можно интерпретировать как человеческую голову в профиль или в поворот, увенчанную сложной короной. В короне прослеживаются три неясных по форме элемента, располагающихся в один ряд, и какое-то округлое венчание, возвышающееся над ними. Слева внизу около головы не вполне ясная по очертаниям округлая выпуклость. По краям мелкие выпуклости — сильно деформированные «перлы». Изображение на оборотной стороне худшей сохранности: здесь заметны три вытянутые выпуклые фигуры, расположенные вертикально, параллельно друг другу. Средняя из них утолщена в средней части, что дает некоторые основания сопоставлять ее с характерными для сасанидских монет жертвенниками.

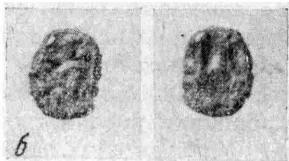
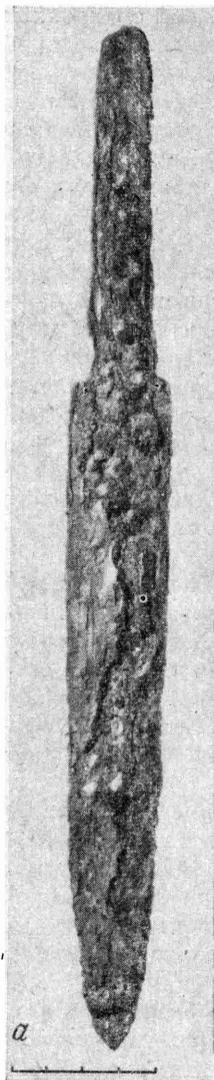

Рис. 29. Вещи из погребений

а — кинжал из кургана 1, 48; б — монета из кургана у Хана-Газа

Все эти наблюдения позволяют предположить, что найденная нами монета, вероятнее всего, сасанидского чекана или подражание ему; в известной мере ее можно сопоставлять с небольшой бронзовой монетой Шапура II (она также очень плохой сохранности), изданной Ф. Паруком¹. Если это пра-

вильно, то есть основания датировать рассматриваемую категорию погребений концом IV или началом V в. н. э. С такой датировкой полностью согласуется и вторая находка: железный кинжал без перекрестия и наверхия (рис. 29 — а). Такого типа кинжалы, по общепринятому мнению, характерны для II—IV вв. Они известны в Средней Азии по находкам из курганов Джунского этапа в Чаче² и из курганов подгорной полосы Копет-

¹ F. Paruk. Sassanian Coins. Bombay, 1924, табл. XI, № 241.

² М. Э. Воронеж. Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР. ВДИ, 1940, № 3/4, стр. 336 и след.; Т. Г. Оболдуева. Курганы Каунчинской и Джунской культур в Ташкентской области. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 102.

дага в Туркмении³; в пределах же Бактерии этого первая находка. Подтверждают указанную датировку и некоторые косвенные соображения. Прежде всего заслуживает внимания факт расположения двух погребений рассматриваемой категории в непосредственной близости от городища Хан-Газа. По всем известным в настоящее время данным, синхронные поселения могильники всегда находятся на более или менее значительном расстоянии от них; и нет никаких оснований допускать здесь какое-то исключение. Следовательно, эти погребения были совершены уже тогда, когда городище стало необитаемо. Благодаря небольшим раскопкам, проведенным в 1958—1959 гг., можно с уверенностью считать, что последний этап жизни городища относится к III—IV вв.: самый верхний слой его датируется находкой позднекушанской монеты. Логично считать, что указанные погребения относятся, таким образом, к концу IV или же V в. э.

Немаловажен и тот факт, что не только в курганах последних веков до н. э., но и в могильниках, синхронных поселениям, совершенно не известен обряд трупосожжения: мы неизменно встречаем здесь трупоположение в каких-то еще не вполне ясных наземных каменных сооружениях. Не засвидетельствован он также в могильнике средневекового периода. Таким образом, вся совокупность имеющихся в нашем распоряжении данных — прямых и косвенных — свидетельствует о том, что интересующая нас категория погребений должна быть датирована в пределах IV—V вв. н. э. Отмеченные выше отличия в обряде и в облике могильного сооружения указывают на то, что она не может считаться связанной с какими-либо племенами кушанской группы.

Период IV—V вв. н. э. — это время, когда в южных областях Средней Азии появляются новые группы кочевых племен, фигурирующие в письменных источниках под названием хионитов и эфталитов. До настоящего времени остается еще невыясненным, следует ли их различать или же считать, что это разные наименования одного и того же племенного объединения. При современном уровне наших знаний более вероятным представляется первое; однако окончательное решение на основе одних только письменных источников, очевидно, невозможно.

Естественно, перед нами встает вопрос: с какой группой кочевников следует связывать рассматриваемую категорию погребений? Дать на него вполне твердо обоснованный ответ невозможно; слишком ограничено число самих погребений, обнаруженных притом в пределах очень небольшой территории. Мы вправе только высказывать более или менее вероятные предположения исходя из сведений относительно погребальных обрядов, содержащихся в письменных источниках.

Китайские хроники, описывая особенности нравов и обычаев эфталитов, указывают, что последние хоронили умерших или в каких-то каменных сооружениях — если это были представители богатых семей — или же в грунтовых ямах — если это были бедняки⁴. Есть и некоторые другие дополнительные сведения, но во всех случаях, несомненно, речь идет о трупоположении. Необходимо отметить, что китайцы различали обряды погребений тех племен и народов, с которыми они имели тот или иной контакт: в частности, они выделяли трупосожжение, что достаточно хорошо засвидетельствовано в сообщениях о тюрках. Таким образом, следуя письменным источникам, рассматриваемые погребения, по-видимому, не могут быть связаны с эфталитами.

Наиболее вероятно, что они принадлежат хионитам. Это позволяет предполагать прямое свидетельство Аммиана Марцеллина о наличии у них

³ А. А. Марущенко. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. ТИИАЭ, АН Туркм. ССР, т. V, 1959, стр. 113 и сл.

⁴ И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 269.

обычая группосожжения,— сведения эти мы находим в рассказе об осаде Амиды Шапуром II и его союзником хионитским предводителем Грумбатом. Тело погибшего в бою сына Грумбата после оплакивания было сожжено; пепел же собрали в серебряный сосуд с тем, чтобы отвезти на родину для погребения. С такой интерпретацией полностью согласуется и установленная выше датировка.

Хионитские погребения в Бишкентской долине не являются неожиданностью: письменные источники достаточно определенно свидетельствуют о том, что эта группа кочевых племен проникла в IV в. н. э. на территорию Бактрии и, видимо, сыграла значительную роль во временном усилении позднекушанского Кидаритского государства.

Однако обращает на себя внимание крайняя малочисленность таких погребений, в особенности сравнительно с курганами кочевников последних веков до н. э.⁵ По-видимому, мы вправе предположить здесь свидетельство сравнительной кратковременности пребывания хионитов если не во всей северной Бактрии, то, во всяком случае, на данной небольшой, но издавна привлекавшей к себе скотоводов территории. Уместно отметить, что и письменные источники позволяют предполагать, что хиониты сравнительно быстро продвинулись далее на юге — в пределы Афганистана.

---

⁵ Ввиду того, что памятники Бишкентской долины исследованы достаточно полно, данное положение может рассматриваться как установленный факт.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

РАБОТЫ ИРТЫШСКОГО ОТРЯДА

Основной задачей Иртышского отряда Западно-Сибирской экспедиции¹ в 1961 г. было исследование памятников I тысячелетия н. э. Работы производились в Усть-Ишимском районе Омской области. По своим природным условиям он входит в южную часть таежной зоны, что наложило известный отпечаток на характер материальной культуры и на связи ее носителей с другими областями и, в частности, с лесостепью и степью юга и юго-востока Западной Сибири, а также с лесостепными племенами Зауралья. Основным объектом изучения было городище Голая Сопка, где проведены раскопки; небольшая площадь вскрыта на находящемся по соседству IV Новоникольском городище. Кроме этого, были обследованы оба берега Иртыша от с. Усть-Ишим до пос. Малая Бича (маршрут около 150 км), где открыты новые памятники разных эпох.

Городище Голая Сопка расположено около с. Новоникольск, на отдельной возвышенности правого высокого берега Иртыша. Местоположение городища, исключительно благоприятное для контроля над основным водным путем с севера на юг, обусловило его заселенность, начиная с эпохи энеолита и с некоторыми перерывами до XIV в. н. э. На городище был заложён раскоп площадью около 130 кв. м. Мощностъ культурного слоя обычно несколько превышает 1 м, но в отдельных местах — более 2 м. Продолжительность обитания на одном месте населения различных эпох привела к смешению разновременных культурных наслоений и обусловила большую фрагментарность материалов, почти не разделяющихся стратиграфически.

Находки, связанные с периодом энеолита, представлены крупным шлифованным теслом из темно-серого сланца, со сбитым рабочим концом (рис. 30—1). Длина его 13 см. Тесла подобного типа встречены на Екатерининской стоянке² и на позднеэнеолитических стоянках, обследованных Новосибирской экспедицией, в частности на поселении Ирмень II³. Вторая находка, вероятно, относящаяся к этому же времени, это — небольшое шлифованное долотце длиной 4 см трапециевидной формы, из серо-зеленоватого плотного сланца. Форма орудий позволяет отнести их к культуре лесостепных энеолитических племен, выделяемых М. П. Грязновым⁴, датируемой концом III тысячелетия до н. э.

К эпохе поздней бронзы относится керамика (преимущественно в мелких фрагментах), встреченная в раскопе и в подъемном материале в осыпи

¹ Начальник экспедиции В. Н. Чернецов, начальник отряда В. А. Могильников.

² В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области КСИИМК, вып. XVII, 1947, рис. 33—9.

³ М. П. Грязнов. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. КСИИМК, вып. 64, 1956, рис. 7—в.

⁴ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 29.

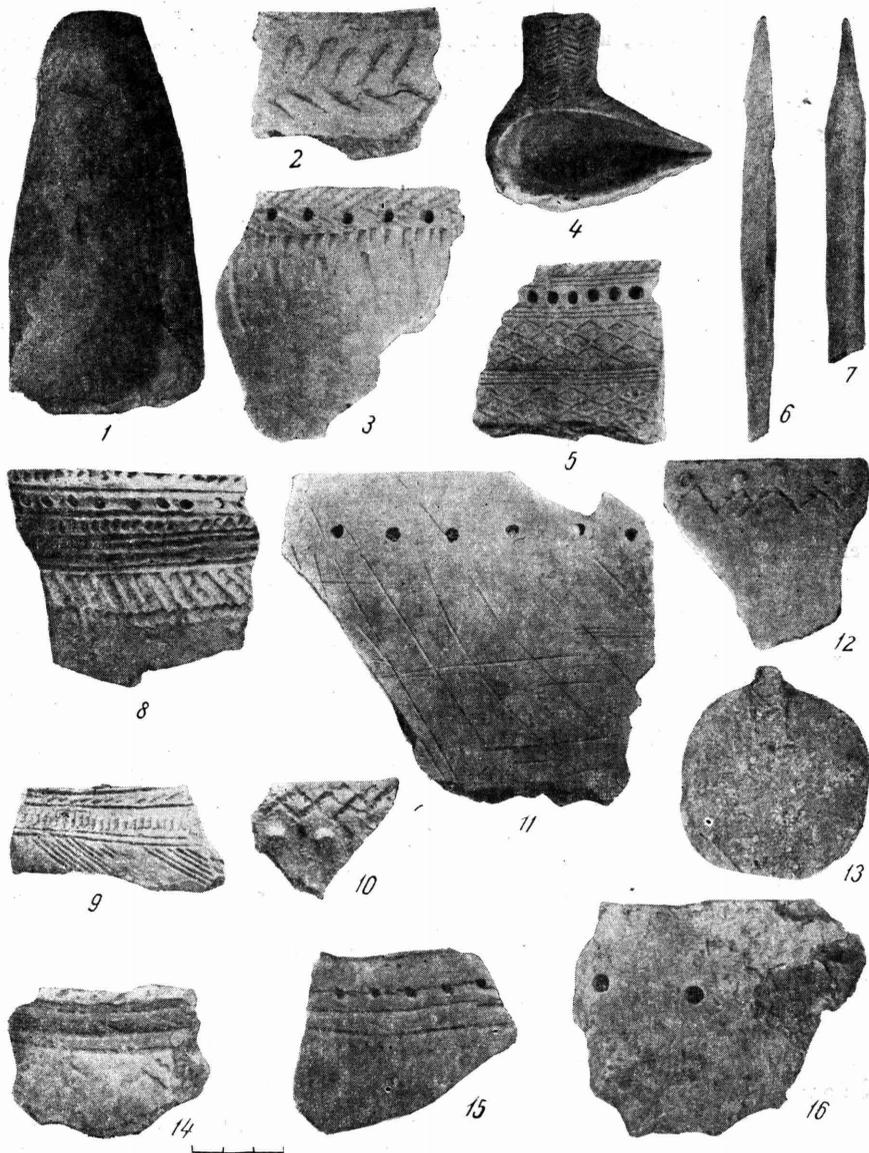

Рис. 30. Находки на городищах Голая Сопка и IV Новоникольское

1 — каменное шлифованное долото; 2, 3, 5, 8—12, 14—16 — керамика; 4 — алячка; 6, 7 — костяные стрела и проколка; 13 — медная бляха;
1—3, 5—16 — Голая Сопка; 4 — IV Новоникольское

городища (рис. 30—9, 12, 14, 15). Керамика изготовлена из хорошо промешанной тонкой глины без заметных примесей, хорошо обожжена, с очень ровной, иногда лощеной наружной поверхностью. По характеру орнамента и форм ее можно разделить на три типа. Орнамент сосудов первого типа в виде «жемчужин» и сеточки выполнен зубчатым штампом или простой насечкой (рис. 30—10, 12) и покрывает лишь шейку сосуда, не заходя на тулово, или захватывает только верхнюю его часть. Реже встречается узор в виде треугольника вершиной вниз (рис. 30—9), выполненный на плечиках сосуда гребенкой (второй тип). Третий тип представлен большими банкообразными сосудами, хорошего обжига, оранжевого цвета

(рис. 30—11). Поверхность сосудов иногда лощеная; орнамент был в виде «жемчужин» или ямок, иногда на тулове сосуда прочерчены тонкие линии. Керамика, аналогичная первому типу, встречена на поселении у дер. Трушниково и датируется С. С. Черниковым IX—VIII вв. до н. э.⁵ Керамика второго типа встречена на поселении Ирмень I и датируется М. П. Грязновым карасукским временем⁶; третий тип находит аналогии в материалах третьей группы Трушниковского поселения⁷ и других памятников поздней бронзы лесостепи. В целом керамика поздней бронзы с городища Голая Сопка очень близка находкам с лесостепных стоянок и поселений Восточного Казахстана и в то же время она связана некоторыми общими чертами с памятниками более северных областей — типа городища Подчеваш (нижний слой) и Ивановских курганов близ Тобольска.

К савроматскому времени относятся несколько фрагментов сосудов бомбовидной формы иногда с резко отогнутым краем. Верхнюю часть тулова покрывает орнамент в форме S-образных насечек — мотив, характерный для лесных областей, но выполненный не штампом, а простой нарезкой. Встречен также орнамент в виде наклонно расположенных насечек по верхней части тулова. Керамика этого типа (рис. 30—2) находит полные аналогии в керамике Мысовских курганов, относящихся к этому же времени⁸.

Основной материал городища относится ко второй половине I тысячелетия н. э. и в меньшей степени к началу II тысячелетия. Концом I тысячелетия датируются открытые очаги и жилище, вскрытое раскопом лишь частично. Жилище было полуземлянкой, шириной около 5 м, углубленной на 1,1 м. Вдоль стен по обеим сторонам — земляные возвышения, возможно нары. Посредине пола на невысоких (около 0,2 м) возвышениях материковой глины были открыты очаги. Пол неровный, по-видимому, земляной. В южной части жилища расширена хозяйственная яма глубиной около 1 м от уровня пола, с округлым дном и почти вертикальными стенками, облицованными берестой. В заполнении ямы встречались остатки перегнившей соломы, что, вместе с находкой в слое жилища круглого жернова, свидетельствует о занятии земледелием. Характер кровли жилища установить не удалось. Наиболее вероятно покрытие берестой и засыпка сверху землей, так как в нижней части заполнения землянки остатки бересты встречены в значительном количестве.

Находка вблизи пола круглой подвески из листовой меди (рис. 30—13), напоминающей бляхи из кургана в «Загородном саду» г. Тюмени, говорит в пользу датировки жилища рубежом I и II тысячелетия н. э.⁹

К более раннему времени — к середине I тысячелетия — относится керамика типов конца карымского этапа (около V в. н. э. — по периодизации В. Н. Чернецова)¹⁰. Она представлена сосудами с округлым, довольно высоким туловом и почти вертикальной шейкой (рис. 30—5). Орнамент, расположенный горизонтальными зонами, состоит из сочетаний гребенчатого и ромбического или треугольного штампа. Керамика аналогичного типа встречена в Козловском могильнике, а также в сборах близ устья р. Салыма¹¹.

По-видимому к этому же времени относятся глубокие чаши с круглым дном, орнаментированные наклонным зубчатым штампом, в два или три

⁵ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. LVII, стр. 62, 271.

⁶ М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 11.

⁷ С. С. Черников. Указ. соч., табл. LX, рис. 7.

⁸ Коллекция Тюменского музея краеведения.

⁹ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957, стр. 243, табл. XLIX.

¹⁰ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 160—185.

¹¹ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 165, табл. XI и стр. 163, табл. X.

ряда вдоль венчика. Сосуды подобного типа известны также на городище «Жилье» на Андреевском озере¹².

К концу I и началу II тысячелетия относятся круглодонные горшки с вертикальным венчиком, орнаментированные преимущественно отступающей гребенкой или лопаточкой наклонными параллельными зонами вдоль венчика и верхней части тулова (рис. 30 — 3, 8). В. Н. Чернецов дает описание такой керамики из прежних работ на исследуемом городище и отмечает близость ее к сосудам городища Тан-Варуп-Эква¹³, датируемого находкой славянского топора X—XI вв.

Наиболее поздний материал встречен в верхнем слое городища. Сюда относится керамика грубой выделки, толстостенная, иногда с лощением с внутренней стороны. По форме — это чаши с уплощенным дном, иногда они овальные, типа блюда. Орнамент — грубая гребенка — вдоль венчика и крупные «жемчужины» под ней, или только ямки вдоль венчика (рис. 30—16). К этому времени относятся и крупные костяные наконечники стрел. По находке кресала, аналогичного новгородским из X—XI слоев¹⁴, верхний горизонт датируется XIII—XIV вв. Кресала этого типа датируются в Новгороде не позднее первой половины XIV в. От этого времени в культурном слое городища сохранились остатки наземных жилищ и развалы глинобитных печей и полов.

---

¹² В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 178, табл. XVII.

¹³ Там же, стр. 214—215.

¹⁴ По сообщению А. Ф. Медведева.

А. А. ИЕССЕН

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА НА ПЛИТЕ
ИЗ КЫЗЫЛ-ВАНКА

Осенью 1926 г. в Кызыл-Ванке, в Нахичеванской АССР, работала экспедиция Закавказской научной ассоциации под руководством проф. А. А. Миллера, которой были раскопаны две больших каменных гробницы с «коллективными», но, очевидно, не одновременными захоронениями. О работе экспедиции в печати появилось только краткое информационное сообщение¹, а предполагавшееся отдельное издание с публикацией и исследованием собранных материалов не было осуществлено. После смерти А. А. Миллера сохранились лишь некоторые его черновые материалы, не дающие возможности восстановить намеченный им план исследования. Между тем, несмотря на небольшой объем выполненных экспедицией работ, ею собран новый и важный археологический материал, относящийся к более позднему времени, чем ранее обнаруженные материалы Кызыл-ванкского могильника², и характеризующие культуру самых южных районов Куро-Араксского междуречья на переходе от бронзы к железу. В последующих работах советских исследователей группа памятников, открытая А. А. Миллером, получила условное обозначение Кызыл-Ванк 2³. Датировать вскрытые две гробницы мы теперь можем ориентировочно X—IX вв. до н. э., а не VIII—VI, как вытекало бы из датировки их Б. А. Куфтиным «эпохой ванской экспансии и мидийским временем».

Не останавливаясь сейчас на обнаруженных экспедицией материалах, переданных после камеральной обработки в 1927 г. в Азербайджанский государственный музей, мы рассмотрим только одну, по-видимому, не сохранившуюся находку, — каменную плиту с изображением человека, перекрывавшую юго-восточный конец гробницы II. Гробница залегала неглубоко от современной поверхности почвы, подвергающейся интенсивному смыву. Перекрывающие плиты почти выступали на поверхность, а занимающая нас плита лежала изображением вверх, что, очевидно, и послужило причиной частичного ее разрушения (рис. 31).

Плита была длиной 2,3 м, шириной до 0,75 м. Длина помещенного на ней изображения — 2,1 м. Воспроизведена человеческая фигура, выполненная в необычной и весьма примитивной технике — рядами круглых ямок,

¹ А. А. Миллер. Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926 г. Сообщения ГАИМК, I, 1926, стр. 326.

² А. Спичин. Некоторые закавказские могильники. ИАК, вып. 29. СПб., 1909, стр. 3—15; И. И. Мещанинов. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край. Сообщения ГАИМК, I, 1926, стр. 234—240.

³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. 1. Тбилиси, 1941, стр. 8—9.

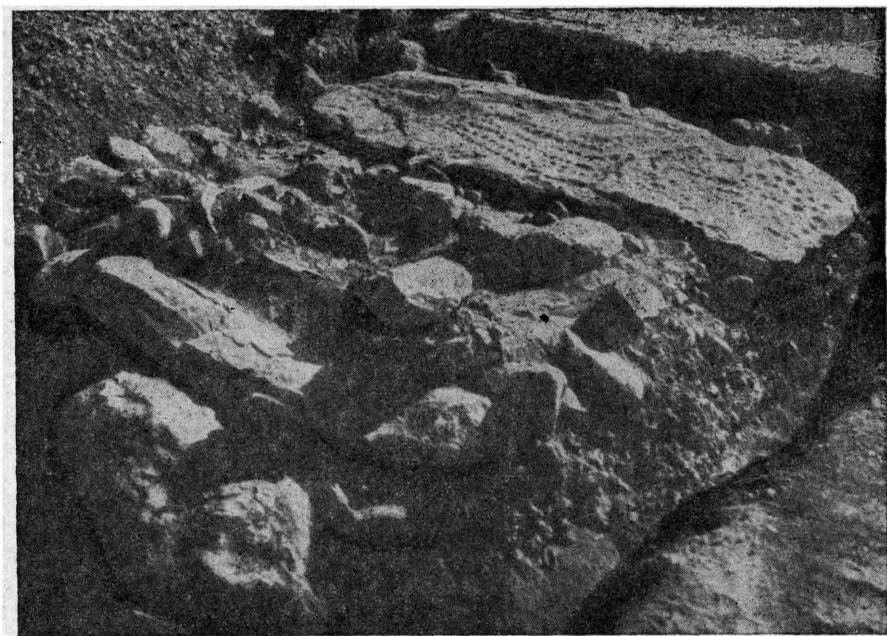

Рис. 31. Плины in situ на гробнице II Кызыл-Ванка

выбитых на лицевой, несколько сглаженной поверхности камня. Диаметр ямок колебался от 1,5 до 4 см, но в большинстве случаев был близок к 3 см. Изображение в левой от зрителя половине было значительно повреждено в результате отслаивания поверхностного слоя камня, местами полностью уничтожившего ямки, местами же от них сохранились только едва заметные следы. Все же общий характер изображения прослеживается достаточно четко.

Голова была показана в виде круга из 22 ямок, заполненного вторым внутренним кругом из ямок меньшего диаметра, непомерно длинная шея двумя параллельными рядами ямок. Продолжение этих двух рядов внутри круга — головы, по-видимому, должно было дать представление о делящей лицо линии носа. Глаза не намечены. По сторонам шеи сохранились изображения поднятых рук, несимметрично под разными углами направленных вверх. Каждая рука изображалась тремя параллельными рядами ямок. Были ли показаны пальцы, сказать невозможно. Длина туловища лишь немногим превосходила длину шеи и головы. Оно имело вид вытянутой подтреугольной фигуры, основанием образующей плечи и заполненной рядами ямок, сходящимися к низу (рис. 32). Всего таких рядов, включая и внешние, очерчивающие контур фигуры, было, по-видимому, девять или десять, но сохранилось более или менее четко только семь рядов. Как были изображены ноги, также сказать нельзя, так как нижний конец плиты сильно поврежден. Можно думать, что очень короткие ноги были показаны с развернутыми ступнями, о чем, возможно, говорит поперечная линия из семи ямок.

Нижний конец изображения доходит вплотную до края плиты. Это обстоятельство доказывает, что перед нами не стела, предназначенная для установки в вертикальном положении, а рассчитанная на горизонтальное положение плиты, вероятно, и обнаруженная во время раскопок на своем первоначальном месте. Однако, разумеется, не исключена возможность, что она найдена во вторичном использовании. По своему смысловому

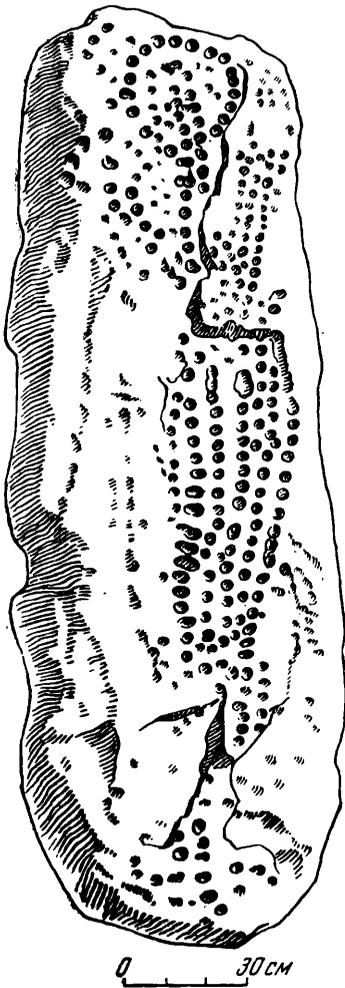

Рис. 32. Изображение человека на плите из Кызыл-Ванка

содержанию перед нами несомненно изображение адоранта или, во всяком случае, человека в ритуальной позе. В этом отношении аналогиями к изображению на кызыл-ванкской плите могут послужить человеческие фигуры на чернолощеных сосудах с инкрустированным белой пастой рисунком, характерные для культуры позднебронзового периода северо-западных районов Азербайджана (Ханлар, Кедабек).

Особенно близки человеческие фигуры на чашах из района Ханлара (б. Еленендорф)⁴. Сближают их с изображением на плите и ритуальная поза — поднятые руки и совершенно условные, геометризованные очертания головы и туловища, широкие плечи и, наконец, заполнение всего контура точками.

Таким образом, единственная в своем роде плита из Кызыл-Ванка оказывается по стилю и сюжету изображения связанной с примерно синхронными памятниками более северных районов Азербайджана.

По окончании раскопок А. А. Миллер принял меры к доставке описанной плиты в Нахичевань и получил заверение, что плита в ближайшее время будет перевезена в Музей. К сожалению, однако, она перевезена не была. Не состоялось также и предполагавшееся продолжение работ в Кызыл-Ванке в 1927 или 1928 г. С тех пор никаких сведений о судьбе этой находки получить не удалось. Не исключено, что плита и сейчас лежит на территории могильника Кызыл-Ванка. Было бы очень желательно произвести поиски на месте, а сейчас мы считаем необходимым опубликовать сохранившиеся фотографию и рисунок этого уникального памятника.

⁴ ОАК за 1899 г., стр. 74, рис. 1526; стр. 75, рис. 153 и 154; стр. 87, рис. 179; J. Hummel. Zur Archäologie Aserbeidzans, ESA, VIII, 1933, стр. 230, рис. 26. Рисунки эти повторены у Б. Б. Пиотровского. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, табл. 9.

В. И. ГУЛЯЕВ

ЗООМОРФНАЯ РУКОЯТЬ НОЖА СО СТАРШЕГО КАШИРСКОГО ГОРОДИЩА

Среди многочисленных изделий из кости, найденных В. А. Городцовым в 1925—1926 гг. на Старшем Каширском городище, выделяется по своему оформлению костяная с тщательно заполированной поверхностью¹ рукоятка ножа.

Рукоять повреждена так, что сохранившаяся ее часть была длиной около 8,5 см, а диаметр наиболее широкой части равнялся 2,5 см. Наиболее интересно навершие рукояти, украшенное искусно выполненным изображением какого-то хищного зверя с тупой мордой, открытой зубастой пастью, с характерными маленькими ушками и круглыми железными гвоздиками вместо глаз (рис. 33—1).

А. П. Смирнов, касаясь вопроса о южных связях дьяковских племен, выдвинул предположение о том, что на рукоятке изображена головка медведя и на основании сходства в трактовке ушей и по общей композиции отнес ее к предметам, связанным со скифским звериным стилем. В качестве аналогии он приводит изображение головки зверя на костяной рукояти ножа с Западного Бельского городища на Полтавщине². Судя по целому ряду характерных признаков, на каширской рукоятке действительно изображена голова медведя.

Однако связывать ее с влияниями скифского звериного стиля, а тем более сближать с изображением на рукояти с Бельского городища, без существенных оговорок, нет серьезных оснований:

во-первых, головка животного на бельской находке принадлежит хищнику из семейства кошачьих (льву или пантере);

во-вторых, общая композиция изображений совсем не совпадает — головка медведя находится в одной плоскости с рукоятью ножа и служит как бы ее продолжением; «бельский хищник», наоборот, занимает положение, перпендикулярное к плоскости рукояти³.

Кроме того, общеизвестно, что образ медведя со всеми его специфическими особенностями встречается в скифском зверином стиле в исключительно редких случаях.

Говорить о связях дьяковских племен со скифами можно лишь в том случае, если под термином «скифский» имеются в виду элементы скифообразной лесостепной культуры, непосредственно граничившей с территорией распространения городищ лесной полосы.

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85. М., 1934, табл. VIII, 6 (в работе дана лишь схематичная прорисовка рукояти).

² А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 54.

³ ГИМ. Экспозиция, зал. V, Западное Бельское городище, зольник 2.

Не считая утраченного к настоящему времениклада бронзовых скифских стрел архаической формы из с. Заборье Московской области⁴, на дьяковской территории не найдено ни одного предмета южного происхождения, который можно было бы считать типично скифским. В то же время те немногие металлические предметы, которые были найдены на дьяков-

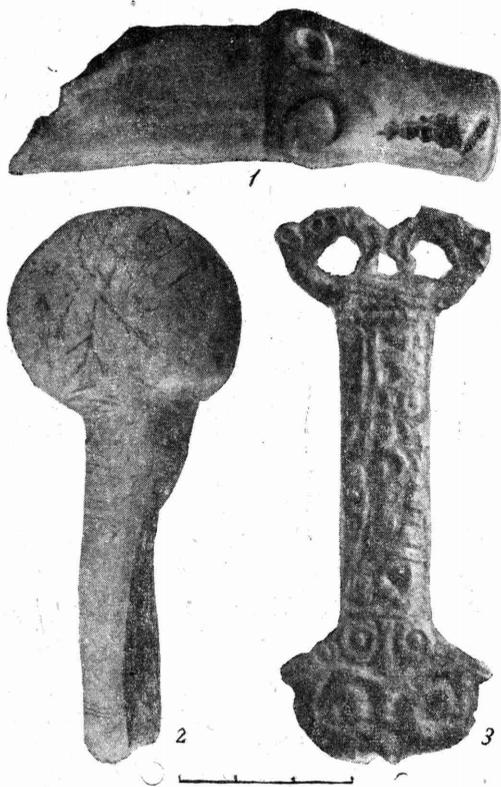

Рис. 33. Костяные и бронзовые рукояти

- 1 — костяная зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища; 2 — костяная рукоять ножа с резным орнаментом со Старшего Каширского городища; 3 — бронзовая рукоять кинжала из г. Ядрина (собр. ГИМ)

Открытая пасть зверя позволяет хорошо рассмотреть строение зубов: в передней части два длинных саблевидных клыка, заходящих друг за друга (один — сверху, другой — снизу) и образующих сплошную перегородку; позади — острая пила треугольных зубов меньшего размера (по четыре зуба в каждой челюсти). Подобное строение зубов очень характерно для изображений хищников с территории ананьинской и савроматской культур, где мы находим много близких параллелей разбираемой нами вещи. К их числу относятся: бронзовая рукоять ножа из Ананьинского могильника, на вершине которой трактовано в виде головки зубастого хищника⁷, костяные изделия с изображениями медведей с Аргыжского

городищах, определенно свидетельствуют об их лесостепном происхождении: бронзовая булава со спиральной головкой (VI—V вв. до н. э.) с городища у д. Скнятино, в устье р. Нерли⁵, бронзовая булава с головкой в виде колючка с городища Прислон⁶ и др.

Что же касается изображения медведя, то это один из самых популярных мотивов в искусстве племен Прикамья и Приуралья, начиная с ананьинского времени и вплоть до средневековья. Несмотря на большое количество изображений медведя, известных с данной территории, все они четко укладываются в несколько хорошо разработанных и канонизированных образов (стоящая профильная фигурка с опущенной вниз головой, жертвенная поза, и др.). Именно из этих областей проникают в Скифию отдельные, не свойственные ей мотивы звериного стиля (медведь, «зубастый и ушастый» хищник и др.).

Наиболее характерные черты камско-уральского звериного стиля отчетливо выступают при сравнительном анализе изображения находки со Старшего Каширского городища.

⁴ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 25, рис. XI, 3—7.

⁵ П. Н. Третьяков. Древнейшие городища на Верхней Волге. СА, IX, 1947, стр. 71, рис. 4, 2.

⁶ Л. А. Евтюхова. Городище Прислон. ТСА РАНИОН, вып. IV, 1928, стр. 217, рис. 2.

⁷ ГИМ. Экспозиция, зал. V, витрина 7, № 9.

и Пижемского⁸ городищ, бронзовый крючок из Ананьинского могильника, широкая часть которого трактована в виде симметрично удвоенной головы хищного зверя⁹, и, наконец, целый ряд великолепных ананьинских парадных секир, обушек которых украшен головками фантастических хищников с широко открытой пастью¹⁰.

Среди савроматских образчиков звериного стиля, близких по трактовке деталей изображению медведя со Старшего Каширского городища, следует назвать костяную ложечку из Бис-Обы, украшенную резной фигурой стоящего медведя с открытой пастью¹¹, костяную рукоять нагайки из Абрамовки, оформленную в виде припавшего к земле хищного зверя²¹, и туалетную костяную ложечку из кургана 4 в Петимары 1, конец которой украшен головкой хищника¹³. Близки по своему характеру предметам камско-уральского звериного стиля и другие детали каширского изображения: трактовка уха, очертания головы, волутообразный завиток на нижней челюсти. Своеобразна трактовка глаз животного, замененных круглыми железными гвоздиками — явление до сих пор неизвестное ни в скифском, ни в камско-уральском искусстве этого времени. Близкие по общей композиции изображения животных неоднократно использовались в искусстве племен Прикамья и Приуралья для оформления различных предметов вооружения (навершия мечей и кинжалов), конской сбруи и предметов туалета (ложечки, зеркала).

Большинство приведенных выше аналогий относится к V в. до н. э., что в некоторой степени позволяет судить о датировке каширской рукояти. Это хорошо согласуется и с общими хронологическими рамками существования городища, которое, по определению В. А. Городцова, относится к концу VII—IV вв. до н. э.¹⁴

Новое направление культурных связей, наметившееся благодаря анализу изображения со Старшего Каширского городища, интересно тем, что в данном случае мы имеем дело с проникновением скифо-сибирских элементов через территорию ананьинской культуры в Среднее и Верхнее Поволжье. К числу предметов ананьинского происхождения, осложненных тем не менее инородными (савроматскими?) влияниями, найденных на территории соседних лесных культур, относятся: бронзовая рукоять меча из Муромы — оригинальное сочетание местных и южных элементов¹⁵, бронзовая рукоять меча из г. Пензы, в этой вещи наряду с ананьинскими чертами в оформлении типично скифская форма навершия и перекрестья¹⁶, бронзовая зооморфная рукоять кинжала из Ядрина (рис. 33—3) — причудливая смесь ананьинских и савроматских черт¹⁷, костяная бляха (коллекция Пензенского областного музея) с изображением свернувшегося в кольцо хищника¹⁸, которая по материалу (кость) стоит ближе к ананьинскому искусству, но по характеру мотива изображения находит много аналогий в скифском и савроматском зверином стиле. К числу этих предметов я отношу и рукоять ножа со Старшего Каширского городища.

⁸ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. XXVI, 6 и табл. XXVI, 10.

⁹ Там же, табл. XVII, 4.

¹⁰ Там же, стр. 134, рис. 14.

¹¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки в Оренбургской области. МАР, вып. 37, Петроград, 1918, табл. VII, 1.

¹² К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 155, рис. 53, 4.

¹³ К. Ф. Смирнов. Сообщение о работах Оренбургской экспедиции в 1960 г. (сделано на заседании скифо-сарматского сектора ИА АН СССР в октябре 1960 г.).

¹⁴ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 45.

¹⁵ Б. Н. Граков. Бронзовая рукоять меча из Муромы. СА, 1961, № 4, рис. 1.

¹⁶ В. И. Гуляев. Мечи скифского типа с территории городецкой культуры. СА, 1961, № 4, стр. 265.

¹⁷ А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 103.

¹⁸ М. Р. Полесских. В недрах времен. Пенза, 1956, рис. 16, 3.

Примеры, свидетельствующие о связях дьяковских племен с населением Прикамья, хотя и не многочисленны, но все же достаточно характерны. Прежде всего нужно отметить, что ананьинские племена, занимающие области по рекам Ветлуге и Унже, непосредственно граничили с обитателями дьяковских городищ, причем, контактная зона между ними проходила где-то в Костромской области. При археологических исследованиях в этом районе выявлена ананьинская керамика на многих местных дьяковских городищах¹⁹, что свидетельствует о проникновении отдельных групп ананьинцев далеко к западу от своей основной территории. Несколько металлических украшений ананьинского и пьяноборского типа найдено в культурных слоях дьяковских городищ на Верхней Волге²⁰ (Черная гора, Топорок, Санниковское городище²¹ и др.). Интересна в этом отношении еще одна костяная рукоятка со Старшего Каширского городища, дисковидное навершие которой украшено резным орнаментом в виде зубчатой линии, образующей замкнутый контур²² (рис. 33—2). Близ центра слегка изогнутого контура можно ясно различить две схематично изображенные трехпалые птичьи лапы. Конечно, трудно говорить в данном случае о каком-то стилизованном изображении птицы, но связь подобной орнаментики с мотивом птицы несомненна. Близко по характеру орнаментации изображение на костяной застежке с Богородского городища в Поветлужье²³. Сама застежка оформлена в виде птицы с распростертыми крыльями (вид сверху), треугольным хвостом и непомерно вытянутой шеей с маленькой головкой, которая служит одновременно крючком. На обоих краях круглого щитка застежки нанесен резной орнамент. И здесь, вероятно, можно видеть новое доказательство связей дьяковских и ананьинских племен, выразившееся, на этот раз в области орнаментики, связанной с мотивом птицы.

---

¹⁹ Е. И. Горюнова. Костромская группа памятников дьяковской культуры (доклад, прочитанный на заседании скифо-сарматского сектора ИА АН СССР в 1961 г.).

²⁰ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, рис. 11.

²¹ О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, стр. 109, рис. 24—1, 2.

²² В. А. Городцов. Указ. соч., рис. VIII, 4.

²³ М. Г. Худяков. Эполетообразные застежки Прикамья. Сб. аспирантов ГАИМК, 1. Л., 1929, табл. 2, 1.

IV. ХРОНИКА

РАБОТА ЛАБОРАТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В 1960—1961 ГГ.

I. В лаборатории первобытной техники (ст. н. сотр. С. А. Семенов, мл. н. сотр. Г. Ф. Коробкова) работа велась по двум направлениям: 1) экспериментальные исследования, 2) обобщение данных по «Истории древней техники». По первому разделу в 1960 г. во время экспедиции проводились экспериментальные исследования по первобытной технике: а) добывание огня трением дерева о дерево и высеканием из кремня и пирита, б) испытания работ деревянными землекопными орудиями, в) использование тростника при строительстве тростникового жилища, г) получение досок путем отщепления их от целых деревьев, д) рубка деревьев каменным ручным рубилом.

Были проведены предварительные опыты по применению первобытной техники к постройке простейшего мегалита.

По второму разделу проводились лабораторные исследования по определению следов работы на каменных и костяных орудиях.

Подготовлены (С. А. Семенов) три главы по теме «История древней техники» — 1) «Общие законы технического прогресса», 2) «Строительство мегалитических сооружений», 3) «Техника древнего палеолита».

II. Лаборатория аналитической химии, спектрального и структурного анализов проводила работы в следующих направлениях. 1. Методические работы. По уточнению методики количественного анализа сплавов на медной основе в 1960—1961 гг. проводились работы с уменьшенной навеской, что позволило использовать для анализа пробы в 0,05 г (мл. н. сотр. Д. В. Наумов). Разработан метод количественного спектрального анализа древних стекол (мл. н. сотр. Д. В. Наумов).

Для анализа золотых изделий отработан метод микрохимического анализа, при котором используется навеска пробы в 0,01—0,005 г (ст. лабор. Т. Ф. Кулькова). По принятой схеме проведено определение химического состава золотых изделий из курганов Поволжья и Казахстана. 2. Тематические работы. По основной теме лаборатории «История древней металлургии» по разделу «Минусинская бронза» (мл. н. сотр. И. В. Богданова-Березовская и Д. В. Наумов) проанализирован материал, обработаны результаты анализов. Подготовлен пояснительный текст по химическому составу и приемам изготовления изделий минусинской бронзы.

Кроме того, выполнены и сданы в печать работы: «Металлические изделия Ферганы эпохи бронзы и железа» (мл. н. сотр. И. В. Богданова-Березовская), «Металлические изделия из могильника Тасты-бутак I» (мл. н. сотр. И. В. Богданова-Березовская и Д. В. Наумов), «Химико-технологическое изучение черепиц из Ольвии» (мл. н. сотр. И. В. Богданова-Березовская и ст. лабор. Г. М. Ковнурко).

III. Радиоуглеродная лаборатория. В химическом отделе лаборатории (мл. н. сотр. С. В. Бутомо и Е. Н. Романова) проводились методические

работы по обработке археологических образцов. При синтезе этилбензола исследованы: а) влияние хлорного железа в качестве катализатора, б) обработан температурный режим реакции, в) условия очистки этилбензола.

Велась работа по химической подготовке образцов торфа и кожи для определения их возраста по C^{14} . Продолжается исследовательская работа по синтезам органических соединений, пригодных для сцинтилляционного метода определения природного C^{14} .

В физическом отделе (мл. н. сотр. В. В. Артемьев, ст. лабор. А. Л. Семенцов) наряду с определением археологических возрастов проведено усовершенствование действующей радиоуглеродной установки. Проведены работы по автоматизации процесса измерения C^{14} и статистики распада радиоуглерода, что позволило повысить точность и объективность измерений. Разработано и начато изготовление радиоуглеродной установки на полупроводниках и ферритах, что позволяет одновременно измерять четыре образца. Напечатана инструкция по взятию пробы на радиоуглеродный анализ.

IV. Кроме перечисленного, в лаборатории археологической технологии велась следующие работы: начаты петрографические исследования археологического материала — кремня, керамики и различных минеральных образований. Проводится работа по изучению свойств кремня и его распространности на территории европейской части Советского Союза (ст. лабор. Г. М. Ковнурко).

Продолжалась работа по сбору материала по теме «Последниковая история Балтийского моря и связь его с археологическими культурами» (ст. лабор. П. М. Долуханов). Совместно с геологами Северо-Западного Геологического Управления методом бурения исследовались геологические условия залегания археологических памятников на Карельском перешейке.

В связи с этим в 1961 г. под руководством ст. н. сотр. С. И. Руденко была проведена экспедиция на Карельский перешеек, целью которой были: 1) поиски неолитических стоянок и 2) сбор палеонтологического материала для датировки открытых в этом районе археологических памятников и истории развития Балтийского моря. Были обнаружены и обследованы четыре неолитические стоянки р. Вьюн и одна стоянка на р. Рокколан.

В содружестве с кафедрой геоморфологии ЛГУ проводились палеогеографические исследования на некоторых неолитических стоянках. Основные исследования проводились в Выборгском районе (на Карельском перешейке), где был исследован в геоморфологическом отношении ряд древних береговых линий Балтийского моря и выяснена их связь с определенными неолитическими стоянками. При этом собран материал для относительной (путем спорово-пыльцевого и диатомового анализов) и абсолютной (по C^{14}) датировки этих берегов. Это дает возможность уточнить схемы хронологии неолитических культур и изменения берегов Балтийского моря.

И. В. Богданова-Березовская

СЕКТОР СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1961 Г.

В 1961 г. сектор скифо-сарматской археологии продолжал работу над широким кругом вопросов истории раннего железного века. Увеличение состава за счет перевода из сектора славяно-русской археологии Ю. В. Кухаренко, В. В. Кропоткина, О. Н. Мельниковской, Э. А. Сымоновича и Л. В. Артишевской расширило и углубило тематику работ.

Создание больших союзов племен, постоянные передвижения их и вызванные этим процессы взаимодействия, влияния, наконец, ассимиляция разноэтничных племенных образований — относится как раз ко времени так называемой скифо-сарматской эпохи. Поэтому изучение истории скифов и сарматов, выяснение их этногенеза и других вопросов, а главное, правильное понимание исторических процессов теснейшим образом связано с исследованием истории западных, восточных и северных соседей этих племен. В связи с этим тематика сектора охватывает изучение широкой территории Восточной Европы, Кавказа, Приуралья и Средней Азии.

С мая 1961 г. сектор работает в составе 19 сотрудников и двух аспирантов. В истекшем году были завершены многолетние темы и подготавливаются к печати следующие работы.

1. Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии (милоградская культура) — О. Н. Мельниковская. Раскопками автора в 1952, 1954—1961 гг. в юго-восточной Белоруссии собран обильный материал, позволивший выделить особую археологическую культуру, получившую название милоградской. В работе даны подробная характеристика этих памятников, территория их распространения, датировка, очерк хозяйственно-экономической истории милоградских племен и связей их с носителями зарубинецкой культуры.

2. «Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э.» — И. С. Каменецкий. На основании детального изучения местной керамики и погребального обряда автор пришел к выводу (в противовес господствующему мнению), что основную часть населения Нижнего Дона в I—III вв. н. э. составляли местные племена меотов. С рубежа нашей эры начинается процесс «сарматизации» этого населения, который достиг наибольшей интенсивности к концу рассматриваемого периода.

3. «Памятники эпохи бронзы на Байкале (Улярба)» — Л. П. Зяблин. Публикуются новые материалы по бронзе Байкала (собранные на трех могильниках), позволяющие установить неразрывную связь серовского и глазковского этапов неолита и бронзы Сибири. Это заставляет пересмотреть периодизацию А. П. Окладникова, в которой между серовским и глазковским вклинивается китойский этап.

4. Были написаны также следующие главы для второго тома «Истории СССР» а) рабовладельческое общество Средней Азии; б) скифы и сарматы; в) кочевники IV—VI вв. н. э. (А. П. Смирнов).

Продолжали разрабатываться темы: Культура племен степного Поднепровья в скифское время (А. И. Мелюкова); Скифы в Крыму (О. Д. Дашевская); Средний Дон в скифское время (П. Д. Либеров); Культура лесостепных племен Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. (В. Г. Петренко). А. И. Мелюкова с целью поисков восточной границы распространения гетской культуры и, следовательно, западных границ Скифии провела раскопки трех поселений в Одесской области и разведки по Кучурганскому лиману, в районах стыка гетской и скифской культур. В плане начала исследования собственно скифской степной территории ею же вскрыты девять курганов около Солохи. О. Д. Дашевская исследовала весьма интересное скифское городище в Крыму — Южно-Донузлавское — с мощным культурным слоем III в. до н. э., хорошо сохранившимися каменными сооружениями нескольких строительных периодов, оборонительной стеной и великолепными находками вещей скифского и боспорского производства. П. Д. Либеров проводит широкие раскопки и разведки по притокам Дона, Тихой Сосне, Попудани, Ведуге и Битюгу, где открыты и изучены памятники эпохи бронзы и раннего железного века. Это позволит в дальнейшем выяснить вопрос о происхождении и развитии племен раннего железного века на Среднем Дону и уточнить некоторые важные сообщения Геродота о племенах будинов и гелонов. Одновременно П. Д. Либеров совместно с В. А. Башиловым подготавливает выпуск Свода археологических источников «Средний Дон в скифское время». В. Г. Петренко обследованы поселение и могильник V—III вв. до н. э. у с. Грищенцы Каневского района; здесь собраны интересные данные о непосредственной связи лесостепной культуры скифского времени с культурой полей погребальных урн.

На заседаниях сектора, помимо отчетных сообщений о полевых исследованиях (О. Д. Дашевская, В. Г. Петренко), были заслушаны доклады А. П. Смирнова «Скифы и сарматы» (глава для очерков по истории СССР), В. И. Гуляева «Скифские элементы в некоторых культурах лесной полосы», Э. Буковского (Польша) «Скифские элементы на территории лужицкой культуры», Э. А. Сымоновича «Фибулы могильника Неаполя Скифского» и др. В докладе Э. Буковского был затронут вопрос о возможных путях появления на территории лужицкой культуры скифских вещей. Автор считает это результатом неоднократных походов скифов в эти районы.

К. Ф. Смирнов продолжает работу над последними главами монографии «Истории культуры савроматов VII—IV вв. до н. э.» В прочитанном им докладе «Религия савроматов» впервые было высказано положение, что эта религия, связанная с почитанием огня, света и солнца и с дуалистическим взглядом на бытие, заключала многие элементы древнего племенного мировоззрения, которые составили основу и источник зороастрийской религиозной системы оседлых народов Средней Азии и Ирана.

Оренбургская экспедиция 1961 г. (К. Ф. Смирнов) исследовала сарматские памятники Соль-Илецкого района; в 8 курганах вскрыты около 60 могил, большинство которых относятся к концу IV—II вв. до н. э., т. е. ко времени, наименее изученному в Приуралье. Раскопки дали устойчивый комплекс погребального обряда, керамики, оружия и т. д.

Сотрудниками сектора составлены два выпуска Свода археологических источников: «Савроматская культура» (К. Ф. Смирнов и В. Г. Петренко) и «Прохоровская культура Нижнего Поволжья и Южного Приуралья» (М. Г. Мошкова), работа над которыми неоднократно обсуждалась на заседаниях сектора. Первый выпуск содержит введение, дающее представление о савроматской культуре в целом, подробные легенды к картам и таблицам вещей савроматской культуры VII—IV вв. до н. э., а также серию карт и таблиц отдельных категорий вещей. Альбом выпуска отразит все известные материалы по культуре савроматских племен, Дона, Волги и Южного Урала (включая исследования 1960 г.). Вторым выпуском — это первая систематизация материалов по сарматской культуре IV—II вв. до

н. э. Краткое историческое введение, освещающее вопросы хронологии, характеристика погребального обряда и всех групп инвентаря, иллюстрированы картами и таблицами, отражающими типологическое развитие всех категорий вещей. К обоим выпускам составлена полная картотека по комплексам и отдельным вещам. Начата работа по сбору материала для выпуска Свода «Тавры в Крыму» (Х. И. Крис).

Помимо указанных выше, разрабатываются следующие темы: А. Е. Алихова — Юхновские племена лесостепи; В. В. Кропоткин — Экономические связи Восточной Европы с Римской империей и Византией в I тысячелетии н. э.; Э. А. Сымонович — Северные границы черняховской культуры; Ю. В. Кухаренко — Зарубинецкая культура.

В плане этих работ были проведены большие полевые исследования. А. Е. Алихова обследовала бассейны рек Усоши и Прутища в пределах Курской области с целью выявления городищ скифского времени. Было продолжено изучение двух таких городищ — Кузина гора и Кудиярова гора. А. Е. Алихова провела также Наровчатскую и Мордовскую экспедиции (памятники I тысячелетия н. э. и периода татаро-монгольского завоевания). В поисках северной границы распространения черняховской культуры Э. А. Сымонович провел широкие разведки в районе Курского Посеймья, а также в Сумской и Черниговской областях. Была установлена большая насыщенность районов Курского Посеймья памятниками черняховской культуры. Были, кроме того, проведены раскопки черняховских могильников и поселений у с. Журовки, Черняхова и Деревянного¹. В. В. Кропоткин, также занимающийся черняховской проблемой, обследовал Кировоградскую и Черкасскую области. Исследования по зарубинецкой культуре осуществляются в плане составления выпуска Свода, который будет представлять собой первую попытку описания всех памятников зарубинецкой культуры (рубеж и начало нашей эры).

Часть сотрудников сектора разрабатывает темы по истории железного века и средних веков Кавказа. Северо-Кавказской экспедицией (под руководством Е. И. Крупнова) в предгорных районах Чечни обнаружены памятники майкопской культуры (Ново-Свободненский этап), а также кобанские². В Северной Осетии продолжались раскопки городища «Верхний Джудат» (нач. раскопок О. В. Милорадович), давшие материалы о связях Северного Кавказа с Киевской Русью в XII—XIII вв. Работы в Черкессии ознаменовались открытием на средневековом городище у с. Нижний Архыз христианских церквей; в стенах одной из них обнаружены фрагменты арабских надписей 1045 г.

Много времени в работе сектора было уделено обсуждению диссертаций и авторефератов: В. А. Кузнецова «Локальные варианты аланской культуры» и В. Б. Деопик «Стеклянные, каменные и металлические украшения IV—IX вв. Северного Кавказа и Крыма, как исторический источник». Использование В. Б. Деопик новых статистических методов для исследования массового археологического материала после оживленного обсуждения было всецело поддержано сотрудниками сектора.

На заседаниях сектора были также заслушаны доклады В. К. Гарданова (Институт этнографии АН СССР) «О значении термина алан и границах Северо-Кавказской Алании» (по данным античных и раннесредневековых письменных источников) и Д. М. Атаева (Дагестанский филиал АН СССР) «Некоторые итоги историко-археологического изучения Средневековой Аварии».

Интересный доклад В. К. Гарданова привлек особое внимание тем, что в своем толковании термина алан, основанном на изучении письменных источников, докладчик пришел к тем же выводам, что и В. А. Кузнецов на

¹ См. статью Э. А. Сымоновича в настоящем выпуске.

² Экспедицией открыты также первые следы верхнего палеолита в Горной Чечне и памятники типа закавказского энеолита в ее предгорных районах.

основании археологических материалов. Термин аланы собирательный для обозначения значительной части северокавказского коренного населения. Объясняется это теми реальными историческими связями, которые к этому времени сложились на Северном Кавказе между различными племенами, входившими в аланский союз. Эти связи, в частности, ярко отразились в северокавказской «аланской» культуре, в которой, несмотря на единство многих ее черт, выявлены и локальные отличия (работа В. А. Кузнецова), обусловленные сложным этническим составом «аланского» племенного объединения. А потому ошибочно отождествление северокавказских алан с предками только осетин.

Памятники железного века лесной полосы верхнего и среднего течения Волги исследуются Е. И. Горюновой и А. П. Смирновым. Е. И. Горюнова работает над выпуском свода археологических источников «Северо-восточная группа дьяковской культуры», в плане которого ведутся и полевые исследования на территории Костромской области (в Галичском и Буйском районах). В 1961 г. Е. И. Горюнова раскапывала два городища предананьинского и раннеананьинского времени, где собраны обильные археологические материалы. А. П. Смирнов продолжает работу над выпуском свода «Городецкая культура». На исследованном им Янгильдинском селище (Чувашия), в основе позднегородецком IX—XI вв., выявлены комплексы и городецкий и болгарский. Подсчет керамики по слоям и выделение жилищ с типично городецким и болгарским комплексами позволяет говорить о проникновении болгар в самом конце I тысячелетия н. э. на север Чувашии в среду финно-угорского населения и о культурной ассимиляции ими аборигенов. В целом Янгильдинское селище датируется в пределах IX—XII вв. Не менее интересные результаты раскопок Чурачикского кургана (Цивильский район, Чувашия) с впускными погребениями V—II вв. до н. э., содержащими характерные вещи савроматского, ананьинского и северо-кавказского типов. Эти полевые работы проведены совместно с Чувашским научно-исследовательским институтом.

Доклад А. Х. Халикова (Казанский филиал АН СССР) «Памятники эпохи раннего железа на Средней Волге» связан с этим же кругом вопросов. Основываясь на новом материале из Аккозинского, Ахимилковского, Пусто-Морквашинского и Гулькинского могильников, автор настаивает на несомненной принадлежности средневожского населения к ананьинской культурной области. Элементы же различия, наблюдаемые в материале, свидетельствуют о существовании средневожского населения как отдельной племенной группы. Об этом же говорит и территориальная обособленность. Несмотря на высказанные Е. И. Горюновой некоторые сомнения, заслуживает внимания интересное предположение автора о том, что в середине I тысячелетия до н. э. ананьинское население Средней Волги было частично вытеснено городецкими племенами, начавшими свое интенсивное продвижение в восточном направлении. В это же время происходит концентрация ананьинских племен на Ветлуге и в Прикамье, очевидно, в результате включения нового населения, вытесненного с берегов Волги.

На территории Средней Азии также ведутся работы сотрудниками сектора. Т. Г. Оболдуева продолжала раскопки на городище Эйлатан (VI—IV вв. до н. э.). Г. А. Брыкина исследовала поселение в с. Карабулак, где ею выявлены остатки большого архитектурного комплекса XI—XII вв. н. э. В. И. Козенкова доложила сектору о результатах своих трехлетних работ на холме Гайрат-тепе (Андижанская область), включавшем остатки древнего здания. Прослежены три периода его существования: I—III, III—IV и IV—V вв. н. э. Л. В. Артишевская провела исследование могильника и поселения Кветунь-Макорзно V—VII вв. н. э.—первых памятников этого времени на территории Брянской области. Сотрудниками сектора сданы в печать 66 статей.

М. Г. Мошкова

О РАБОТЕ ГРУППЫ ФИННО-УГОРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ЗА 1960—1961 ГГ.

В 1960—1961 гг. группа финно-угорской археологии продолжала свою работу. На заседаниях группы рассматривались проблемы дьяковской и городецкой культур, археологии мордвы, веси, уральских и зауральских угорских народов. Всего было проведено одиннадцать заседаний.

Е. И. Горюнова в докладе «К вопросу о дьяковской культуре» отметила три проблемы, выдвинутые еще А. А. Спицыным и не разрешенные до настоящего времени. Первая — уточнение датировок, вторая — выделение локальных групп памятников, третья — отношение к соседним культурам. Е. И. Горюнова считает, что наличие сетчатой керамики и «грузиков дьякова типа» не может рассматриваться как признак в сей дьяковской культуры и характеризует только ее варианты. При рассмотрении культуры необходимо учитывать особенности и соседних культур, так как в «контактных зонах» они неизбежно накладывают свой отпечаток. При современном состоянии наших знаний отчетливо выделяется только северо-восточная группа памятников, несущих на себе сильное влияние уральско-камских элементов. Остальные группы: верхне-окская, западная, центральная и северная могут быть намечены только приблизительно. Вопрос о датировках дьяковской культуры еще не достаточно разработан. Если сетчатую керамику брать в качестве определяющего признака и датировать культуру временем ее появления, то в качестве начальной даты мы должны взять рубеж и первые века первого тысячелетия до н. э. Конечной датой следует считать конец первого тысячелетия нашей эры. Железные рубленные стрелы не могут быть датирующим материалом, так как диапазон распространения их во времени и пространстве слишком велик. Более прочное обоснование датировки дают привозные украшения и вещи. Основной массив носителей дьяковской культуры составляют финно-угры.

Н. В. Трубникова в докладе — «Городище Ножа-Вар в Чувашии» подвела итоги исследованию древнего поселения близ города Ядрина на р. Суре. Городище раскопано в 1958—1959 годах. Это многослойный памятник, нижний слой которого относится к культуре хула-сючь, к первому тысячелетию до н. э. Верхний слой относится к середине первого тысячелетия н. э. и должен быть связан с городецкой культурой. Был исследован вал, сооруженный из глины, положенной на каркас из вертикальных и горизонтальных бревен. Вал в IV в. н. э. был реконструирован, это хорошо датируется находками бронзовых украшений. Жилища выявлены по углублениям и очагам. Интересен клад бронзовых украшений. Городище датируется городецким слоем III—V вв. н. э.

Доклад А. Е. Алиховой «Раскопки в Наровчатке и Мордовии» касался исследований, проведенных по заданию Министерства культуры РСФСР в связи с охраной памятников. Были обнаружены горны с топочными

отверстиями. При их расчистке найдены: поливная пиала, обломки зеркал, костяной игольник, сьюльгама и большое количество болгарской красной керамики. Далее проведено обследование в урочище «Красный ключ», где удалось обнаружить остатки построек с подпольной системой отопления. Стены состоят из двух панцирей с внутренней забутовкой.

В. Н. Чернецов в докладе «Наскальные изображения Урала» дал подробную характеристику памятников. Докладчик остановился на истории вопроса и отметил, что, судя по альбомам первых исследователей, за последние сто лет заметных изменений в наскальных изображениях не произошло. Они нанесены на скалы на высоте 2—4 м, а некоторые даже на высоте 12 м. Все изображения выполнены красной краской, в настоящее время по твердости превосходящей скалу. Докладчик высказал предположение, что растворителем краски служила свежая кровь, которая при свертывании дала твердое белковое соединение. Памятники, исследованные рядом с писаницами, не дают права датировать их тем же временем. На писаницах имеются элементы орнаментации, аналогичные керамике эпохи бронзы. Это дает право провести нижнюю хронологическую грань. Верхняя дата относится к исторической эпохе. На изображениях часто встречаются тамги родов хантов и манси; знаки солярного культа, знаки, аналогичные затесам на деревьях в честь убитых зверей; тамги зверей и т. д. Последние напоминают праздники манси и хантов в период зимнего солнцестояния и весеннего равноденствия. Все аналогии наскальным изображениям ограничиваются угорским миром и за его пределами не встречаются.

Доклад Н. В. Трубниковой «Городище Пичке Сорче» посвящен одному из ценных памятников Чувашии. Докладчица отметила, что памятник двухслойный; в нижнем найдена керамика типа хула-сючь, верхний — средневековый. Был исследован вал; в основе его — деревянная конструкция из вертикально поставленных столбов и поперечин, засыпанная глиной. Прослежены следы 12 наземных построек с сохранившимися следами обмазки. Среди находок привески, бусы, аналогичные бусам из рязанских могильников, а также трехлопастные сарматские стрелы. Весь комплекс следует датировать II—IV вв. н. э.

Доклад Н. В. Трубниковой «Кошибеевская культура» был посвящен вопросу о выделении этой новой культуры. Докладчица ознакомила слушателей с историей изучения памятников кошибеевского типа и изложила точки зрения различных исследователей по этому вопросу. Сообщены результаты раскопок Кошибеевского могильника А. А. Спицыным и И. Д. Глазовым. Обосновано деление могильника на группы, принадлежавшие разным семьям, дано описание погребальных комплексов, обоснована дата I—IV вв. н. э. и охарактеризовано влияние сармат и племен пьяноборской культуры на племена кошибеевской культуры. Особо отмечены вновь открытые поселения кошибеевского типа.

А. Ф. Дубынин в докладе «Могильник у деревни Кочкино Ивановской обл.» осветил топографию могильника и охарактеризовал его захоронения. Здесь были открыты четыре трупосожжения и расчлененные погребения. Найдены предметы вооружения: меч, кельты, удила, а также женские украшения: венчик, височные кольца, бусы, перстни; в женском комплексе были также встречены нож, игла, удила. Выше человеческого захоронений лежали кости коровы, лошади, овцы. Могильник датируется V—VI вв. н. э. В качестве аналогии автором привлечены материалы Холуйского, Подболотновского и Хатимьского могильников. В заключение был приведен топонимический материал, доказывающий принадлежность данной территории муроме.

В. Н. Чернецов прочел доклад — «Ранний неолит Зауралья», где охарактеризовал следующие памятники: Козлов мыс 1, Татарский Бор, Ирбитское озеро, Какшаровское озеро, Палкино, Большой Алак. На всех найдены сосуды с однообразной орнаментацией, нанесенной палочкой и ло-

паточкой, причем отсутствуют элементы, гребенки и ямки. Керамике сопутствует кремневый инвентарь. Ретушь на кремне близка мезолитической, что объясняется пережиточным характером техники. Отмечено, что стоянки на Аму-Дарье дают точно такую же керамику, такой же кремневый инвентарь и что как в Приаралье, так и на севере есть сосуды, поверхность которых покрыта охрой. Очень интересна орнаментация на бересте из Горбуновского торфяника, повторяющая орнаментацию керамики. И в Приаралье и на севере кремнь миниатюрный, его прототипы уходят в V тысячелетие до н. э., поэтому стоянки датируются IV тысячелетием до н. э. По мнению докладчика, предки угров пришли из Приаралья, это переселение следует объяснять изменением климатических условий.

Л. А. Голубева (ее доклад назывался — «Славяне и весь на Белом озере») познакомила слушателей с летописными данными о веси; подробно рассказала о неукрепленном поселении X—XI вв., обнаруженном на Белом озере в устье Шексны. Здесь найдено большое количество лепной керамики, которую докладчик считает финно-угорской. Особо отмечено отсутствие скандинавских вещей. Охарактеризованы также погребальные памятники. По мнению докладчика, для западной веси характерны курганы, а для белозерской — грунтовые могильники.

Р. Л. Розенфельдт в докладе «Дьяковские памятники Московской области» подробно осветил историю вопроса. Докладчиком зафиксировано 150 городищ и селищ, что позволило ему высказаться против существующей точки зрения о гнездовом расположении городищ. Отмечено, что в Зарайском районе Московской области памятники следует относить не к дьяковской, а к городецкой культуре, а городища по Клязьме не могут быть охарактеризованы в силу плохой изученности.

В докладе Н. В. Грубниковой «Раскопки в Чувашии в 1961 году» сообщены результаты работ на городище «Тиханкино», где исследовано жилище, углубленное в материк на 0,5 м, выявлен очаг, сложенный из камней, и столбовые ямы. В заполнении жилища найдена так называемая рогожная керамика. В валу открыты деревянные конструкции. Второе городище, Араху (в Сундырском районе), было укреплено двумя валами с напольной стороны и одним со стрелки. Валы городища сложены из культурного слоя, что свидетельствует о существовании здесь вначале неукрепленного поселения. На городище прослежены остатки построек. Оба городища одновременно городищу Ножа-Вар, т. е. относятся к первым векам нашей эры.

К. А. Смирнов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки
ВДИ — Вестник древней истории
ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗРАО — Записки русского археологического общества
ИА — Институт археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ОДАМ — Одеський державний археологічний музей
РГО — Русское Географическое общество
СА — Советская археология
Тр. ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
SCIV — Studii și cercetări de istorie veche
WA — Wiadomości archeologiczne
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

- А. П. Смирнов — Некоторые нерешенные задачи археологии раннего железного века 3

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

- О. Н. Мельниковская — Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии (Милоградская культура) 9
- Д. А. Мачинский — О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур 20
- И. С. Каменецкий — Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища 29
- С. И. Капошина — Одна из групп керамики с Кобякова городища 37

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов — Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии 42
- А. Ф. Дубынин — Результаты работ Можайской экспедиции 54
- А. И. Мелюкова — Исследование гетских памятников в степном Поднестровье 64
- Л. В. Алексеев — Городище Девичья Гора в Мстиславле 73
- Э. А. Симонович — Работы на черняховских памятниках в Приднепровье 80
- А. М. Мандельштам — Послекушанские погребения в Северной Бактрии 88
- В. А. Могильников — Работы Иртышского отряда 94
- А. А. Иессен — Изображение человека на плите из Кызыл-Ванка 98
- В. И. Гуляев — Зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища 101

IV. ХРОНИКА

- Работа Лаборатории археологической технологии Института археологии АН СССР в 1960—1961 гг. (И. В. Богданова-Березовская) 105
- Сектор скифо-сарматской археологии ИА АН СССР в 1961 г. (М. Г. Мошкова) 107
- О работе группы финно-угорской археологии за 1960—1961 гг. (К. А. Смирнов) 111
- Список сокращений 114

**Краткие сообщения о докладах и полевых
исследованиях института археологии**

Выпуск 94

Памятники раннего железного века

Утверждено к печати

Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева

Технические редакторы П. С. Кашина и В. И. Зудина

РИСО АН СССР № 121—98 В Сдано в набор 5/ I 1963 г.

Подписано к печати 3/V 1963 г. Формат 70 × 108^{1/16}

Печ. л. 7,25 = 9,93 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 9,5

Тираж 1300 экз. Т-055282 Изд. № 1197 Тип. зак. № 1621

Цена 57 к.

Издательство Академии наук СССР

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР,

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10